

TAUTA ir ŽODIS

Humanitarinių Mokslų Fakulteto leidinys

III knygos

Red. prof. V. Krėvė Mickevičius.

EPE LITUANA

sumptibus Ordinis Philologorum Universitatis Lituanae edita

Liber III

Kaunas, :: :: :: :: Valstybės Spaustuvė :: :: :: :: 1925 m.

TURINYS.

I. Mokslo straipsniai	psl.	1—254
Doc. B. Srunga. Lietvių dainų poetinės priemonės. Dainų poetikos metmena (b. d.)	"	1—75
Doc. F. Breder. Die Verwendung der sog. Deminutiva im Litauischen	"	76—111
Проф. А. Спицынъ. Литовскія древности	"	112—171
Prof. Krévė Mickevičius. Indoeuropiečių protėvynė. Antroji dalis. Indoeuropiečių gimtinė (b. d.)	"	172—221
Prof. Krévė Mickevičius. Kazim. Büga.	"	221—223
Prof. Vacl. Biržiška Prof. K. Bügos raštų bibliografija	"	224—231
Prof. A. Dombrauskas. Kun. Ambroziejus Kašarauskis	"	232—254
I. Ratelaitis. Leipalingio monografija	"	255—275
II. Iš archyvų:		276—321
Maurikio Mykolo Stankevičiaus ir Karolio Streicherio laiskai į Stanislovą Didžiulį. Suteikė prof. Vacl. Biržiška	"	276—291
M. Akelaičio laiskai. Suteikė prof. A. Janulaitys	"	292—321
III. Tautosaka.		322—480
Prof. V. Krévė Mickevičius. I. padavimai apie Liškeva ir Merkinę. Psl. 322—333. II. Apie Laumes. Psl. 333—336. III. Apie Perkūną. Psl. 336—337. IV. Apie Aitvarą. Psl. 337—340. V. Burtai, Sédos parap. Telšių apskr. rinkti. Psl. 363—366. VI. Burtai, Pasvalio parap. rinkti. Psl. 366—372. VII. Patarlės, priežodžiai ir išsireiskimai, Merkinės, Marcinkonių (lenkų okupuota), Ratnyčios (lenkų okupuota), Valkininkų (lenkų okupuota) ir Niedzingės parap. rinkti. Psl. 375—389.		
I. Elisonas. Burtai, Panevėžio apskr. rinkti. Psl. 341—363.		
P. Butėnas. Burtai, spejimai, iprociai ir dar šis tas. Surinkta Grūžių apylinkei Joniškėlio valšč. Psl. 373—375.		
A. Vireliūnas. Kupiškėnų dainos. Psl. 390—480.		
IV. Kritika ir bibliografija	psl.	481—577
Prof. Ern. Fraenkel. Zur Baltoslavischen Etymologie und Wortforschung. Psl. 481—489.		
Doc. F. Breder. I. Zur Terminologie im Litauischen. Psl. 489—492. II. Zu lit. „gerti taboko“. Psl. 492—493.		
Doc. A. Senn. I. Ern. Schwentner. Die Wortfolge im Litauischen. (Slavica. Hgb. von M. Murko, Nr. 5). Psl. 494—496. II. Reallexikon der Vorgeschichte. Erster Bd. A. Hgb. von M Ebert. Berlin 1924. Psl. 496—497. III. Festschrift Eugen Mork zum 70 Geburtstag 19 Juli 1924 Halle an der Saale 1924. Psl. 497. IV. Streitberg		

— Festgabe herausgegeben von der Direktion der vereinigten Sprachwissenschaftlichen Institute an der Universität zu Leipzig 1924. **Pusl. 497—498.** V. Stand und Aufgaben der sprachwissenschaft. Festschrift für Wilhelm Streitberg. Heidelberg 1924. **Pusl. 498—501.** VI. Tore Torbiörnson. Die litauischen Akzentverschiebungen und der litauische Verbalakzent. (*Slavica hgb. von M. Murko*. Heidelberg 1924). **Pusl. 501—502.** VII. Soter. *Ephemerides Sacrarum Disciplinarum Theologicae philosophicae Fakultatis in Universitate Lituana*. I d. Kaunas 1924. **Pusl. 502—503** VIII. Anthropos. Internacionale Zeitschrift für Völker-und Sprachenkunde. Bd. XVIII—XIX. 1925—1924. **Psl. 509.** IX. Der Mensch aller Zeiten. Natur und Kultur der Völker der Erde von H. Obermaier etc. III Bd. Regensburg 1924. **Pusl. 504—505.** X. Knygos. Bibliografijos ir kritikos žurnalas. Nr. 4—5. Red. Vacl. Biržiška. Kaunas 1924. **Pusl. 505—506.** XI. Baras. Literatūros ir meno žurnalas. Kaunas 1925 m. **Pusl. 506—507.** XII. Rygiškių Jono Lietvių kalbos gramatika. Kaunas 1925. **Pusl. 507—508.** XIII. A. Vireliūnas. Mūsų kalbos ūgdymas. Kaunas 1925. **Pusl. 508—509.** XIV. K. Būga. Lietvių kalbos žodynai. II sąsiuvinis. Kaunas 1925. **Pusl. 509—510.** XV. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte von Felix Solmsen. Heidelberg 1925. **Pusl. 510—511.** XVI. Vondrak, Wenzel. Vergleichende Slavische Grammatik. I Bd. Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen 1924. **Pusl. 511.** XVII. Meillet A. et Vendryès I. *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. Paris 1924. **Pusl. 511.** XVIII. Zeitschrift für Slavische Philologie. Hgb. von Dr. M. Vasmer. Bd. I, Heft. 1—2. Leipzig 1924. **Pusl. 511—512.** XIX. Folkloristisches. **Pusl. 512.**

Doc. B. Srunga. Dainavos krašto liaudies dainos, prof. V. Krėvės Mickevičiaus surinktos. Kaunas 1924. **Pusl. 513—562.**

A. Salys. Prof. K. Būgos rašto palikimas. **Pusl. 563—577.**

Литовскія древности.

Исконнымъ и основнымъ мѣстомъ обитанія Литвы можно признать широкій районъ между Вислою, Зап. Двиной и Полѣсемъ, съ какимъ-то распространениемъ въ видѣ языковъ на С. и В. Географическая условія этой мѣстности въ окончательной формѣ опредѣлены были ледниками, отложившими здѣсь три терассы. Нижняя, приморская терасса представляетъ собой обширную выемку, сильно изрытую и очищенную отъ камня льдами. Въ этой „озерной равнинѣ“ господствуютъ слабые моренные наносы, близки обнаженія краснаго песчаника, въ огромномъ количествѣ распространены широкія болота и торфяники, низины. Южная граница терассы идетъ довольно правильно отъ середины нижняго плеса Вислы (Маріенвердеръ) въ направлениі Ковны, далѣе охватываетъ низины Митавы, а затѣмъ уходитъ въ весьма прихотливыхъ очертаніяхъ черезъ Двинскъ на сѣверо-востокъ къ Двинской губѣ. Вторая терасса („конечныхъ моренъ“) узка на западѣ и расширяется на сѣверо-востокѣ. Она тянется, приблизительно отъ Бромберга, довольно правильною линіей на востокъ, къ верховьямъ Западной Двины. Эта терасса осушена рѣками и наполнена сплошной сѣтью многочисленныхъ озеръ, столь же хорошо развитыхъ и по концамъ, въ Мазуріи и на Двинѣ. Это и есть историческій центръ литовскаго племени. Районъ затянутъ сплошнымъ лѣснымъ паркомъ, сберегавшимъ огромный звѣриный фондъ; безчисленные озера давали лѣтомъ и зимой неисчерпаемый запасъ рыбы; литовскій медь извѣстенъ былъ по всей сѣверной Европѣ. Третья ледниковая терасса („рихлыхъ моренныхъ накоплений“) есть узкій бортъ, на который ледникъ сложилъ захваченные имъ по пути каменные материалы, набросавъ изъ нихъ отдѣльныя возвышенія и одну длинную и высокую каменную гряду „увалъ“. Онъ тянется приблизительно отъ Варшавы, пересекаетъ верховья Нѣмана, проходить краемъ Полѣсія и уходитъ на сѣверо-востокъ черезъ Рыбинскъ выше Чердыни. Въ общемъ верхняя терасса, образовавшаяся въ эпоху стоянія ледника, представляетъ собою болѣе или менѣе длинныя гряды прерывчатыхъ возвышенностей, мягкихъ, округлыхъ формъ. Озера исчезли или затянуты; ихъ замѣнили рѣки съ глубокимъ рельефомъ¹⁾.

Первая терасса перегорожена „Литовскимъ плоскогорьемъ“, расположеннымъ вдоль Виндавы, вторая — „Сувалкскою возвышенностью“. Низменныя пространства края лѣсисты и менѣе населены.

Лифляндія представляетъ собою обширное плато, отдѣляющее отъ себя террасовидныя возвышенности. Пебальгское плоскогорье устроено сотнями озеръ. Вдоль берега моря и по главнымъ рѣкамъ — низменности.

¹⁾ Семеновъ В. Типы мѣстностей. Зап. Рус. Геogr. Общ. по общей географіи т. XL

Въ средней части песчаниковый ярусь, въ которомъ имѣются пещеры (извѣстны Кремонскія). Преобладающій характеръ Курляндіи — холмообразный.

Изъ Литовского плоскогорья выходятъ два отрога; одинъ образуетъ „Верхнюю Курляндію“, другой идеть на Курляндскій полуостровъ до Тальсена. Не мало и болотъ, особенно въ низинѣ р. Аа. Литовская равнина дѣлить край на западную половину, плодородную и густонаселенную, и восточную, болотистую и лѣсистую. Берегъ моря низменный, недоступный для судовъ. Нѣкогда вся страна была покрыта сплошными дубовыми лѣсами. Ковенскій край равнинный. Здѣсь продолжаются Рѣжицкія болота (Тиуле, Команы въ Шавельск. у., Ремигольскія въ Поневѣжск., Великій Ройстъ въ Ковенск. у.). Въ восточной части 700—800 озеръ. Виленская губ.—песчаная равнина. Озеръ болѣе 200; южнѣе Вильны возвышенности. Гродненская губ. лѣсиста, болотиста, изрыта водными потоками. Сѣдлецкая губ. однообразная равнина, бѣдная водами; въ СВ. части продолженіе Полѣсія. Ломжинская губ. представляетъ всхолмленную площадь съ многочисленными оврагами и низинами. Берега рѣкъ высоки и живописны. Сувалкская губ. — это область озеръ, которыхъ насчитывается до 500.

Рельефная карта Литвы съ большимъ трудомъ и тщательностью приготовленая Матуліонисомъ (экземпляр есть въ Ковенскомъ военномъ музѣѣ), при принятомъ масштабѣ даетъ впечатлѣніе сильного рельефа съ глубокими рѣками и равнинами. Одна изъ нихъ заключаетъ бассейнъ рѣки Аа, Невяжи и нижнее теченіе Нѣмана, другая простирается по среднему течению Двины и по рѣкѣ Эасту, черезъ которую сливается съ долиною рѣки Великой.

Въ общемъ Литва представляетъ собою огромный, лѣсистый оазисъ межъ моря, Полѣсія и двухъ значительныхъ рѣкъ, весьма богатый водоемами. Населеніе его было вполнѣ обеспечено естественными богатствами края, а недостающее легко получалось съ З. и отчасти съ В. Когда въ страну проникло земледѣліе, произошло естественное передвиженіе населенія въ наиболѣе плодородныя мѣста края, какими является мѣстность къ западу отъ Нѣмана (Сувалк. г.) и западная части Ковенского края и Курляндіи. Районъ ближе къ Двинѣ невыгоденъ въ земледѣльческомъ отношеніи, но Лифляндія снова заключаетъ въ себѣ плодородныя площади. Если принять предположеніе проф. Буги о минско-смоленскомъ древнемъ центрѣ литво-латышскаго племени, то надо признать, что движеніе его въ нынѣшнія мѣста должно было непремѣнно произвести перегруппировку населенія озернаго края съ VI в., но и позднѣе славянскія племена насыдали на Литву съ Ю. и съ З. Какъ-бы то ни было, но озерный край никогда не уходилъ изъ владѣнія Литвы.

Древности края разнообразны, богаты и имѣютъ большой научный интересъ.

1. **Палеолитъ.** По всему Прибалтійскому краю кости мамонта уже найдены, хотя еще въ маломъ количествѣ. Возможно и обнаруженіе здѣсь стоянокъ палеолитического человѣка. Онѣ могутъ принадлежать послѣднему леднику, и въ такомъ случаѣ будуть болѣе или менѣе цѣлы и залегать ближе къ поверхности, или же послѣдниковымъ періодамъ, и въ этихъ случаяхъ будутъ сняты съ мѣста и смѣшаны съ гравіемъ и пескомъ. Ближайшія стоянки палеолита извѣстны близь Варшавы и на Волыни. Въ коллекціи Витебскаго археолога Романова сохранились таблицы ножевид-

ныхъ осколковъ палеолитического характера, можетъ быть, изъ С.-З. края. Если остатки палеолита въ краѣ окажутся, то надо думать, что это будуть стоянки, очаги или мастерскія позднѣйшихъ періодовъ палеолита. Что касается мастерскихъ, то надо сказать, что въ краѣ если и есть залежи кремня, то все же рѣдки. Неолитическая мастерскія открыты въ С. части Лифляндіи (Woisek и Sweineek на Burtneksee); видимо, есть мѣстный кремень въ Лидскомъ уѣз. Виленск. губ.; не мало его имѣется въ районѣ Ковны.

2. *Старшій Прибалтійскій неолітъ.* Это неолітъ новгородскихъ озеръ и Финляндіи, притомъ не старшаго періода, а средняго или младшаго. Грубые черепки, покрытые орнаментомъ небрежнымъ ямочнымъ и зубчатымъ, въ очку, лентами или въ крупные углы; дно сосудовъ можетъ быть прямое. Съ точки зрѣнія общей археологіи это уже мѣдный вѣкъ, но во всемъ районѣ мѣдная подѣлка найдена отъ этого періода пока лишь близь Старой Ладоги.

Свѣдѣнія о распространеніи въ краѣ этой культуры очень скучны. Черепки данныхъ типовъ до сихъ поръ найдены въ Прибалтійскомъ краѣ у Sweineek на оз. Буртнекѣ, да извѣстны небольшія стоянки у Lihz-hall близь Luben на Эвстѣ въ Лифляндіи. Изъ кремневыхъ подѣлокъ на этихъ стоянкахъ найдены стрѣлы и дротики (безъ насадовъ), клинья, долота, часть шиферного кольца (Каталогъ Гаусмана и Ebert, 522).

Близкое ознакомленіе съ Новгородскимъ каменнымъ вѣкомъ совершенно необходимо для литовской археологіи, такъ какъ это одинъ изъ важнѣйшихъ Европейскихъ центровъ данного времени. На этомъ матеріяльѣ будетъ рѣшаться вопросъ о томъ, не вышла ли Литва съ Новгородскихъ озеръ, и общій вопросъ о характерѣ старѣйшей литовской культуры и ея источниковъ. Недопустимо, чтобы на судьбахъ Литвы не сказалось соображеніе такой яркой и развитой культурной жизни. Необходимо самое тщательное вниманіе къ дальнѣйшимъ сборамъ въ районѣ Литвы соображенія материала. Для мѣстной археологіи въ настоящую минуту нѣть болѣе важной задачи.

Кремневыя подѣлки Новгородского района разнообразны, имѣютъ хорошій размѣръ и отличную технику, орнаментъ посуды сильный ямочный и зубчаторезной, дно сосудовъ круглое (для старого періода Бологовская и Балахнинская стоянка, для болѣе нового работа Айлю о Финляндскомъ каменномъ вѣкѣ). Для старѣйшей культуры неходимъ аналогъ ни въ Швеціи, ни въ Германіи, ни даже въ самой Финляндіи; она не прослѣживается, кажется, уже съ Витебскихъ озеръ. Позднѣйшая видоизмѣненія культуры имѣютъ болѣе широкое распространеніе, но за ними еще трудно слѣдить, да и сами они еще мало выяснились. Мы видѣли, что есть нѣкоторое основаніе доводить поздне - новгородскую культуру каменного вѣка до Зап. Двины, но далѣе въ Литовскомъ районѣ пока не видно никакихъ слѣдовъ ея.

3. *Костяной періодъ.* Въ поискахъ старѣйшей мѣстной литовской культуры должно быть обращено самое серьезное вниманіе на данный періодъ, характеризующійся обширнымъ развитиемъ подѣлокъ изъ кости. Эта культура, еще не достаточно обратившая на себя вниманіе въ Европѣ, мало извѣстна и совершенно не изученная, особенно слабо выражена въ Литвѣ, хотя несомнѣнно, что здѣсь она и богата, и держалась очень продолжительное время, вплоть до желѣза, непрерывно сопровождаемая подѣлками изъ камня, а отчасти и изъ металловъ. Важнѣйшая мѣста находѣ-

нія костяныхъ вещей Прибалтійского края: Старая Ладога (устье р. Волхова), Kunda въ Эстлянді, Pernau, Rinnekaln (при выходѣ рѣки Salis изъ Burtneк-see) въ Лифлянді. Основныя подѣлки — костяные остроги, ударные орудія, заостренія, ножи со вкладышами, обычные шлифованыя орудія, кости дикихъ животныхъ (чаще всего лося, обыкновенны кости кабана, бобра, рыбъ, встречаются кости дикихъ быка и свиньи, медвѣдя, торфяной собаки и пр.); подѣлокъ изъ кремня мало. Вещи эти попали на дно озеръ и рѣкъ со льда (зимою лучшая добыча рыбы) или съ плотовъ и покрыты сверху торфомъ, а иногда, въ случаяхъ бурного прорыва озеръ и заливовъ, занесены песками. Rinnekaln, по обилию находимыхъ тамъ раковинъ, Эбертъ готовъ отнести къ кѣёккенмѣдингамъ и считаетъ эту стоянку самою старою въ данномъ районѣ.

Нѣсколько мѣстонаходеній костяныхъ орудій уже отмѣчено и по Двинѣ; изъ нихъ одна представляетъ собою открытую стоянку (Muhukkalns у Кокенгузена; Präh. Zeitschr. V, 520). Вполнѣ возможно, что костяной вѣкъ всего этого района до Двины имѣеть близкое отношеніе къ каменному, вѣку новгородскому.

Въ собственной Литвѣ пока встречены лишь одиночныя и незначительныя подѣлки изъ кости. Шукевичъ говоритъ о находкѣ у д. Морги на оз. Дубѣ Лидск. у. костяной остроги съ горбатыми зубцами, бронзоваго или мѣднаго узкаго ножа, горшка баночной формы съ нарѣзнымъ орнаментомъ въ косой крестъ (можетъ быть, и иного времени), а также 2 чепраковъ съ ямочнымъ и точечнымъ орнаментомъ (Poszukiwania, 6). Тышкевичъ сообщаетъ, что при раскопкѣ древней могилы въ имѣніи Струнскихъ близъ Утянъ Ново-Алекс. у. найдено долотообразное орудіе, будто-бы изъ коровьей кости (Badania, tabl. II, I).

Въ музѣ Краковской Академіи имѣется костяная острога съ кремневыми вкладышами, найденная въ д. Волковыски Сувалкской губ. Въ Ковенскомъ музѣ сохраняется костяной молотокъ неизвѣстнаго происхожденія, помѣченный г. Кованой.

Маевскій получилъ изъ д. Боровой Островск. у. Ломж. губ. костяной молотокъ западнаго типа треугольной формы и вмѣстѣ съ нимъ шлифованный молотокъ мѣстнаго типа (Swiatowit, I, стр. 69; не изъ торфа - ли?). На всякий случай отнесемъ въ эту же группу 2 любопытныя большія остроги съ мелкими зубцами, найденные на берегу р. Усвята Оршанс. у. Могилев. губ. и вымытыя изъ берега или выброшенныя со дна; одна острога почти черная, другая темно-желтая торфяного цвета до 24 с. длиной. (Wiadom. arch. IV, 176). Это пока самая любопытная находка. Очень хорошія костяные вещи, главнымъ образомъ остроги, изъ Пруссіи, сохраняются въ Кенигсбергскомъ и Берлинскомъ музеяхъ.

Въ Швеціи костяные вещи, какъ и въ Германіи, найдены главнымъ образомъ въ свайныхъ постройкахъ (Alwastra).

На Западѣ Европы самое старое мѣстонаходеніе вещей костяной культуры — извѣстное Maglemose въ Даніи. Мы не рѣшаемся примкнуть къ мнѣнію объ очень давнемъ времени этой культуры, а равнымъ образомъ впредь до открытия подобныхъ стоянокъ на востокѣ не рѣшились бы утверждать, что Maglemose старше другихъ находокъ этой культуры. Къ болѣе новому костяному вѣку, хорошо развитому въ Сѣв. Европѣ и за Ураломъ (Waranger-fjord, Шигирское оз., рѣка Ока) литовскій костяной

періодъ, повидимому, не имѣтъ отношенія, хотя и здѣсь окончательный сужденія можно будетъ установить лишь впослѣдствіи, при нахожденіи достаточнаго материала.

4. *Свайныя постройки.* Открывавшіяся время отъ времени въ Прибалтийскомъ краѣ слѣды свайныхъ построекъ оказывались при изслѣдованіи или позднѣйшими, или сомнительными. Д-ръ Нагевичъ указываетъ нѣкоторые признаки свайныхъ сооруженій въ Ковенскомъ краѣ, но еще не произвелъ надлежащаго разслѣдованія. Элементарные формы свайныхъ построекъ на Литвѣ во всякомъ случаѣ допустимы, особенно въ формѣ плотовъ, которые, конечно, прикреплялись на мѣстѣ сваями. Могли быть устраиваемы мосты на сваяхъ, легкія деревянныя сооруженія. Въ Познани, Галиціи и въ Германіи свайныя постройки опредѣляются съ болѣшею рѣшительностью, но все же характеръ ихъ пока еще не опредѣленъ. Лучшія свѣденія имѣются о платформѣ на сваяхъ въ Груссіи у д. Zedmer (окр. Darkehmen; Festschr. Bezzenberg. 148). Свай насчитано нѣсколько сотъ. На площадкѣ слѣды жилищъ, обложенныхыхъ глиной; полъ такої же, на немъ очагъ, рядомъ жерновъ; крыша изъ соломы и коры. Посуда сравнительно поздня. По тому же озеру найдены остатки семи стоянокъ каменного вѣка съ очагами; на нихъ, кроме каменныхъ, много костяныхъ подѣлокъ (Sitzzber. Prussia, т. XXII, табл. 18—33, о постройкѣ у Stuber).

5. *Младшій неолитъ.* Обильно развитый въ краѣ періодъ, ни начала, ни конца, ни отдѣльныхъ періодовъ котораго, однако, никому до сихъ поръ не удалось опредѣлить. Неоднократно высказывалось предположеніе, что эта культура прошла чрезъ мѣдный и бронзовый вѣкъ и окончательно исчезла только съ обильнымъ появлениемъ желѣза. Въ стоянкахъ времени младшаго неолита еще не удалось опредѣлить наслойній, главнымъ образомъ по недостатку керамики; погребеній этого времени не открыто, а вѣроятнѣе, что ихъ и не было. Всѣ вещи представляютъ собою массу одинакового состава, только въ разныхъ комбинаціяхъ, то больше, то меньше. Правду сказать и то, что Прибалтийскій младшій неолитъ еще не подвергался надлежащему изслѣдованію и представляетъ только сборъ материала недостаточно обильный. Пока можно лишь сказать, что съ востокомъ эта культура, видимо, не имѣетъ связи, съ Финляндіей и Швеціей, вопреки предположеніямъ Монтеліуса (Festschrif. Bezzenberg. 110) тоже; болѣе ясную связь можно усматривать съ Южной Россіей (Крымъ, Харьковъ) и Галиціей, а полная аналогія обнаруживается лишь въ бассейнѣ Вислы. Что имѣется далѣе на западѣ, въ сѣверной Германіи, для насъ не ясно; кажется, тамъ развита та же культура, но въ значительно болѣе слабыхъ размѣрахъ и формахъ. Вопросъ очень осложняется тѣмъ фактамъ, что эта микролитная культура имѣетъ значительную близость по формѣ подѣлокъ къ болѣе старымъ культурамъ Maglemose и даже Тарденузмъ (Präh. Zt. VI, 1). Выдѣленіе новаго изъ старого представляется здѣсь пока задачею невыполнимою.

Обильное количество стоянокъ въ краѣ и ихъ однородность, отсутствие иныхъ мѣстныхъ культурныхъ формъ явно говорятъ за то, что это уже культура Литвы, можетъ быть, еще не раздѣленной на племена, а можетъ быть, и раздѣленной, но уже стремящейся къ единенію, экономическому и религиозному. Можетъ быть, это время уже ставило свои историческія и культурныя задачи, имѣло свои стремленія и подъемъ. Возможно, что еще не всѣ литовскія племена вошли въ одну культурную жизнь;

одни изъ нихъ могли предпочитать костяную культуру, иныя уже стремились къ металламъ. Данная культура не принадлежитъ одной Литвѣ; возможно, что къ ней примыкали и славяне, а можетъ быть, и германскія племена. Дѣло будущаго решить вопросъ объ отдѣльныхъ районахъ и провинціяхъ этой культуры, но поставить его необходимо теперь же. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что нѣтъ основаній считать эту литовскую культуру цѣликомъ заимствованною. Она могла развить самостоятельный формы и передавать свой опытъ далѣе. Выше замѣчено, что по существу это уже не строго каменный вѣкъ, а мѣдный и даже бронзовый; населеніе не очень стремилось къ мѣди, потому что она была дорога и по мягкости своей не представляла особыхъ выгодъ. Другое дѣло бронза, но ее трудно было добывать; о своихъ литецкихъ нечего было и думать, особенно по отсутствію въ краѣ мѣди и олова. Матерьяль подѣлокъ—мѣстный сѣрий кремень, иногда темный, рѣдко прозрачный. Сортиментъ находокъ на стоянкахъ характерный: въ большомъ количествѣ разной величины ножевидные осколки, неясного практическаго примѣненія, а затѣмъ трапециевидные пластинки, стрѣлки, скребки и ножички со скошеннымъ концомъ. Всѣ подѣлки малой величины, почти миниатюрныя. Техника не высокая, что, вѣроятно, не вызывается ни качествомъ матеріала, ни малыми размѣрами подѣлокъ, а скорѣе всего въ населеніи не было развито вкуса къ красивой отдѣлкѣ вещей; естественное стремленіе къ красивому проявлялось въ чёмъ-либо иномъ.

Самая техника не пала; въ случаѣ надобности или желанія, на подѣлки налагалась весьма тонкая и искусная ретушь, но вообще работа была небрежна, отъ торопливости, доходя временами до большой грубости. Отковъ болѣе 2 верш. не наблюдается, да и эти очень рѣдки.

Обычная форма стрѣлокъ — маленькая, широкія, съ легкимъ вырѣзомъ внизу и слегка выгнутыми боками, рѣже стрѣлки треугольныя, съ прямыми сторонами и съ черешками. Черешки разнообразные: широкіе, длинные, узкіе, тонкіе острые, широкіе острые. Рѣдки стрѣлы ромбической формы, а также обработанныя изъ ножичковъ съ прямыми и косыми гранями. Очень рѣдки стрѣлы съ круглымъ насадомъ и половинчатыя въ видѣ лунокъ. Есть стрѣлки болѣе значительныхъ размѣровъ, въ 1—2 вершка, всегда съ черешкомъ, иногда тщательнымъ. За то нѣкоторыя небольшія стрѣлки такъ небрежно обработаны, что не хочется считать ихъ законченными; имѣются стрѣлки съ ассиметричными боками.

Трапециевидныя пластинки небольшихъ размѣровъ, отколоты отъ ножей; назначеніе ихъ неясно, какъ и смыслъ маленькихъ ножичковъ. Назначеніе ножичковъ со скошеннымъ верхомъ, довольно многочисленныхъ, а также подобныхъ подѣлокъ съ цѣльнымъ скошеннымъ бокомъ тоже совершенно неясно. Скребки попадаются не очень часто, что не можетъ не удивлять, такъ какъ это самая распространенная подѣлка въ настоящемъ каменномъ вѣкѣ. Они не велики, чаще имѣютъ форму язычковъ, нерѣдко изготовлены изъ ножей; есть изысканные скребочки съ рукояткой. Проколки чаще правильной формы съ за jaki момъ язычковой формы, иногда съ нѣсколькими остриями; вообще-же это рѣдкія подѣлки. Характерны фигуры, хорошо отдѣленныя небольшія подѣлки, въ видѣ угловъ, крючковъ, зубцовъ, шиповъ и пр., неопределеннаго назначенія; найдены пока только на виленскихъ стоянкахъ. Подобныя вещицы очень свойственны Галичскому

каменному вѣку. Встрѣчаются ножи на три грани, иногда дротики съ ретушью. Совершенно нѣтъ Галичскихъ кремневыхъ кривыхъ ножей-серповъ.

Къ той - же культурѣ принадлежитъ безчисленное количество шлифованныхъ каменныхъ орудій, главнымъ образомъ топоровъ и клиньевъ. Подѣлки попадаются обыкновенно по одиночкѣ, а также въ стоянкахъ, вмѣстѣ съ кремневыми подѣлками. Естественнѣе думать, что большинство этихъ издѣлій мѣстной работы, хотя матерьяль ихъ далеко не всегда мѣстный (есть базальтъ, діоритъ, сienитъ, серпентинъ, гнейсъ, порфиръ, шиферъ, змѣевикъ, уралитъ и пр.). Уже разнообразіе матеріала говорить за позднее происхожденіе этихъ подѣлокъ; о томъ-же свидѣтельствуетъ и небрежность работы.

Клиныя, особенно діоритовые и сланцевые, весьма распространены. Они всегда массивны (для прочности), часто коротки, острѣе почти всегда расшириено, бока прямые, нерѣдко съ легкими гранями, иногда одна щека выпуклая, другая прямая. Нерѣдко шлифовка неполная, лишь у остря, остальное кое - какъ обколото. Встрѣчаются, но изрѣдка, привозные клиныя, длинные, съ овальнымъ разрѣзомъ и клиныя съ желобкомъ. Есть нѣкоторый процентъ такихъ-же кремневыхъ, чаще съ бѣлой поверхностью (обожженныхъ). Одинъ клинъ имѣть отверстіе и служилъ мотыкой. Острѣе изрѣдка скосено, желобковъ у такихъ клиньевъ не бываетъ, у нѣкоторыхъ лезвіе гладко срѣзано.

Топоры въ общемъ среднихъ, а иногда совсѣмъ малыхъ размѣровъ - такъ что даже трудно опредѣлить ихъ дѣйствительное назначеніе. Въ формѣ характерная ихъ особенность — нерѣдкія ассемитричность и кривобокость, кажется, болѣе нигдѣ не встрѣчающіяся. Мастеръ экономить въ матерьялѣ и не удаляетъ его излишekъ, стремится использовать каждый осколокъ; это наиболѣе экономная форма. Наблюдаются стремленіе оставлять тупой, круглый обухъ; отверстіе просверливается ближе къ обуху; верхняя и нижняя поверхность всегда прямы и параллельны, щеки умѣренно выпуклы, лезвіе иногда заточено боковыми срѣзами. Рѣдки, красивы и тщательно обработаны топоры ромбической, членочковой и вытянутой формъ, можетъ быть, привозные. Встрѣчаются несомнѣнно привозные топоры финляндскихъ и западно-европейскихъ формъ съ боровками, каннелюрами, кольцами вокругъ отверстія, шляпками, опущеннымъ обухомъ, фигурные датскie съ ребромъ на обухѣ. Не часты своеобразные топоры въ видѣ массивного клина съ отверстиемъ на ребрѣ, можетъ быть, тоже не мѣстные. Встрѣчаются овальные топоры въ видѣ галекъ съ перехватомъ посрединѣ, тоже едва-ли мѣстные. Какъ и въ подѣлкахъ изъ кремня, въ мѣстныхъ формахъ шлифованныхъ орудій поражаетъ полное невниманіе къ художественности и даже какъ-бы къ ихъ цѣлесообразности. Остававшіяся отъ обработки отверстій въ топорахъ цилиндрическія втулки, видимо, тщательно сохранялись и, можетъ быть, получали какое нибудь специальное назначеніе. Они нерѣдки и вообще характерны для литовскаго каменного вѣка.

Рѣдкія чужія подѣлки: 1) красивыя булавы дыневидныя съ дѣленіями, шаровидныя сплюснутыя, булавы въ формѣ толстыхъ линзъ, 2) круглые высокіе толкачи и малые куранты, почти круглой формы, 3) куранты или что-то подобное въ видѣ просфоры съ перехватомъ, 4) отличная подѣлка въ видѣ невысокаго конуса съ округленнымъ острѣемъ, вѣроятно, остатокъ клина, 5) изрѣдка попадающіяся плоскія булавы крестовидной формы и

трубой работы, скорѣе, мѣстнаго происхожденія, б) къ чужимъ формамъ принадлежать очень рѣдкія мотыки въ формѣ туфли, съ отверстиемъ на концѣ, прусскаго типа. Всѣ чужія подѣлки изъ камня важны тѣмъ, что опредѣляютъ пути торговыхъ сношеній. Пока рѣшаемся сказать одно, что среди этихъ подѣлокъ вообще нѣть восточныхъ и южнорусскихъ, а какія есть (напр. булавы), тѣ могли быть получены въ Литву и съ запада.

Самая важная въ настоящую минуту тема въ изученіи Литовскаго поздняго каменнаго вѣка — о мѣстной керамикѣ этой культуры пока не вызвала серьезныхъ работъ, главнымъ образомъ, кажется, по незначительности матеріяла. Болѣе всѣхъ даль здѣсь наблюдений Шукевичъ, который устанавливаетъ для своей мѣстности три формы сосудовъ каменнаго вѣка: 1) узкія банки съ высокими шейками, 2) горшки низкіе и широкіе, 3) низкія чашки, открытые, иногда съ прямыми стѣнками; у всѣхъ прямое дно, работа ручная; орнаментъ чаще нарѣзной (въ видѣ ленты, елочки, ромба, креста), есть ямочный, или вѣрнѣе, точечный, слабый, есть волнистый, крупными зубцами изъ косыхъ нарѣзокъ, мелкозубчатый чеканъ, есть орнаментъ изъ линий и лентъ въ перемежку; вообще же орнаментъ скромный, неустойчивый и слабый. Въ каталогѣ Гаусмана (табл. I) представлены черепки съ орнаментомъ въ косую нарѣзку, углами, зигзагами, ромбами, ямками; всего характернѣе, кажется, орнаментъ изъ угловъ съ косыми нарѣзками, сокнутыхъ въ непрерывную полоску. Изрѣдка попадается веревочный орнаментъ. Въ стоянкѣ Кемпѣ посуда безъ орнамента, и только по краю идетъ какой-то орнаментъ ногтевой вкося или мелкій ямочный. По матеріямъ Ковенскаго музея я рѣшился бы предположительно отнести къ мѣстному позднему каменному вѣку черепки слѣдующихъ типовъ: 1) грубые съ крупною дресвою безъ орнамента, кажется, со слегка отвороченнымъ наружу краемъ; орнаментъ, повидимому, иногда переходитъ въ чистый линейный, обращающійся по вѣнчику сосуда въ красивый волнистый; стѣнки такого сосуда, кажется, выпуклые; 3) болѣе тонкіе черепки съ штриховкою изъ отдѣльныхъ длинныхъ нарѣзокъ подъ угломъ другъ къ другу (Восцајсіе Шавельск. у.). Есть край краснаго горшка съ глубокой шейкой и крупнымъ орнаментомъ въ елочку по плечикамъ, архаичнаго.

Откуда и когда глиняная посуда появилась въ Литвѣ и есть ли въ ней самобытныя формы, пока невозможно сказать. Одно ясно, что гладкая польская черная керамика сюда не дошла ни теперь, ни позднѣе. Но встрѣчается изрѣдка орнаментъ польскій шнуровой, накладной, линейный и полукруглый. Болѣе связи съ С.-В. Но и тутъ никакой преемственности не ощущается. Въ литовской керамикѣ часто чувствуется не столько неумѣніе, сколько равнодушіе къ красотѣ посуды. Повторимъ, что дальнѣйшее научное изслѣданіе литовскаго каменнаго вѣка будетъ опираться главнымъ образомъ на изученіе керамики.

Итакъ, мы пока совершенно бессильны въ рѣшеніи вопроса о времени литовскаго поздняго каменнаго вѣка. Опорою здѣсь могъ бы быть матеріяль западной археологіи, болѣе разработанной. Но, во первыхъ, егъ хронология далеко не обязательна для Литвы; во вторыхъ, онъ не имѣетъ къ Литвѣ прямого отношенія, а въ третьихъ, эта хронология неустойчива сама по себѣ. Тамъ до сихъ поръ господствуетъ старая типологія, установленная въ 1891 г. Монтеліусомъ для кремневыхъ клиньевъ Швеціи. (Corresp.-Blatt d. deutsch. Gesellsch. f. Anthropol. XXII, 99—105): I періодъ — клинья

съ овальнымъ съченіемъ, II-ой—узкие съ гранями и узкимъ концомъ (долмены), III и IV—такие же узкие съ широкимъ концомъ (могилы съ открытыми и закрытыми ходами). Въ керамикѣ сходство съ европейской и средиземной. Правильный инстинктъ, ведшій Монтелюса на В., въ послѣднее время поддержанъ находками въ кромлехахъ Португалии, гдѣ оказались тѣ-же формы орудій, но болѣе архаичныя (*Prähist Zeitschr.* XI, 57). Если это такъ, то хронологія шведскихъ каменныхъ клиньевъ устанавливается не на съверѣ. Намъ не кажется убѣдительною и самая типологія, намѣченная Монтелюсомъ. Во всякомъ случаѣ литовскіе археологи должны попытаться установить здѣсь свою хронологію, сперва относительную, а послѣ и абсолютную. Въ моихъ глазахъ показательна находка на стоянкѣ каменного вѣка близъ Ковны бронзового кельта. Весьма сомнѣваемся, чтобы могильникъ у Kiwisaare, описанный Больцемъ (Балтійскій сборникъ, 15), принадлежалъ дѣйствительно къ каменному вѣку или вообще къ какому нибудь старому періоду.

Первымъ лицомъ въ изученіи Виленского каменного вѣка, наиболѣе разработанного, является В. А. Шукевичъ (*Kwart. Litewsk.* t. I, 48; *Swiatowit* III и V; Очерки доисторической Литвы, 1901). Районъ находокъ богатъ озерами и рѣками, по берегамъ которыхъ располагаются многочисленныя стоянки. Исследована мѣстность между Нѣманомъ, Меречанкой, Версокой и Грудой на западѣ. На Меречанкѣ обнаружено 15 стоянокъ, у Груды—2, на Катрѣ и Улѣ 29, на Начѣ и Пилиастѣ—11, всего въ этихъ четырехъ группахъ 58 стоянокъ. Групповая стоянки: надъ озеромъ Pielasa 3, у Дуба—5, у Улы—4, у деревни Рудни—4, у Кашетѣ—5, у Начи 5; по Улѣ 10 стоянокъ, расположенныхъ на разстояніи 5 верстъ. Самая большая стоянка у д. Грыбоша, на оз. Дубѣ, у д. Дубичъ собрано до 1000 орудій; значительна стоянка у Кашетѣ, давшая также грубые подѣлки и кельты, у д. Рудни. У Начи найдены и слѣды жилищъ, въ формѣ котловидныхъ ямъ до 2—4 метровъ шириной, на днѣ которыхъ обнаружены очаги изъ плитъ, нѣсколько напоминающіе по своей формѣ кисты и за нихъ первоначально принятые. Найдены кремневые подѣлки и разнородные черепки, среди которыхъ есть экземпляры со штриховымъ орнаментомъ (Изв. Арх. Ком. в. 12, 26; Szukiewicz, Poszukiw. III стр. 15). Шукевичъ различаетъ стоянки болѣе новыя и старыя. Расположены онѣ чаще у устьевъ рѣкъ и межъ болотами; по р. Улѣ стоянки располагаются на средней террасѣ и на берегу высохшаго озера. Определена одна мастерская, у Кашетѣ найденъ цѣлый горшокъ съ кремневыми подѣлками, объемомъ въ нѣсколько гарнїцевъ. Мѣстный кремень имѣется у оз. Цитно и въ м. Крокеляхъ. Среди находокъ у оз. Конявки Шукевичъ желалъ бы видѣть и палеолитъ, и мезолитъ, и неолитъ; хотя это явное увлеченіе, но все же найденные имъ грубые подѣлки должны найти объясненіе. Шлифованные орудія, собранные по Меречанкѣ (у Оранѣ 24 экземпляра) и по Улѣ (въ Dubisze 13, Grubesze—32, Кашетахъ—49, Руднѣ—37, Zerwiny—14, Zuracieszko—10); всего собрано нѣсколько сотъ вещей. Въ 1912 году изъ района сборовъ Шукевича по рядочная коллекція поступила въ Археологическую Комиссію (Отчетъ 1912 г. 79). Въ Виленскій Музей отъ гр. Тышкевича поступило 445 шлифованныхъ орудій, отъ Плятера—100. Удачные сборы имѣлись въ Виленской губ. и Глогерь. У оз. Жеймана (Фольв. Кавины) немало кремневыхъ и полированыхъ подѣлокъ собралъ Каширскій (Зап. Русс. отд., т. VII, в. 2, 250). Тарасенко собралъ свѣдѣнія болѣе чѣмъ о 20 стоянкахъ каменного вѣка

въ районѣ между Свентой и Вилей (Mūsų senovė IV, 574). Вещи изъ губерній имѣются въ Краковскомъ, Варшавскомъ и Московскому музеяхъ. Любопытно, что Тышкевичъ зналъ въ Виленской губ. очень немного шлифованныхъ вещей, а кремневыхъ вовсе не отмѣчаетъ (Rzut oka, 7).

Гродненская губ. такъ-же обильна находками поздняго каменнаго вѣка. Хорошее собраніе здѣсь составлено Глогеромъ (Ежево), главнымъ образомъ по Нѣману, но оно намъ неизвѣстно; идущія отъ старого времени свѣдѣнья Глогера (Wiad. archeol. b. I, 97) сообщали, что въ губерніи вещей этого периода мало, и что большинство находокъ падаетъ на сѣверн. уѣзды, Гродненскій, Слонимскій и Волковыйскій. Болѣе поздняя находки Глогера на Нѣманѣ, у Шостакова, Балточишкъ и Гайлуны (Dolinami rzek, стр. 37, 216) хороши.

Хорошія находки сдѣланы были Бѣляшевскимъ, на стоянкахъ по среднему течению Буга въ районѣ Бреста и въ Бѣльскомъ уѣздѣ (Tr. Kievsk. arch. c. I, 673). Здѣсь замѣтна большая склонность скребки и даже стрѣлки готовить изъ пластинокъ съ двумя гладкими плоскостями помошью ретуши; часты ножички со скосеннымъ верхомъ, стрѣлки съ черешками. Керамика особая; именно здѣсь и наблюдается накладной орнаментъ. Два хорошихъ шлифованныхъ орудія, топоръ въ видѣ челнока и булава въ видѣ линзы, найдены у деревни Чемелы, Слоним. у. (Отч. Арх. Ком. 1909, 199), топоръ съ острымъ обухомъ у д. Пилипчи, Бѣльск. у. (тамъ-же, 1914).

Ковенская губ., видимо, не уступитъ другимъ по находкамъ изъ кремня и камня. Гр. Плятеръ передалъ въ Виленскій музей 100 топоровъ изъ имѣнія Бальмонтъ Ново-Александ. у. и изъ окрестностей, съ замѣчаніемъ, что топоровъ въ районѣ много, особенно же въ Россіенскомъ уѣздѣ. Графъ Кайзерлингъ доставилъ въ Курляндскій музей 134 шлифованные подѣлки изъ имѣнія Йозефово Тельшевскаго у. (Haussmann, Uebersicht, 3). Извѣстны: два каменныхъ долота изъ г. Видзы (Отч. Арх. Ком. 1898, 71), молотки и два клина изъ д. Новини, клинъ изъ Утянь, топоръ изъ дер. Висгонь, Прудели, Буршишки Вилком. у.; отличный большой пуклечъ изъ д. Завечъ Ново-Алекс. у. (Отч. Арх. Ком., 1898, 71; 1899, 110). Въ нижнемъ слоѣ городища Дукшты Ново-Алекс. у. найденъ былъ каменный топоръ, нѣсколько клиньевъ, нѣсколько ударныхъ орудій изъ полыхъ костей, нѣсколько костяныхъ клиньевъ и шило. Можно думать, что этому периоду принадлежатъ находимые на городищахъ грубые черепки съ примѣсью дресвы. Но наибольшее количество вещей каменнаго вѣка изъ Ков. губ. собрано въ мѣстномъ музѣ, главнымъ образомъ трудами Довгира¹⁾. Данная выше характеристика кремневыхъ вещей и керамики составлена преимущественно по собранію Ковенского музея и по коллекціи К. И. Яблонскаго, собранной также въ окрестностяхъ Kovny (Пекелки, Петрашуны, Шиляли и Линково). Въ музѣ имѣются кремневые подѣлки изъ 24 мѣстностей Ковенскаго края, въ томъ числѣ двѣ изъ Россіенскаго у., 6 изъ Шавельскаго (Boscrajcie, Ryngowiany, Poklebaki, Tytwidyszki), одна изъ Сувалской губ. (Кампишки). Судя по собранію Яблонскаго, добыча съ Ковенскихъ стоянокъ обѣщаетъ быть весьма значительною.

Въ Курляндіи собрано очень мало каменныхъ орудій, и это обстоятельство является совершенно непонятнымъ. Шлифованныя подѣлки по-

¹⁾ Свыше 350 экземпляровъ шлифованныхъ орудій изъ весьма разнообразныхъ мѣстностей; обильная свѣдѣнія о находкахъ каменныхъ орудій въ Ковенскомъ краѣ собраны Покровскимъ (Археологич. карта).

ступають въ Митавскій музей одиночными экземплярами изъ всѣхъ мѣстностей края. Кремневыхъ вещей такъ мало, что когда въ 1902 году поступила въ музей кремневая стрѣлка, то по этому поводу было сдѣлано интересное замѣчаніе: „вещь эта принадлежитъ къ рѣдчайшимъ въ Курляндіи“ (S. K. G. 1902, 22). Небольшое собраніе каменныхъ подѣлокъ изъ Курляндіи имѣется въ Румянцевскомъ музѣ въ Москвѣ. Близъ Бауска найденъ былъ кремневый клинъ (Hausmann. R. K. tabl. 2 Nr. 23).

Имѣемъ весьма слабыя свѣдѣнія о находкахъ каменныхъ орудій въ Лифляндіи, но въ сѣверной части этого края очень значительная коллекція ихъ собрана Больцемъ въ бассейнѣ рѣки Пернавы (Sitzberg. der alterthum-forsch. Gesselsch. zu Pernau B. VII, Fennern). Подѣлки цѣликомъ примыкаютъ къ литовскимъ и ихъ характеризуютъ, но среди нихъ имѣется не мало вещей финляндско-шведского типа, напр., въ видѣ отличныхъ топориковъ и желобчатыхъ клиньевъ. Ebert сдѣлалъ попытку свести типы клиньевъ коллекціи Больца къ схемѣ Монтеліуса, найдя тамъ всѣ установленные имъ 4 типа, но мы уже высказали свое осторожное отношеніе къ этой схемѣ (Ebert, Prähist. Zeitschr. m. V в. 3.).

Витебская губ. снова очень богата находками поздняго литовскаго каменного вѣка, но лишь въ южной части, до Двины, и отчасти въ западной, т. е. въ Инфляндіи. Здѣсь Романовъ чрезъ народныхъ учителей составилъ коллекцію изъ нѣсколькихъ сотъ орудій въ короткое время. Эта коллекція незарегистрирована въ литературѣ и не знаемъ, где теперь находится. Каменные подѣлки изъ Витебской губ. имѣлись также въ собрaniяхъ Кусцинскаго, Сементовскаго, графа Уварова, въ музеяхъ Виленскомъ, Московскомъ Историческомъ и Румянцевскомъ, Дерптскомъ (Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 84—91; Grewingk, Steinzeit Nr. 87—98; гр. Уваровъ, Каменный періодъ II стр. 50, 137, Wiadom. num.—arch. III, 72). Подѣлки обще-литовскихъ типовъ; нерѣдки маленькие топоры съ широкими отверстіями. Хороша булава изъ серпентина въ видѣ шара съ 4 большими шляпками по бокамъ, есть булава изъ агата грушевидной формы съ дѣленіями. Встрѣчено нѣсколько подѣлокъ сѣверныхъ типовъ (клинь—пальставъ, клинъ съ рукоятью, молотокъ съ выемкой у тылья).

Въ Минской губ. никто не собралъ большихъ коллекцій, но хорошо извѣстно, что литовскія каменные подѣлки тамъ имѣются. Больѣе всѣхъ собралъ здѣсь вещей Тышкевичъ (Badania), особенно въ Борисовскомъ у. Наиболѣе интересныя шлифованная орудія изъ Минской губ.: 1) большой топорокъ съ параллельными боковыми сторонами длиною въ 17 сент., 2) очень длинная сѣкира овальной формы съ отверстіемъ у самаго конца (Смолевичи), 3) круглая шаровидная булава, 4) топоръ въ формѣ туфли (дер. Корзуны Игumenск. у.), 5) отличный узкій топорикъ съ суженнымъ обухомъ и расширеннымъ въ видѣ лопасти лезвіемъ, 6) длинный узкій кремневый клинъ длиною 13 см. Кремневыя подѣлки рѣдкость: довольно грубыя и неопределенные подѣлки изъ д. Бараны Борисовск. у., 7) красивыя узкія стрѣлки изъ д. Выдогощъ Минск. у., ножички и шлифованное долото изъ Любоничъ (Флери, 1888). Послѣдніе найдены на весьма интересной стоянкѣ съ сравнительно обильными черепками; ихъ орнаментъ: ленты изъ косыхъ нарѣзокъ и елочекъ, узкія рѣдкія ленточки, крупные зубцы изъ косыхъ нарѣзокъ, ленты изъ зигзаговъ, даже зубчатый чеканъ; края посуды прямые. Эта керамика отлична отъ литовской и, быть можетъ, идетъ съ Днѣпра. Въ им. Стаковщина у Выдогощъ Минскаго у. найдены еще и

иные черепки, со штриховкой и, кажется, въ видѣ веревочныхъ линій. На дюнѣ у м. Пясецна на Нѣманѣ Игум. у. обнаружена стоянка съ удлиненными стрѣлками почти ромбической формы.

Въ Сувалкской губ., судя по немногимъ находкамъ въ Лишковѣ (Swiatowit, VIII, 79) и въ Kempiszki, кремневыя находки выражаются въ общелитовскихъ формахъ, что и не удивительно.

Въ Пруссіи кремневыхъ издѣлій попадается, повидимому, мало (особенно, кажется, скребковъ), какъ въ Курляндіи и Лифляндіи. Среди немногочисленныхъ шлифованныхъ орудій замѣтное мѣсто занимаютъ мотыки въ формѣ туфли. Западнѣе Вислы каменные издѣлія развиты, кажется, также слабо. Формы Великопольскихъ издѣлій изъ кремня и керамика въ общемъ имѣютъ не малая отличія (Przegl. arch. ч. II z. I). На Зап. Бугъ, а также въ низовья Вислы въ небольшомъ количествѣ проходили отличныя волынскія издѣлія: кривые ножи, кремневые клинья, клинья съ желобками, небольшія отличныя стрѣлы, копья.

Финляндія имѣть особый каменный вѣкъ. Отчасти это послѣдній периодъ мѣстного каменного вѣка, отчасти, кажется, подѣлки шведскихъ типовъ.

Если каменный поздній вѣкъ Литвы дѣйствительно принадлежить литовцамъ, то археологія могла бы дать очень цѣнный матеріаль для ихъ древнѣйшей исторіи. Она можетъ точно установить типы литовскихъ каменныхъ орудій, опредѣлить ихъ распространеніе, отмежевавшись, какъ отъ Эстонского района на сѣверѣ, такъ и отъ польского на югѣ, вмѣстѣ со стоянками на р. Бугѣ. Но при этомъ ей придется принять во вниманіе, что на Литовскій районъ все время наступаетъ населеніе съ сѣвера отъ Новгородскихъ озеръ, и что на западѣ одновременно идетъ ростъ и движеніе со стороны славянъ и германцевъ. Вслѣдствіе движенія съ этихъ двухъ сторонъ должно итти и уплотненіе Литвы и ея ассимиляція со смежными наступающими племенами, образованіе смѣшанныхъ племенъ, что не можетъ не отразиться и на культурѣ, принимающей часто смѣшанный характеръ. Если не довольствоваться привычнымъ мнѣніемъ и принять во вниманіе предположеніе проф. Буги, что Литва въ доисторическое время занимала не только свой основной районъ, но располагалась еще выше Полесья, напр., до Сожа, и движеніе свое отсюда на западѣ начала въ VI вѣкѣ, то можно попытаться средствами археологіи опредѣлить культуру этой восточной Литвы времени поздней литовской культуры каменного вѣка, а также и смѣну культуры въ ней до начала послѣднаго движенія. Все это пріятныя и исполнимыя задачи для археологіи. Но пока она еще не готова къ ихъ решенію. Мои поверхностныя наблюденія коснулись пока лишь вопроса о распространеніи настоящей литовской культуры каменного вѣка. Кажется, съ значительнымъ вѣроятіемъ можно сказать, что эта культура овладѣла широкимъ бассейномъ рѣки Нѣмана до Зап. Двины, на востокѣ до р. Уллы, на югѣ до водораздѣла съ Зап. Бугомъ. Весь берегъ моря отъ Нѣмана до Вислы заселенъ слабо. Каменный вѣкъ Минской и Смоленской губ. еще не ясенъ, но если тамъ уже прослѣживаются элементы литовскихъ издѣлій этого времени, то еще сильнѣе развиты формы средне-русскія.

Къ каменному вѣку, и притомъ не только младшему, но и старшему, относятся находки издѣлій изъ литовского янтаря. По весьма вѣроятнымъ слухамъ, большая мастерская такихъ издѣлій была открыта у Полангена,

использована и замаскирована. Въ самомъ литовскомъ краѣ этихъ подѣлкъ пока совершенно не найдено, но онѣ извѣстны въ значительномъ количествѣ изъ с. Кончанского у р. Мсты Новгородск. губ., имѣются ихъ стоянки на устьѣ той же рѣки и даже въ Финляндіи. Конечно, со временемъ подѣлки изъ янтаря будутъ найдены и въ Литвѣ, особенно въ торфяныхъ отложеніяхъ и, если таковыя окажутся, въ свайныхъ постройкахъ.

6. *Мѣдный вѣкъ.* Въ сопѣствѣ съ литовскимъ райономъ держатся особая культуры мѣдного и бронзового periodовъ, отразившіяся въ особыхъ памятникахъ старины. Культуры эти, можетъ быть, совершенно не вліяли на Литву, а возможно, что и оказывали какое-либо воздействиѣ; ихъ необходимо держать на учетѣ.

а) *Фатьяновская культура.* Такъ по имени д. Фатьяновой близъ Ярославля называется культура мѣдного вѣка съ отличными шлифованными подѣлками изъ камня (топоры съ боровками, клинья) и красиво орнаментированной посудой (мелкая нарѣзка, иногда собранная въ полотнища, круглое дно), распространенная по Волгѣ до р. Суры. На С.-З. эта культура, быть можетъ, нѣсколько видоизмѣняется, хотя обѣ этомъ мы можемъ только догадываться. Здѣсь она обнаружена на р. Волховѣ, въ Эстляндіи и въ сѣверной Лифляндіи (Kook и Kolljal на Эзельѣ, Woiseek, Kiwisare у Wirzjerwe, Karlowa у Дерпта). Самая характерная особенность этихъ могильниковъ—погребенія скелетовъ въ скорченномъ положеніи, иногда, кажется, со слѣдами окраски. Въ эстляндскихъ могильникахъ этого типа найдены ожерелья изъ зубовъ животныхъ, между прочимъ собаки, топоръ съ кольцомъ вокругъ отверстія, стрѣлы, черепки посуды съ раковинною примѣсью. Ничего подобнаго въ литовскихъ древностяхъ еще не было найдено. Выше Полѣсся въ Смоленскомъ и Минскомъ краѣ должна преобладать Фатьяновская культура, но вполнѣ ясныхъ слѣдовъ ея здѣсь еще не найдено. Отмѣтимъ, что эта культура выше Литовской (Зап. Рус. Отд. Р. А. О. т. V и VII).

б) Польские могильники со скорченными костями, открытые пока въ небольшомъ количествѣ, вѣроятно, представляютъ продолженіе Германскихъ типа Rössen (близъ Лейпцига). Изъ Польши чрезъ Krakовъ они идутъ въ Галицію. Посуда типа Bernburg (шарообразныя амфоры съ широкимъ и высокимъ горломъ), каменные топоры и клинья (есть мѣдные). Извѣстные въ небольшомъ количествѣ прусскіе могильники (съ такимъ же обрядомъ погребенія), можетъ быть, идутъ сюда же (Schwarzort, Wiskiauten, Wultrinen, Rossiten и иная мѣстности Kurische Nehruug). Могильники эти еще не ясны. Есть ли что подобное въ Литвѣ, пока неизвѣстно. Въ какой то могилѣ у Achsuppen близъ Цабельна при человѣческомъ черепѣ найдены каменный топоръ, клинъ, обточенная кость (Grewingk, гр. Уваровъ). Въ им. Вышево Слонимск. у. найдены неолитическая погребенія съ костями (Pamiętn. Fyz. II, 491), тоже въ Костомлотахъ, близъ Бреста, и въ Наленчовѣ Ново - Алекс. у. (Swiatowit, VI). Обнаружены и отдѣльныя могилы, представляющія какъ бы продолженіе этихъ могильниковъ. Какой то могильникъ съ каменными подѣлками и горшками, заключающими угли, найденъ въ неожиданной мѣстности — въ Преляхъ Витебск. губ. (Изв. Арх. Ком. вып. 48 стр. 63). По ненадежнымъ извѣстіямъ, каменные могилы, заключавшія сожженія (а иногда и скелеты), найдены у Либавы, Капседена и Дондангена Курл. губ. и близъ Ашерадена въ Лифляндск. губ. (Kohn стр. 144 по Cruse, 8). Къ Фатьяновскимъ могильникамъ поль-

сіе, надо думать, не имѣютъ никакого отношенія, кромѣ принадлежности къ одному общему періоду, мѣдному.

с) Каменные ящики со скелетами той же культуры, придвигавшейся къ Литвѣ съ запада, очень распространены въ Германіи и Польшѣ.

Польскія могилы имѣютъ видъ ямъ, на днѣ которыхъ сооружены ящикъ изъ каменныхъ плитъ, ими же прикрыты. Костякъ помѣщается въ скоченномъ положеніи, а иногда, кажется, въ сидячемъ. Вещей немногій: хорошей формы топоры не литовскихъ типовъ, кремневые клинья, какія то прорѣзныя костяные пластины, янтарные бусы, пуговки и клыки кабана; хороша и характерна посуда, типа Bernburg, часто съ широкими ушками; наиболѣе обыкновенный орнаментъ въ видѣ крупныхъ зубцовъ съ косыми нарѣзками. Культура эта идетъ отъ Везера до Днѣпра, располагаясь тремя основными группами: Везерь-Эльба, Висла и Волынь-Кievъ. Въ Германіи она выражена чаще въ могильникахъ и рѣже въ курганахъ, въ Галиціи въ могильникахъ, въ Россіи въ курганахъ, но въ Подоліи даже въ поляхъ урнъ (Сѣнява Подольск. губ.); въ Пруссіи нами уже отмѣчены соответствующіе могильники. Массового вліянія на Литву данной культуры не чувствуется, а частичное, можетъ быть, было. Оно могло итти и изъ Польши, и изъ Пруссіи, и даже съ Волыни, при посредствѣ Буга.

По окраинѣ Литвы и въ ней самой, кромѣ перечисленныхъ, извѣстны еще слѣдующіе памятники древности данной культуры. Въ польскихъ каменныхъ гробницахъ, раскопанныхъ Самоквасовымъ, найдены шаровидные сосуды съ нарѣзнымъ орнаментомъ, близкимъ къ Фатьяновскому и даже съ ямочками на днѣ (Варшавская губ.). Въ Налечовѣ Любл. губ. и въ съѣдствѣ они часто замѣнены земляными могилами, прикрытыми плитами. Кувшины шаровидные иного типа, съ воротникомъ на узкомъ горлышкѣ (Swiatowit, VI, 81). Подъ Сандомиромъ обнаруженъ могильникъ изъ каменныхъ гробницъ у Злote, самый большой изъ извѣстныхъ, со скоченными костяками и съ тою же культурою, но съ посудою нѣсколько иною (Mater. antropol. archeol. IX). Подобные найдены въ разныхъ мѣстахъ Стопницкаго у. и въ Люблинск. губ., а равнымъ образомъ въ Познани (Kostrzewski, 11). Въ Галиціи каменные гробницы занимаютъ районъ между Днѣстромъ, Збручемъ и Стыромъ (Увисла, Коцбинце, Беремяны и пр.). (Янушъ, стр. 8—14; Zb. Wiadom. I — III). Деметрикевичъ знаетъ такія гробницы въ Галиційскомъ Подолѣ. Любопытно, что нѣкоторыя могилы въ Rakówkach сложены были вмѣсто плитъ изъ валуновъ и заключали при скоченныхъ костякахъ уже болѣе позднія вещи типа Чеховъ (Zb. Wiadom. XV, 28). Подъ Перемышлемъ, Ярославлемъ, Krakowemъ въ могильникахъ ямы, прикрытыя плитами. Въ посудѣ наиболѣе выдѣляются стопки (Mater. antrop.-arch., III, 76). Въ Волынскихъ, Kievскихъ и Подольскихъ большихъ каменныхъ ящикахъ помѣщаются чаще уже сожженія съ древними вещами (Труды XI Археол. съѣзда т. I, 144; Изв. Арх. Ком. в. 29, 54; Kohn, 115); подольские могильники въ общемъ старше (Труды Kievsk. Arх. С. т. II, 148; Swiatowit, IV, 5; Zb. Wiadom. XIV). Къ той же культурѣ относятся кievские курганы типа с. Гатнаго, аналогичные съ Галическими могильниками.

Въ Литвѣ каменные ящики со скелетами найдены были еще 1837 г. въ им. Гирджале у м. Вайгола Шавельск. уѣзда, и у Кро же близь истоковъ Виндавы въ той-же Kovенск. губ., въ могильникѣ и, будто-бы, въ курганѣ

(Сынъ Отеч. 1837 г. стр. 292 и Dubois, 48). Къ сожалѣнію, отчеты объ этихъ раскопкахъ фантастичны.

Въ Курлянд. губ. близь Neu-Selburg раскопана каменная могила, содержавшая, будто-бы, много сосудовъ съ пепломъ и 2 каменныхъ топора (Grenningk, Steinalter, N. 41 и 42 Verhandl. Estn. Ges., XIII 57). Въ 1863 г. близь Пионтницы подъ Калиновымъ Сув. губ. обнаружена каменная гробница съ вымощеннымъ дномъ, прикрытая плитами. Въ ней помѣщались скелеты головами на В. и нѣсколько въ сидячемъ положеніи; 2 кремневыхъ клина, янтарная подѣлка, 4 сосуда (Сувалкск. Вѣд., 1872, 35; Bibl. Warsz. 1871, I, 136). Въ Окалевѣ у Радина Сѣдл. губ. найдено нѣсколько каменныхъ гробницъ со скелетами и каменными клиньями и топорами (Wiadom. arch. III, 16).

На той-же рѣкѣ Тисменицѣ у д. Браницы Суховольской найдены 2 каменные гробницы, заключавшія каменные вещи и 5 шаровидныхъ сосудовъ съ зубчатымъ и веревочнымъ орнаментами. Могила, выложенная камнемъ, найдена у д. Морги Сувал. губ.; въ ней помѣщались 3 сосуда съ пепломъ. Каменная гробница съ каменными орудіями (не кремневыми) обнаружена глубоко въ районѣ, у д. Зыковцы Минского уѣзда.

Близь Древцевъ Новоалекс. уѣзда Люблинск. губ. въ 1874 г. обнаружено было интересное погребеніе съ сожженіемъ въ каменномъ склепѣ изъ известняковыхъ плитъ. Въ одной части камеры стояли 5 сосудовъ, съ сожженными костями, покрытыми какою-то известью, а въ другой находилось кострище съ костями какого-то животнаго. Въ камеру шель узкій входъ, закрытый плитами. Среди костей лежалъ отличный кремневый клинъ. Могила единственная въ своемъ родѣ (Wiadom. Arch. III, 95).

д) Эстляндскіе *каменные ящики* открыты въ недавнее время. Въ наибольшѣмъ количествѣ извѣстны въ районѣ Ревеля (Fht, Sagge, Laakt), а также Anzeem у Вендена, Neuhof у Кремона (?). Изъ известняковыхъ и гранитныхъ плитъ, на слоѣ камней или подъ слоемъ ихъ. Слѣды сожженія; костяная игла, остріе, черепки съ ямочнымъ орнаментомъ. Точныхъ изслѣдований этихъ ящиковъ еще не было произведено, и распространеніе ихъ еще не опредѣлено. Къ Литвѣ они врядъ ли имѣютъ отношеніе. Происхожденіе ихъ совершенно неясно; пока это какіе то одиночные памятники древности.

е) Есть отрывочное сообщеніе о *курганахъ со скорченными костями*, обнаруженныхъ близъ Орѣховцевъ Сѣдлец. губ. (Mater. anthrop. II, 116). Могли проникнуть въ небольшомъ количествѣ изъ Галиціи или Волыни.

Все это отрывочно, неопределенно и нуждается въ дальнѣйшемъ материалѣ, на быстрый сборъ котораго, впрочемъ, нѣтъ надежды.

Отдѣльныхъ мѣдныхъ вещей въ краѣ найдено весьма мало, а кладовъ и совѣтъ неизвѣстно.

Хорошій мѣдный топоръ и мѣдное долото имѣются въ Виленскомъ музѣѣ, изъ неизвѣстныхъ мѣстностей; топоръ формы каменныхъ. Малое количество подѣлокъ изъ мѣди есть явленіе общее для всей Европы; болѣе всего ихъ найдено въ южной Россіи. Металлическія подѣлки въ большомъ количествѣ даютъ только бронзовый періодъ. Западные ученые свой мѣдный вѣкъ, вслѣдствіе бѣдности его подѣлками изъ мѣди, въ продолженіе уже многихъ десятилѣтій называютъ неолитомъ и энеолитомъ

Итакъ, мы видимъ, что въ мѣдный періодъ общей культуры Старого свѣта разнородные памятники древности уже тѣснятся кругомъ Литвы: съ запада чрезъ Польшу продвигается культура Средиземно-морская, съ юга чрезъ Волынь — Малоазіатская, съ востока и съвера — чрезъ Волгу вліяніе глубокой восточной культуры, которую можно назвать Месопотамскою. Но на самой Литвѣ, географически наиболѣе удаленной отъ культурныхъ центровъ, ни одно изъ этихъ вліяній еще не отразилось, или же въ очень слабой степени, которую пока нельзя и взвѣсить по недостатку свѣдѣній. Литва по прежнему довольствуется камнемъ и костью и продолжаетъ вести свой прежній первобытный образъ жизни. Брешь пробита только, быть можетъ, по морскому берегу у Мемельского гафа.

7. *Бронзовый періодъ*, наступившій послѣ мѣдного, есть бурное, полное жизни время въ З. Европѣ. Всюду устанавливается оживленная мировая торговля сношенія, всюду усваивается новая культура, организуется государственность и вообще всякаго рода единенія, перерабатываются старыя вѣрованія, появляются новыя, идетъ широкое строительство всякаго рода. Всѣ племена Европы подымаются и концентрируются, всюду идетъ возрожденіе. Еще мало извѣстно объ этомъ интереснѣйшемъ времени, еще не можемъ мы отдѣлить его отъ предыдущаго періода, не знаемъ его исторіи даже въ основныхъ чертахъ. Но только археология и можетъ здѣсь что нибудь сказать, такъ какъ отъ этого времени нѣтъ письменныхъ памятниковъ.

Пока опредѣляются два основныхъ центра бронзового періода въ Зап. Европѣ — Балтика и Венгрия; возможно, что есть третій и четвертый, но они еще не выяснились. Балтійскій центръ (особенно развитый въ южной Швеціи) складывается подъ вліяніемъ Средиземного моря, преимущественно его наиболѣе культурной части, восточной. Венгерскій центръ близокъ къ Малой Азіи и Кавказу и въ сущности тяготѣеть къ тому-же востоку. Путь сообщенія съ В. на Балтійское море: Финикия—Критъ—Сицилія—Рона—Рейнъ, Данія, Швеція. Весьма возможно, что далѣе иноzemные гости не проникали, а замѣнялись мѣстными торговцами, державшими въ своихъ рукахъ всю операцию съ янтаремъ. Они получали львиные барыши, вымѣнивая янтарь не на что-либо существенное, а на пустяки и особенно опасаясь снабжать населеніе оружіемъ. Постепенно торговцами усвоена была и самая техника бронзового производства, и такимъ образомъ на ряду съ прекрасными привозными издѣліями появились мѣстныя подражанія имъ, а также и вещи самостоятельныхъ формъ.

Новое движение не могло не коснуться и Литвы, но особенно сильнымъ оно здѣсь не было, такъ какъ страна, кроме дешеваго янтаря и мѣховъ, едва-ли что могла дать, и черезъ нее не было торговаго транзита на В. или съ В., а такъ-же на Ю.-В. и обратно. Это по прежнему была глухая провинція, какъ и Финляндія, которая была все-же ближе къ Швеціи чрезъ посредство Аландскихъ острововъ. На долю Литвы перепадало очень мало издѣлій изъ бронзы, хотя все-же они привозились и время отъ времени здѣсь обнаруживаются.

Для Шведскаго бронзового вѣка принятая схема Монтеліуса, опредѣлившаго время ея между XVII и VI вѣкомъ до Рожд. Христова, т.-е. на протяженіи 12 вѣковъ или 36 поколѣній, и раздѣлившаго ее на 4 періода, съ почти равномѣрными промежутками. Конечно, нельзя удовлетвориться этой элементарной схемой, и дѣлаются попытки внести въ нее поправки.

Между прочимъ есть поправки, принимающія для данной культуры время отъ XXV в. до X в., т.е. 16 вѣковъ съ болѣе значительными промежутками между періодами; есть схема, признающая въ ней только два періода. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ до сихъ поръ казалось яснымъ, что въ Литвѣ отраженъ, хотя и слабо, именно шведскій бронзовыи вѣкъ, во всѣхъ его періодахъ. Однако въ послѣднее время высказано предположеніе (Tallgren и Ebert), что вещи въ Прибалтійскій край (по крайней мѣрѣ въ Пруссію) шли не изъ Швеціи, а изъ Восточной Германіи и гдѣ-то смѣшивались съ венгерскими; новая теорія допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что нѣкоторыи вещи могли попасть только изъ Швеціи, быть можетъ, при посредствѣ той же Германіи. Намъ казалось бы естественнымъ допустить, что бронзовыи вещи шли и изъ Швеціи (морскимъ путемъ и чрезъ Финляндію), и изъ Германіи, гдѣ не наблюдается полнаго тяготѣнія къ Шведской культурѣ, а есть и свои мотивы, какъ это давно чувствовалось и отчасти уже установлено Сегеромъ и Косинной (Korresp. Bl. XXXVII, 125). Надо очень принять во вниманіе также Данію и Готландъ, которые въ бронзовомъ вѣкѣ могли также имѣть нѣкоторую самостоятельность.

Литовскому археологу остается выжидать, чѣмъ кончатся изслѣдованія по Прибалтійскому бронзовому вѣку, заботливо собирая свѣдѣнія о всѣхъ находкахъ въ Литвѣ вещей этого періода, тщательно изслѣдуя памятники древности, въ которыхъ можно видѣть поселеніе или же обрядъ погребенія даннаго времени, а также всѣми средствами выясняя, что же у Литвы въ этотъ періодъ было своего, особенно по части каменной и kostяной культуры и керамики.

Значительный кладъ вещей найденъ пока одинъ, близъ д. Подуховная Калиновка Бѣлостокск. у. Онъ состоялъ изъ 46 узкихъ кельтовъ съ ушками, интереснаго, пока единственнаго узкаго топорика съ массивнымъ обухомъ и длинною трубчатою втулкою (отдаленное подражаніе и скандинавскимъ и венгерскимъ топорамъ) и большого полаго круглаго браслета безъ орнамента. Кладъ помѣщался въ хорошемъ горшкѣ съ толстыми стѣнками, внутри гладкаго, снаружи шероховатаго, очевидно, привислянского типа (Отч. Археол. Комм. 1910 г.). Большая часть клада въ Ленинградѣ (Русс. Археол. Общ.), менѣшая въ Krakovskomъ музѣ. Такіе кельты извѣстны изъ Познани и Пруссіи, гдѣ они найдены между прочимъ въ каменныхъ курганахъ съ кистами и съ такою-же посудою. Встрѣчены они и въ Курляндіи (Schlumpen). Въ Берлинскомъ музѣ имѣется небольшое количество вещей изъ Klischy Гродненск. губ. (пока я не разыскалъ этой мѣстности): 4 круглые, гладкія бляшки съ горошинкою посерединѣ и съ ушкомъ позади, еще подобная спираль изъ тонкихъ проволокъ и массивный круглый браслетъ, согнутый въ $2\frac{1}{5}$ обороты и покрытый нарѣзнымъ геометрическимъ орнаментомъ. Такія вещи пока единственны не только для Литвы, но и для всего Прибалтійскаго края; можетъ быть, это уже позднія венгерскія вещи бронзоваго періода, одновременного Галльштатту.

Изъ отдѣльныхъ находокъ самая замѣчательная — великолѣпная сѣкира въ видѣ кинжала на длинной бронзовой рукояти (имѣніе Велоны ниже Ковны, на Нѣманѣ). Подобныя сѣкиры въ отдѣльныхъ экземплярахъ попадаются разсѣянно по всей Западной Европѣ, не исключая и Испаніи; скорѣе всего, это привозныя вещи.

Въ Виленской губ. найдены: 2 кельта (д. Кашеты на Меречанкѣ), кельтъ и копье (Часуки, тамъ же). Въ Ковенской губ., кроме стѣкры, еще: пальстабъ съ широкимъ лезвиемъ и копье у д. Рынговяны Шавельского у., 2 большіе пальстаба въ имѣніи Кальвишки, въ окрестностяхъ Шауменъ, кельтъ у д. Шилайле Ковенск. уѣзда на р. Шушвѣ, поломанный кельтъ въ Пекелкѣ у Ковно, на стоянкѣ съ кремневыми подѣлками.

Въ Курляндской губ.: въ имѣніи Шлекъ близъ Виндавы красивое копье съ широкимъ опереніемъ, узкій кельтъ изъ Schlampen у Тукума, у Altona на Двинѣ пальстабъ съ такимъ широкимъ лезвиемъ, какого не попадалось въ самой Швеціи, что-то еще у Mesothen близъ Доблена и Ziepelhof тамъ же.

Въ Лифляндской губ. часть бронзовой трубы изъ Schwaneburg, единственная пока находка; большой браслетъ овальной формы съ сомкнутыми концами изъ Getrudenhof, копье у Neuhof, близъ Кремона, еще что-то у Феллина и Karkus. Въ Эстляндіи бронзовыхъ вещей найдено болѣе всего, особенно на Эзелѣ и Моонѣ, главнымъ образомъ пальстабы; тамъ-же найдена пока единственная для края вещь—круглая бляшка съ ушкомъ позади и съ шпицемъ снаружи (tutulus).

Въ Минской губ. мечъ на горѣ Миндовга въ Новогрудкѣ, въ иныхъ мѣстахъ узкій кельтъ съ ушкомъ, пальстабъ (съ очень широкими боковыми лопастями, въ Киевскомъ университѣтѣ), короткое копье изъ Эсъмонъ (съ городища), два кельта изъ имѣнія Куихтицы, Игум. уѣз., небольшой широкій кельтъ, скорѣе восточной формы, изъ Ольховки Бобруйск. уѣз. Отъ Тышкевича въ свое время поступили въ Виленскій музей три бронзовыя шейные гривны (изъ нихъ двѣ витые и одна пластинчатая, одна съ широкими лопастями въ видѣ лотковъ, 2 съ конусообразными застежками). Два меча, узкій клинѣкъ (Hausmann R. K. табл. 3, его же Uebersicht); всего находокъ вещей бронзового периода во всемъ Прибалтійскомъ краѣ извѣстно менѣе 20, кроме Финляндіи, где ихъ тоже немногі и исключительно въ Ю.-З. части края; остальная мѣстности края продолжаютъ находиться въ сношеніяхъ съ Ураломъ и вообще съ востокомъ.

Вещей Венгерскаго бронзового вѣка въ Литвѣ, повидимому, нѣть.

Эбертъ и Тальгренъ не признаютъ въ краѣ погребеній бронзоваго периода, но едва ли они вполнѣ правы. Давно извѣстенъ низкій каменный курганъ у Neuhof близъ Кремона, заключавшій погребеніе и бронзовое копье. Въ Пруссіи такихъ кургановъ извѣстно не мало. Сюда же, быть можетъ, относятся каменные кисты Эстляндіи, которые могутъ оказаться и въ иныхъ мѣстахъ края, какъ и могильники съ сожженіями. Надо ожидать новыхъ открытій.

Здѣсь удобнѣе всего коснуться темы о каменныхъ ладьяхъ (Welle-Laiwe), памятникахъ еще не уясненнаго происхожденія.

Наиболѣе извѣстны ладьи въ прих. Erwalen Курл. губ. (Musching, Lieben Nogalen). Длина сооруженій 50—25 ф., ширина 14—8 ф. Иногда они засыпаны камнями, иногда находимы были кисты, съ сосудами. Welle-laiwe въ Lubessern у Тальсена представляли собой выложенные изъ камня овалы съ острыми концами; найдены были урны съ пепломъ и сожженныя кости (Grewing, Die Steinschiffe, 1878). Ладьи у устья Plinten Курл. губ. размѣровъ 23 × 6 м. имѣли на концахъ крупные камни; до глубины 0,60 м. фигуры заполнены крупнымъ пескомъ, ниже черный слой въ 30—40 с., еще ниже обожженная глина (Тр. Рижск. Арх. С. III., 109). „Корабельныя могилы“, раскопанныя Сиверсомъ у Slawek Лифл. губ., не оправдали сво-

его названія. Эбертъ нашелъ ладьевидную фигуру изъ камня у Либавы въ Лифляндіи. Она имѣть размѣры 13×9 м.; въ ней были лавки, огражденіе изъ 2 рядовъ камней; найдена челюсть человѣка съ зеленою окраскою (Ebert, 526). Въ 1904 г. корабельныя могилы найдены были у Абау близъ Gross-Rönen Курл. губ.; были вещи. Древнія каменные ладьи извѣстны въ южной Швеціи и на о. Эландѣ (Montelius, 333). Это можетъ быть и бронзовый періодъ, и ранне-скандинавское время. Послѣдняя работа объ этихъ памятникахъ древности принадлежитъ Эберту, который устанавливаетъ ихъ связь съ Готландскими, извѣстными въ значительномъ количествѣ и заключающими погребенія въ урнахъ и кистахъ младшаго бронзоваго и раннаго желѣзного вѣковъ (Prähist. Zeitsch. XI, 179). Не знаемъ, правы ли Эбертъ въ своемъ предположеніи, что Курляндскія каменные ладьи выступаютъ вторично около V вѣка по Рождествѣ Хр.

Уже отмѣчено выше, что бронзовый кельтъ близъ Ковны найденъ на стоянкѣ позднаго каменного періода. Весьма возможно, что здѣсь эти культуры одновременны. Даже въ Швеціи бронзовыя вещи были находимы со шлифованными топорами и костяными вещами.

Близъ Schernen у Мемеля найдена бронзовая хеттская статуэтка въ видѣ мужской фигуры, вооруженной копьемъ. Это одна изъ аналогій къ многочисленнымъ восточнымъ древнимъ вещамъ, найденнымъ въ Шведскомъ бронзовомъ вѣкѣ (Sitzber. Prussia, XXII, 424.)

8. *Переходное время.* Бронзовая культура въ Швеціи пала, ничѣмъ не замѣнившись на долгія столѣтія и тѣмъ самымъ показавши свою внутреннюю слабость. Сѣверная Германія и Польша постепенно перешли на Галльштаттъ въ его позднѣйшихъ, мало интересныхъ переживаніяхъ. Литва, утративъ всякое участіе въ мировой торговлѣ, остановилась въ культурномъ движениіи на цѣлую тысячу лѣтъ. Печальное для археолога, темное время, которое почти совершенно нечѣмъ наполнить. Оставались прежнія культуры, каменная и костяная, шло своимъ чередомъ объединеніе быта, языка, вѣрованій, объединялись и разъединялись отдѣльныя племена, но не было благъ, даруемыхъ общемировой культурой. Населеніе вело первобытный образъ жизни, въ прежнихъ формахъ рыболовства и охоты. Моралистъ можетъ признать это время наиболѣе нормальнымъ и даже самымъ счастливымъ, поэты могутъ избрать его темой для своего вдохновенія и для поученія, но для историка и археолога здѣсь нѣть движенія и жизни. Это какъ разъ та жизнь, которую столь живописно изобразилъ Тацитъ въ своей знаменитой репликѣ, конечно, сильно сгустившей краски: „Fennis mira feritas, faeda paupertas: non arma, non equi, non penates... soleae in sagittis opes, quas inopia (недостатокъ) ferri ossibus asperant... securi adversus homines, securi adversus deos rem difficultiam adsecuti sunt, ut illis ne voto quidem opus esset“ (достили полнаго довольства своимъ положеніемъ).

Приводимъ основныя свѣдѣнія о находкахъ въ Литвѣ за это темное время.

Любопытнѣйшая огромная шейная гривна съ булавовидными концами найдена близъ Феллина (Ebert, 526 Балтійск. Сбор. стр. 47); предполагаютъ, что это специально балтійская форма приблизительно V в. до Р. Хр. Подѣлка менѣе массивная извѣстна изъ Пруссіи (Sitzber. Prussia, XXI, 85). Это еще не Галльштаттъ, который выступилъ въ краѣ позднѣе и держался параллельно съ позднимъ бронзовымъ вѣкомъ. Можетъ быть, къ Галльштатту относится массивная гривна и булавка съ согнутой головкой,

найденная въ Schlaßen у Мемеля. Извѣстенъ отличный широкій, полый браслетъ изъ Борисовскаго уѣзда (атласъ Тышкевича), фибула съ массивною дужкою типа приблизительно Este III (Sitzb. Est. Ges. 1879, 134).

Въ 1901 г. близь Начи Шукевичъ нашелъ, какъ ему казалось, кисту изъ плитъ, прикрытую плитой-же, съ остатками сожженія въ горшкѣ (д. Рудня.—Изв. Арх. Комм. в. 12, 26, Ziemia 1912, 787). Позднѣе онъ же напаль здѣсь на цѣлый рядъ какихъ-то ямъ, съ неясными очертаніями и съ подобіемъ каменныхъ плитъ на днѣ (Нача, Ланкишки). Повидимому, это древнія жилищныя ямы, какъ и находка у Начи. Неопредѣленныя свѣдѣнья о находкѣ кисть имѣются изъ Ковенскаго края (Упита, Шавли), изъ Кроже, въ верховьяхъ Виндавы и болѣе ясныя—изъ Зыковцевъ Минск. у.

Шукевичемъ въ томъ-же уѣздѣ (им. Чепелуны и Зубишки) найдены и несомнѣнныя древнія погребенія, въ каменныхъ кучахъ, сложенныхъ въ землѣ. Камни уложены весьма тщательно въ видѣ широкаго конуса, и среди нихъ оставлены ниши, въ которыхъ найдены черепки сосудовъ, пепель, угли; костей не было. Дно утрамбовано изъ слоя ярко-красной глины, толщиной около сантиметра. Посуда ручной работы, чаще въ видѣ чашекъ. Въ Конявск. вол. такія погребенія найдены у д. Морга, Накшунцы и Сенканцы (Изв. Арх. Ком. вып. 29, 68).

Все тѣмъ-же Шукевичемъ найдены еще старые памятники древности, въ видѣ каменныхъ кургановъ, имѣющихъ хорошее распространеніе (Версока, Богатая, Нача, Высочка, Правда, Морги, Рудня, Чепелуны, Зубишки и др., не менѣе 15 мѣстностей, въ каждой по 1—10 кургановъ). Раскопано было 33 насыпи. Высота киргановъ всего до 1½ м., диаметръ 4—2,85 м. Камни уложены слоями съ черной землей, до 5 слоевъ; у нѣкоторыхъ слѣды канавокъ, нѣкоторые входятъ въ землю и, такимъ образомъ, сближаются съ предыдущими памятниками древности. Межъ камней найдены черепки объемистыхъ сосудовъ съ короткой шейкой. Дно могиль бываетъ нѣсколько углублено и заполнено золой и черною землей съ мелкими угольками и малыми черепками. Иногда остатки очага съ массою угля и золы, до метра въ диаметрѣ; песокъ надъ ними иногда очень пережженъ. Сожженныя кости человѣка обставлялись камнями въ видѣ нишъ и прикрывались камнями-же. Изъ вещей найдена лишь желѣзная удлиненная бляшка съ колечкомъ, какъ-бы отъ пояса, и другая подобная, посуда, бусы (Szukiewicz, Poszukiwania II, 9). Такую желѣзную бляшку знаемъ изъ Funen (Pettke, табл. XV, 9), въ древностяхъ I — IV в., но, конечно, такія бляшки могутъ быть и иного времени. Встрѣчены и кости животныхъ.

Любопытно, что подобные курганы обнаружены въ Эстляндіи (д. Mudidis у ст. Тапса, а также у д. Naistewalja и Nomkulle, въ Randen у оз. Вирца). Тамъ курганы разной величины. Больше имѣютъ размѣры 14 м. при высотѣ 2—4 м., а есть и маленькие, едва замѣтные, не болѣе 2 м. ширины. Промежутки межъ камней плотно забиты мелкими камнями. Встрѣчены кисты съ незначительными и не характерными находками (мѣдная узкая бляшка 6 с. длины). Въ Сувалкской губ. у д. Скадзубъ расположена группа кургановъ, высотою до 5 локт., шириной 20 локт. Въ одномъ найдена каменная гробница, прикрытая плитами; въ ней были разбиты сосуды съ пережженными костями. Въ Пруссіи каменные курганы идутъ западнѣе Вислы и принадлежать Галльштатту. Имѣются они и

въ Силезии, но отсутствуютъ въ С.-В. Пруссіи и въ Померанії (Ossowski, Zabytki, табл. III, 14; XI, 13; XV, 34; XXXIX).

Въ Пруссіи извѣстны поля урнъ съ культурой Латена; выше по Вислѣ эта культура развита довольно отчетливо. Возможна она и въ Литвѣ, но здѣсь Эбертъ рѣшился назвать латенскою лишь одну фибулу изъ Лифляндіи (Ebert, 526). По нѣкоторымъ свѣдѣньямъ, вещи типа Латенъ около 1914 г. поступили изъ Бреста и Кобрина въ Виленскій музей.

Счастливыя находки Шукевича (изъ которыхъ мы впрочемъ пока не можемъ сдѣлать никакихъ выводовъ) даютъ надежду на новыя открытія въ Литвѣ времени Галльштатта и Латена, на какіе-то первые проблески культуры.

9. *Римское времѧ*. Вслѣдствіе оживившагося вниманія римлянъ къ янтарю, установилась торговая магистраль отъ Венеціи въ Литву, и здѣсь появились римскія монеты и римскія вещи. Это было первое, робкое оживленіе края, давшее и археологическій материаль.

Наиболѣе интересны находки монетъ. Въ 1873 г. близъ Венгровъ Сѣдлецк. губ. найденъ въ горшкѣ кладъ изъ 235 монетъ отъ Фаустины до Веспасіана, въ 1900 г. въ Слонимскомъ у. Гродн. губ. 44 монеты отъ Веспасіана до Коммода, въ 1903 г. 32 позднія римскія монеты близъ Минска. Остальныя находки монетъ были скромнѣе. Въ д. Орловичахъ Сокольск. у. Гроднен. губ. найдены въ неизвѣстномъ количествѣ монеты Антонина Пія, Фаустины и Траяна, а съ ними часть фибулы и бусы, янтарная и иныя. Римскія монеты найдены въ им. Кудринѣ того-же уѣзда. У д. Каменка Минск. губ. въ 1873 г. найденъ кладъ изъ 21 римской монеты съ 3 сергами, перстнемъ и серебрянымъ слиткомъ. Въ Курляндіи римскія монеты найдены у Kapsehden, Bornsmunde, Niederbartaу; въ Ковенскомъ краѣ только что найдена бронзовая римская монета у Полангена, и онѣ-же найдены въ Велонахъ; въ Лифляндіи близъ Ronneburg, Dreimanshof у Salis, Dorpat Rappin у Dorpat, Kokkora въ Эстляндск. губ., у Maholm, Wiems, Petri, Reval (bis), Werder, Rappel, Marien Magdalinen, Koeru (Tallgren въ Zur Archäol. Eestis, стр. 116, перечисляеть даже 19 мѣстностей въ Эстляндіи съ находками римскихъ монетъ. Прибавимъ къ этому списку еще Laakssberg, гдѣ въ 1903 г. найдено было 10 римскихъ монетъ I—IV в.). Въ им. Новоселки Новоалекс. у. Ковенск. губ. близъ Дусять подъ фундаментомъ дома найденъ былъ интересный кладъ изъ 35 мѣдныхъ монетъ pontijskikhъ и paroenjskikhъ царей отъ Митрида III до Артабана V (III в.), съ мѣдной сергой и птичкой отъ булавки. Трудно рѣшиться сказать, какого происхожденія этотъ кладъ; находка въ немъ вещицъ можетъ служить нѣкоторымъ показаніемъ на то, что это старый кладъ, но уже одинъ матеръяль монетъ (бронза) вызываетъ сомнѣніе, такъ какъ въ кладахъ попадаются почти исключительно серебряные монеты (но въ Эстляндіи найдено не мало и бронзовыхъ). Болѣе всего римскихъ монетъ найдено въ районѣ эстовъ, а затѣмъ въ южной части края, въ сторонѣ Зап. Буга. Въ остальномъ районѣ онѣ разбросаны спорадически.

Въ Балтійскомъ краѣ римское влияніе сказалось болѣе всего на Да-ни, куда культура шла съ Рейна. На Готландѣ извѣстно много римскихъ монетъ, но вещей тоже мало.

Въ Гродненскомъ краѣ открыто не мало полей урнъ римского времени, или близкаго къ нему. Въ Скорбичахъ у Бреста найдено много хорошихъ бусъ и 2 фибулы при человѣческихъ костяхъ и черепкахъ; тутъ же стоянки каменного вѣка. У с. Страдочъ того же уѣзда, у с. Костом-

лоты и Добраны Бельского у. на дюнахъ обнаружены поля урнъ съ хорошими сосудами. Въ Брестскомъ у. поле урнъ извѣстно еще у с. Вистицъ и Рогачей. Ясна принадлежность даннаго района къ культурѣ этого времени Польши. Сюда же идеть свѣдѣніе о 3 римскихъ монетахъ изъ могильника Шавельского у. (Wiadom. num.—arch. I, 267), но ему трудно придать реальное значеніе.

Изъ отдѣльныхъ находокъ римскихъ вещей извѣстны слѣдующія. Въ имѣніи Понемуни Гродн. у. въ старомъ колодцѣ были найдены: терракоттовая лампочка съ изображеніемъ мужской головы въ типѣ силена, большая камея, мѣдные браслеты съ головками барановъ на концахъ, шандаль въ видѣ скрученной змѣи. Въ Пинскихъ болотахъ найденъ былъ римский шлемъ, золоченый гребень коего сохранился въ Виленскомъ музѣ; въ Сѣдлецкой губ. — мраморная голова силена; близъ Kawwast у Дерпта въ торфѣ среди другихъ вещей — прекрасная большая римская лампочка съ 2 рожками, I в.; въ Ольховкѣ Бобруйского у. отличная римская фибула съ разноцвѣтною эмалью. Въ Вевержанахъ Тельш. у. въ районѣ нижняго течения Нѣмана найдена любопытная глиняная посуда прекрасной работы римского времени: низкая чашка, въ которой ставился кувшинъ, а на горлышко этого — стопка. Эта одиночная находка аналогіи имѣть въ Галиции и на Днѣпрѣ (Черняхово, Хвойки). Костревскій районъ могильниковъ съ латенскою культурой доводить въ видѣ узкаго языка чрезъ Сувалкскій край на средній Нѣманъ вплоть до Ковны (Przegl. archeolog. ч. I, 1).

Слѣдуетъ очень помнить, что римскія монеты не имѣютъ рѣшительнаго значенія для хронологіи памятниковъ древности, такъ какъ онѣ имѣли и весьма позднее обращеніе въ краѣ. Находимыя въ Литвѣ римскія монеты иногда, а можетъ быть, и часто донельзя стерты отъ продолжительнаго обращенія. Въ Прусскомъ кладѣ монетъ VII—VIII вѣка изъ Frauenburg были монеты Тита, Коммода, Феодосія II (+ 448 г.; Sitzber. Prussia XXIII, 58).

Итакъ, основная масса населенія самой Литвы и въ римское время почти не была затронута культурой.

10. *Ранніе прусские могильники.* Культурными просвѣтителями Литвы стали готы, поселившіеся еще въ римское время на устьяхъ Вислы. Это не были завоеватели, это была лишь торговая факторія, первоначально, можетъ быть, довольно слабая. Готы взяли въ свои руки внѣшнюю торговлю Литвы, развивая въ то же время торговыя сношенія съ Даніей, Сѣверной Германіей, Римомъ и готовясь начать движеніе къ Чёрному морю.

Первыми изъ литовцевъ пріобщились къ новой культурѣ пруссы. Въ ихъ странѣ отъ III—V в. извѣстно уже значительное количество могильниковъ съ богатыми находками. Они впервые были изучены Тишлеромъ (Schrift der Phisik—ökonom. Gesellsch. zu Königsberg XXII, 1881 и 1879 г.; Ostpreus. Alterthümer 1902), раздѣлившимъ ихъ на 5 группъ въ предѣлахъ I—VI в. Схема эта держится несокрушимо по настоящее время, съ хронологическими поправками, введенными Kemke (въ Schriften 1899 m. XL и Seitzer. Prussia XXIII, 1—57). Послѣдняя работа принадлежитъ Aoberg (Ostpreussen in der Völkerwanderungzeit, Upsala 1919), который правильно устанавливаетъ для литовскихъ могильниковъ времена отъ III в. до викинговъ, а параллельно опредѣляетъ самляндскую культуру, какъ продолженіе готской, и мазурскую VI—VII в.

Наиболѣе послѣдовательно схему Тишлера примѣнилъ къ древностямъ Литвы и эстовъ въ недавнее время Эбертъ. Онъ дѣлаетъ наблюденіе, что періодъ В. развитъ наиболѣе въ Эстляндіи, гдѣ культура претерпѣла нѣкоторую переработку. Въ періодъ С. культура тянется на С.-В. изъ Пруссіи, въ періодъ D имѣются уже мѣстныя формы, однѣ на С. другія на Ю. Мы не будемъ излагать ни схемы Тишлера, ни позднѣйшихъ работъ, такъ какъ полагаемъ, что весь вопросъ долженъ быть пересмотрѣнъ заново, по прусскому матеріалу, съ тѣми коррективами, какіе здѣсь можетъ дать русская археологія. Хронология Тишлера создана на весьма зыбкомъ матеріялѣ — римскихъ монетахъ, которыя въ дѣйствительности ходили бѣзъ продолжительное время и попадаются въ весьма позднихъ могильникахъ. Никакой предполагаемой лакуны въ литовскихъ древностяхъ V — VII в., конечно, нѣть.

Самыми интересными и самыми многочисленными предметами въ прусскихъ могильникахъ III-V вѣковъ являются разнообразныя фибулы: большія узкія, съ широкими фигурными лопастями, со щитками, перекладчатыя, широкія съ глазками и др. Среди фибуль есть и полученные готами путемъ торговли и изготовленные на мѣстѣ, однѣ старыя, другія моложе. Разобраться въ нихъ пока еще невозможно, какъ еще невозможно и решить вопросъ, откуда эти вещи явились. Здѣсь западные ученыe еще не пришли къ однообразному взгляду. Алмгрентъ (Mannus IV, 427) ведеть данную культуру изъ Чехіи, гдѣ былъ центръ многочисленныхъ рижскихъ купцовъ, и гдѣ шла переработка латека; по его мнѣнію, образцомъ для этого „германского стиля“ послужили провинціальная римскія формы австрійскихъ Альпъ, проникшія далѣе на Эльбу, а отсюда распространившіяся по Германіи. Характерныя вещи: глазчатыя фибулы, фибулы двулопастныя, прорѣзныя цѣпочки. Съ Эльбы ведуть прусскую культуру мѣстные изслѣдователи Haustmann и Hackmann. Кикебушъ, близко изучавшій древности низовьевъ Рейна, находить, что вліяніе на Германію, а особенно Данію шло отсюда и именно въ болѣе раннее время. Отсюда онъ ведеть и глазчатую фибулу. Шуманъ идетъ глубже, выставляя предположеніе, что германская ранняя культура можетъ итти изъ кельто-римской, возникшей на Ронѣ и Рейнѣ. Вообще же изслѣдователи признаютъ древности старыхъ прусскихъ могильниковъ одинаковыми съ германскими и балтійскими. Не смѣемъ настаивать на своемъ наблюденіи, но намъ представляется, что готская культура проникала только къ прусскимъ литовцамъ, почти не имѣя распространенія далѣе устьевъ Нѣмана. Готы вполнѣ могли дѣлать попытки установить торговлю по всему морскому берегу, и имъ въ этомъ отношеніи могли соревновать готландцы, но рѣшительныхъ данныхъ здѣсь еще не нѣть, и приходится остановиться на предположеніи, что основная литовская масса продолжала пребывать еще въ косномъ состояніи. Однако есть интереснѣйшая находка того времени въ Ковенскомъ краѣ — прекрасная серебряная фибула изъ Kursze Россіен-скаго у. Оттуда же въ Ковенскомъ музѣ оказалась еще подобная фибула и 2 мѣдныхъ браслета. Возможно, что тамъ имѣются могилы. Можетъ быть, еще могильникъ того же времени находится у Boczajcie Шавельск. у. (2 старыя фибулы въ Ковенскомъ музѣ).

11. *Золотая шведская культура (IV — V в.?).* Далѣе въ Балтикѣ и Германіи возникаетъ оригинальная культура, которую по обилію золотыхъ вещей можно назвать золотою, и которая представляетъ собою переработку культуръ мѣстной и византійской, проникшей съ Чернаго моря. Привис-

лянскіе и иные готы въ большомъ числѣ уходили на берега Чернаго моря и въ Константинополь для торговыхъ операций и для заработка въ качествѣ моряковъ, солдатъ, мастеровъ, просто рабочихъ. Домой вывозились различныя греческія вещи, а главнымъ образомъ золото, послѣднее, видимо, въ изрядномъ количествѣ. Изъ золота вырабатывались различныя украшения, въ видѣ богатѣйшихъ и разнообразныхъ шейныхъ гривенъ, крупныхъ филиграныхъ бусъ, подвесокъ въ видѣ амфорокъ, браслетовъ, перстней, лунницъ, бляхъ, аграфовъ и пр. Характерны греческія монеты, обѣянныя въ медальоны съ широкою проволочною оправой (Montelius, Mannus, IV, 428). Золотая культура охватываетъ Балтійскій край, Германію, Чехію, (Добржиховъ), Польшу, низовья Вислы. Одновременно на Вислу проникаетъ западная желѣзная культура въ формахъ поздняго латена. Въ общемъ простые могильники даннаго района и данной культуры однако не богаты, однообразны и легко узнаются. Самыя характерныя подѣлки въ нихъ слѣдующія: пластинчатые браслеты, часто золотые, съ полуциркульными головками, имитирующими головки животныхъ, золотые и изъ иного материала аграфы въ видѣ буквы S, украшенные также зернами и сканью, янтарная подвеска въ видѣ ведерокъ, желѣзные ножи, серпы, ключи, пряжки, умбоны, копья, ножницы, удила, огнивы, шпоры, костяные гребни латенского типа, а также фибулы съ дужками, украшенныя зернью и филигранью, фибулы пластинчатыя съ глазчатымъ орнаментомъ.

Культура хорошо представлена на Вислѣ до самаго устья могильниками съ костяками и съ урнами. Въ Польшѣ лучшій могильникъ данной культуры Комогор Петроковской губ., въ Пруссіи Grebieten, Tczew, въ Силезіи Sackrau. Здѣсь новая культура смѣшивается со старою, продолжающей процвѣтать. Нѣкоторое количество вещей золотой культуры доходитъ, кажется, и до Финляндіи, но въ Литвѣ ихъ вообще нѣть, хотя чувствуется, можетъ быть, и не слабое вліяніе ихъ на послѣдующую литовскую культуру. Могильникъ этой культуры въ Литвѣ, или точнѣе, на ея окраинѣ, въ районѣ могильниковъ римской поры, пока извѣстенъ одинъ, близъ деревни Пилипчи Бѣльск. у. Гродн. губ. Здѣсь среди сожженныхъ костей найдены поломанныя золотыя вещи, именно пластинчатый браслетъ съ головками, маленькая лунница, проволочный, спиральный перстень съ лопастями на концахъ, аграфъ и хорошая римская бронзовая чашка съ каннелюрами (Отч. Арх. Ком. 1914 г.). Насколько эффектно это время въ Швеціи, можно судить потому, что именно ему принадлежать три гигантскія курганы близъ Упсалы. Къ нему же относится и начало рунической письменности, принесенной изъ Южной Россіи (арамейское письмо).

Вѣроятно, къ этому же времени относится и третье движение готовъ на Ю., завоевательное, сперва, надо думать, на берега Чернаго моря. Все это къ Литвѣ имѣть очень малое отношеніе. Подлинныхъ южно-русскихъ вещей въ Прибалтійскомъ краѣ найдено немного. Фигуры и пряжки найдены въ Мазовіи, у Мемеля, 2 золотыя византійскія монеты у Везенберга. Серебренѣйший изслѣдователь древняго скандинавскаго орнамента, Салинъ, склоненъ былъ вести его отъ южно-русскихъ, т. е. византійскихъ издѣлій. Дальнѣйшая, болѣе смѣлія изслѣдованія въ этомъ направленіи обѣщаютъ, какъ намъ кажется, неожиданныя заключенія.

12. *Литовскія древности VI — VIII вѣковъ.* (Рагинянская культура). Далѣе въ Литвѣ выступаетъ оригинальнѣйшая, превосходная, можно сказать, восхитительная культура VI — VIII в., совершенно отсутствующая въ

соседнихъ западныхъ районахъ, составляющая истинную, неотъемлемую гордость Литвы. Въ этой культурѣ наилучшимъ образомъ решена задача обработки гладкихъ поверхностей въ мѣдныхъ издѣліяхъ и техника мѣдной проволоки. Первая задача решена такъ: значительныя плоскости должны быть раздѣлены прорѣзью и снабжены цвѣтной эмалью. Въ филиграиъ востановленъ классическій приемъ нарощенія проволочныхъ нитей въ гладкую широкую поверхность, съ зернью по краю, или съ зерневыми фигурами. Формы издѣлій разнообразны и великолѣпны, обличая изящный и даже благородный вкусъ мастеровъ. Культура явилась откуда-то почти какъ метеоръ и дала въ кратѣ прочные корни, отразившись на всѣхъ дальнѣйшихъ мѣстныхъ культурахъ. Нельзя достаточно налюбоваться этими удивительными предметами. Даемъ перечисленіе основныхъ типовъ вещей Рагинянской культуры, конечно, ничего не говорящее воображенію.

Есть головные вѣнчики изъ трубочекъ съ гладкими перемычками. Большая красивыя височные бляхи, плетенные изъ проволоки, имѣются только здѣсь.

Шейные гривны чаще массивныя: 1) гладкія, съ булавовидными, иногда фигурными концами (совершенно подобная найдены въ южной Россіи, золотыя; здѣсь концы схематизировались, надо думать, изъ головокъ льва или химеры), 2) съ гладкими круглыми коробочками на концахъ, 3) гладкія, обмотанныя проволокою съ лоточкомъ и захватомъ на концѣ, 4) гладкія, обмотанныя на концахъ, съ петлями, 5) витыя изъ трехъ проволокъ, съ широкими кольцами на концахъ, назначенными для подвѣсокъ, 6) витыя и гладкія тонкія съ крючкомъ и петлей, 7) красивыя гладкія съ расширенными концами и коническими шипами на нихъ.

Нагрудныя цѣпочки, съ плеча на плечо, изъ прорѣзныхъ звеньевъ, эмалированныхъ бляшекъ и мелкихъ цѣочекъ; прикреплялись на схематизированныхъ фибулахъ, подвѣшенныхъ къ массивнымъ булавкамъ, съ булавовидными головками. Нагрудныя цѣочки въ видѣ кисти или банта.

Фибулы: 1) типичная плоскія, съ глазчатымъ орнаментомъ, идущимъ, можетъ быть, изъ южно-русскихъ издѣлій, въ золотѣ и съ камнями, 2) разнообразныя и изящныя съ дужками, меньшей величины, 3) большія узкія съ филигранью, иногда серебряныя, 4) большія съ перехватомъ, 5) фигурныя, покрыты эмалью, 6) съ широкимъ фигурнымъ хвостомъ.

Подвѣски къ ожерелью изъ бусъ (чаще красныя) лунницы, нерѣдко съ эмалью, крестики, бляшки, чаще прорѣзныя.

Пряжки: широкія, большія съ эмалью, безъ стрѣлокъ (очень эффектныя вещи) и малыя, съ кувшинообразными концами.

Браслеты: 1) массивные круглые съ глазчатымъ орнаментомъ, 2) болѣе или менѣе широкіе пластинчатые, съ орнаментами (вышедшіе изъ золотыхъ), 3) массивные гладкіе съ расширенными концами, 4) спиральные наручники, 5) очень широкіе, выпуклые, съ орнаментомъ, 6) есть широкіе фигурные со щитками и эмалью. Перстни: спиральные и, кажется, пластинчатые съ усиками. Эмалью могутъ быть покрыты любыя вещи. Очень хороши какія-то крупныя и длинныя цѣпи съ эмалевыми украшениями, можетъ быть, отъ конскаго убора; загадочень какой-то фигурный серебряныи обручъ, также съ эмалевыми бляшками. Изъ южной Россіи известно красивое зеркало, снабженное ручкою съ эмалью. Желѣзныя вещи: желѣзныя кельты, топоры съ очень опущеннымъ лезвиемъ, узкіе топоры съ округленнымъ обухомъ, умбоны, мечи типа scamasax (односторонніе, съ

значительнымъ расширенiemъ къ концу.) (Атласъ Аспелина, в. V; Hausmann: R. K.; Зап. Рус. Отд. Р.А.О. V в.; Swiatowit II, III, VI).

Культуру для краткости можно назвать Рагинянскою, по имени большей группы кургановъ близъ Рагинянъ Поневежск. у., извѣстной съ очень давняго времени. Всѣхъ мѣсть находенія вещей этой культуры въ Литвѣ мнѣ лично извѣстно свыше 80. Лучшій могильникъ у Schernen близъ Клайпеды (Мемеля) заключаль слои пепла, покрытые неправильными фигурами изъ камней, въ одинъ или нѣсколько рядовъ, но вещи находились при нижележащихъ скелетахъ. Въ Gruneiken оказались также вещи болѣе раннія, въ Lutrapen у Тильзита найдены и погребенія несожженныхъ труповъ. Въ Пруссіи къ этому времени относятся могильники, чаще, кажется, съ сожженіемъ. Въ Мазовіи эти могильники раскалывались недавно Пейскеромъ.

Не ясны памятники древности этой культуры выше Нѣмана и по берегу моря. Въ Конюхахъ Вилком. у. могилы имѣли огражденія въ видѣ правильного квадрата (Swiatowit III, 85). Въ Ковенской губ. по мѣстному музею опредѣляется не менѣе 15-ти мѣстностей съ вещами Рагинянской культуры, но обрядъ погребенія точно неизвѣстенъ. Въ Дукштахъ Ново-Александра. уѣзда, давшихъ много вещей, группа кургановъ (отъ VI—IX вѣка), въ Laukswidai Ковенск. у., Gilwicze Шавельского у. неопределенно отмѣчены могильники. Въ Wizdergi Шавельского уѣзда Довгирдъ въ давнее время раскопалъ невысокій плоскій овальной формы курганъ, обложеный въ основаніи камнями, въ которомъ оказалось 4 скелета, головами на С. Находки Rogliškѣj Сувалкской губ. идутъ, кажется, изъ могильника, какъ и великолѣпныя вещи изъ Бакшишекъ близъ Олиты той же губ. Открыть могильникъ у деревни Двораки Ломж. губ., на р. Наревѣ близъ м. Сокола. На Пекелкѣ близъ Ковно указываются небольшия, едва примѣтные курганы. Вообще, въ западной части Ковенской губ. и Курляндіи курганы, если и есть, то въ небольшомъ количествѣ; но и могильники тамъ еще почти не обнаружены. Курганы за р. Виндавой указываются въ им. Бурбы Россіенск. у., въ Плотелѣ Тельшевск. у. На берегу моря культура обнаружена лишь въ Almahlen. Есть слѣды погребенія въ могилахъ съ каменнымъ обложеніемъ, а также какіе то пласти или кучи изъ камней.

Лучшія вещи Рагинянской культуры найдены въ курганахъ, расположенныхыхъ большими или значительными группами между Нѣманомъ и Двиной. Ихъ, ради добыванія интересныхъ вещей, копали многія лица; изъ нихъ въ литературѣ извѣстенъ Массалитиновъ, собравшій очень хорошую коллекцію (издана въ Kwart. Litewsk. I, уничтожена въ Вильнѣ). Болѣе или менѣе правильныя раскопки были произведены Гаусманомъ (Santen), г-жей Бутрымъ (Пакальнишки и Пошушва), Покровскимъ (Межаны), Абрамовымъ (Рагиняны), Богоявленскимъ (Курляндія). Въ Пакальнишкахъ Поневежск. у. изъ 13 кургановъ хорошія вещи найдены были лишь при двухъ скелетахъ. Костяковъ было отъ 1-го до 7, но между ними оказались и поздніе (Swiatowit II, 92). Въ Межанахъ (Свенц. у.) курганы имѣли въ вышину $1\frac{1}{4}$ — 1 ар., могилы въ материкѣ, глубиною приблизительно въ 1 арш., въ нихъ 1 или 2 скелета головою за З.; на поверхности материка бываетъ зола и угли, а ямы иногда прикрыты бульжниками. Одинъ изъ кургановъ въ Ловкахъ имѣлъ яму, забитую камнями, и груду ихъ сверху; въ другой ямѣ съ человѣкомъ былъ погребенъ конь. (Труды Вил. Арх. с. II, 159). Наиболѣе интересный курганъ въ Рагинянахъ (Шавельск. у.) имѣлъ размѣры 5 с. $\times 1\frac{1}{2}$ а. и былъ обложенъ по основа-

нио камнями, а внутри имѣлъ сложенные изъ камня въ двухъ мѣстахъ стѣнки (2 параллельныя и 2 подъ угломъ); всѣхъ скелетовъ было 8. Въ Померникахъ раскопанъ былъ широкій курганъ, въ которомъ посрединѣ лежалъ слой изъ крупнаго булыжника, справа пятно углей $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ и по той же линіи въ полѣ 2 костяка, одинъ за другимъ. Тамъ-же одинъ курганъ былъ весь вымощенъ съ поверхности камнями, а еще одинъ цѣликомъ сложенъ изъ камня. Костяки лежали въ насыпи на разныхъ горизонтахъ, головою на З. и С. Верхъ кургановъ плоскій или сферический. Валуны въ основаніи лежать въ 1 или 2 ряда, всегда большие, канавокъ нѣтъ. Самый большой курганъ имѣлъ размѣры $11\frac{1}{2}$ с. \times 5 ф., но вообще ихъ ширина была отъ 4—7 саж., а высота отъ 3—5 ф. Есть впущенныя болѣе позднія сожженія (Отч. Археол. Комм. 1909 и 1910 г.). Южнѣе Виліі подобные курганы копались Шукевичъ въ Сирняхъ и Вильканцахъ Лидск. у. Высота ихъ была всего 1 — 2 арш.; стѣнки обложены камнями, на половину и болѣе. Богоявленскій копалъ въ 1896 г. курганы этого типа въ Tauerkaln и Schluttenhof Фридрихштадтск. у. и у Weissen. Въ одномъ изъ кургановъ лежало слоями 11 скелетовъ, головой на З., Ю. и С.; межъ скелетовъ замѣчались линіи камней. Въ другой насыпи на срединѣ лежала цѣлая куча скелетовъ, головами на С.-В. и Ю.-З. Въ тѣхъ же группахъ имѣются курганы серповидной и подковообразной формы (Рагиняны), даже круглые и иногда значительныхъ размѣровъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ погребенія лежали въ 2 яруса. Одинъ курганъ въ Рагинянахъ имѣлъ форму неправильнаго вала, по всему верху одной высоты, длиною до 17 саж. шириною 9—6 саж.; въ немъ обнаружено нѣсколько погребеній съ отдѣльными каменными огражденіями. Интересны также удлиненные курганы овальной и четыреугольной формы (с. Хотенчицы Виленск. у., Бѣницы, Дубичи Ошм. у.; въ Ковенск. губ. Бельмонты, Рацкій Боръ, Опса, Сунтупе, Виздерга). Курганъ въ Силоце Вильком. у. имѣлъ форму эсовиднаго вала, длиною 7 саж. Каменные курганы, кроме Рагинянъ, имѣются и въ иныхъ мѣстахъ. Въ Померникахъ такой курганъ, размѣровъ 4 саж. \times 3 ф. стоялъ отдѣльно; основаніе его было уложено очень плотно и забито жвиromъ. Въ Скворбичахъ одинъ курганъ сложенъ былъ изъ камня и жвира. На В. районъ кургановъ эффектно заканчивается Межанами, Поставами, Ловками Свенцянск. у.

Принимая во вниманіе районъ распространенія данныхъ кургановъ, естественнѣе всего признавать ихъ семгалльскими. Въ такомъ случаѣ на долю собственной Литвы будуть падать могильники, еще очень мало тронутые изслѣдователями и мало извѣстные. Конечно, то и другое допустимо лишь въ томъ случаѣ, если признано будетъ, что оба эти племена уже обитали въ данное время въ данныхъ районахъ. Близъ им. Сенкайце у м. Дорбянь Тельш. у. обнаруженъ какой-то каменный кругъ, какъ бы фундаментъ, въ діаметрѣ 4 метра, толщиною $\frac{3}{4}$ м., высотою $1\frac{1}{2}$ м.; многие камни казались тесанными. Здѣсь найдена гривна съ обмотанными концами и бляхами, пластинчатый перстень. Это пока единственная въ своемъ родѣ находка.

Замѣчательный кладъ изъ Dobelsberg Тукумск. окр., найденный въ 1869 г. на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ ф., принадлежитъ, скорѣе всего, Рагинянской культурѣ. Онъ былъ вѣсомъ около 10 пуд. и заключалъ до 1100 желѣзныхъ вещей (432 копья, 131 кельтъ, желѣзные узкие топоры, мотыги, молота, 46 каменныхъ точилокъ). Конечно, кладъ можетъ принадлежать и IX в., какъ

и другой, найденный также въ Курляндской губ., у Hofzumberg Добленск. окр., подъ большимъ камнемъ. Въ немъ были: 4 умбона отъ щитовъ, 54 копья, клинокъ меча, 8 стрѣлъ со втулкою, 4 ножа, 9 пряжекъ, стремя (Hausmann R. K., 20).

Видимо, ко времени Рагинянской культуры относятся первые пилькалины края. Это предполагалось теоретически, это доказывается и раскопками Кшивицкаго у м. Ракишкъ Ново-Александ. у.

Рагинянская культура имѣла, къ ея чести, обширное распространеніе въ предѣловъ Литвы. Прекрасныя старыя вещи этой культуры (гривна, булавки, ажурныя бляхи, бляшки съ ушками) найдены были въ Тишковкѣ на устьѣ р. Припяти Минск. губ.; надо предполагать тамъ могильникъ. Отличные предметы найдены на Деснѣ у с. Жуковки, вѣроятно, тоже изъ могильника. Извѣстныя вещи Хойновскаго изъ Межигорья близъ Киева (прекрасная цѣпочка, фибула и пр.—Хойковскій, Археол. Свѣд. стр. 166) принадлежать, скорѣе всего, также погребенію. Западные финны не знали иныхъ вещей, кроме Рагинянскихъ, какъ это ясно выступаетъ при раскопкахъ городищъ Дьякова типа. На Мошинскомъ городищѣ Калужской губ. найденъ замѣчательный кладъ этой культуры, уже получившій широкую извѣстность (Булычовъ, Журналъ раскопокъ 1909 г.). Удлиненные курганы, распространенные по крайней мѣрѣ отъ Зап. Двины до Волхова и отъ Чудского озера чуть ли не до Волги, имѣютъ только эту культуру. Въ Западной Россіи въ VI—VIII в. идетъ борьба между литовской и окской культурой, въ Южной Россіи—литовской съ византійской и хозарскою. Но отдѣльныя вещи литовскія попадаютъ всюду и къ соперникамъ. Онѣ встрѣчены на устьѣ Десны, на Окѣ, на Камѣ, въ Перми, въ Херсонесѣ и даже на Кавказѣ,— лучшая рекомендациѣ достоинствамъ этой культуры. Въ Галиціи эти вещи, видимо, очень рѣдки.

Кѣмъ была занята въ это время Лифляндія, остается неизвѣстнымъ. Такъ какъ здѣсь нѣтъ Виленскихъ кургановъ, и очень слабо представлена сама культура, то естественнѣе думать, что леттовъ тамъ еще не было. Все, что мы знаемъ о лифляндскихъ древностяхъ этого времени, сводится къ слѣдующему. Лешке раскалывали какіе-то удлиненные курганы съ сожженiemъ у Lobenstein, Neuhausen, Waldhof. Близъ Unnipicht (Nuggen) извѣстны какіе-то низкие каменные овалы, длиною 21—12 ф. Близъ оз. Икуль имѣются каменные круги, въ діаметрѣ 7—10 и болѣе саженъ, вышиною 2—3 ф.; въ серединѣ невысокая насыпь, часть площадки иногда замощена; всегда имѣется слой золы и углей, попадаются вещицы, кости животныхъ. Близъ Roop каменные круги 5—36 ф. въ діаметрѣ; въ Gr. Autz 17—20 круговъ и четыреугольниковъ, прикрытыхъ землей, разныхъ размѣровъ, заключающихъ по серединѣ золу и угли, иногда помостъ изъ камней. У Вендана Гревингкѣ указываетъ возвышеніе, окруженное кольцомъ камней, въ діаметрѣ 6—7 саж.; внутри слой песку съ золой и угольками, черепки, 2 копья, точилка и пр. Тамъ же 8 подобныхъ, въ діаметрѣ 3—5 саж. Къ Ю. отъ Вендана 3 круга у Kaikunsee, діаметромъ 3—5 саж.; на глубинѣ 1—2 ф. обнаруженъ слой угля и золы. У Кремона кругъ діаметромъ 3 саж.; на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ ф. часть круга замощена камнями. Въ им. Holstferhof 2 круга, изъ нихъ одинъ въ два ряда камней; найденъ слой угля и золы, кости, частицы мѣдныхъ вещей. У Nuggen Дерптскаго у. обнаружены овалы камней, размѣровъ 21 \times 12 ф., съ вещами VI—VIII в. (Харузинъ, Временникъ Эстл. губ. I, 136). Въ Nitau на р. Лигатѣ

Рижск. у. указывается насыпь въ видѣ низкаго плоскаго кургана въ огражденіи изъ огромныхъ камней (высотою до 3 ф.). Въ насыпи обнаружены 2 прослойки изъ бѣлаго песку, угли, кости, вещицы. У Slawehk въ каменныхъ кучахъ, имѣвшихъ въ диаметрѣ 17 — 18 м., среди камней найдены вещи VI — VIII в. Въ Каннапе и Веита въ сѣверной Лифляндіи найдены овалы изъ камней высотою 4 ф.; вещи въ нихъ оказались, повидимому, не сколько болѣе поздними.

Совершенно неожиданно Рагинянскія вещи оказались въ Преляхъ Витебской г. Извѣстна находка прорѣзной эмалевой фибулы и хорошей гривны съ эмалевымъ же дискомъ на концѣ изъ Libbert близъ Трикатена. Количество находокъ, конечно, умножится, но во всякомъ случаѣ здѣсь ихъ чувствуется мало. Весьма возможно, что въ данномъ районѣ было особое населеніе, можетъ быть, и не литовское, и не финское. Позднѣе районъ оказывается заселеннымъ финскимъ племенемъ ливовъ.

Районъ эстовъ также завоеванъ былъ этою культурою, пребиравшеюся сюда, скорѣе всего, моремъ. Ей принадлежать многочисленныя каменные могилы въ видѣ клѣтокъ, соединенныхъ въ ряды; вещи и косточки попадаются внутри огражденій, подъ беспорядочнымъ слоемъ камней и земли, въ золѣ. Огражденія вообще не очень правильной формы, что даетъ основаніе Тальгрену относиться скептически даже къ самому ихъ существованію. Еще ранѣе замѣчено, что позднѣйшія клѣтки пріобрѣтаютъ прихотливыя, небрежныя формы и бываютъ прикрыты кучами камней. Вообще можно принять, что это широкія и низкія каменные кладки, иногда принимающія формы кургановъ. Эбертъ поддерживаетъ теорію происхожденія эстляндскихъ каменныхъ могиль изъ кисть Ревельского типа, указывая на то, что имѣются и промежуточные формы — отдѣльныя могилы съ четырехугольнымъ огражденіемъ изъ камней; почти тоже высказывалъ ранѣе Гаусманнъ (Uebersicht, 14). Врядъ ли эта интересная теорія удержится, т. к. разстояніе отъ кисть до VI в. очень значительно и, можно сказать, ничѣмъ не наполнено, но едва-ли вполнѣ правъ въ своихъ сомнѣньяхъ и Тальгренъ. По находкамъ чувствуется, что эстляндскія каменные могилы заходятъ и въ IV в.; извѣстно, что въ нихъ также нерѣдки впущенные погребенія X—XI в., принадлежавшія, можно думать, тому-же населенію.

Не знаемъ, что такое представляютъ собой каменные фигуры Курляндіи. Въ Deguhnen (Talsen) извѣстна фигура въ видѣ двухъ параллельныхъ линій изъ камней, длиною 3,40 м., на разстояніи 1,35 м. межъ ними настилка изъ плитъ известняка (Тр. Риж. Арх. Съѣзда III, 102). Въ Strasden (тамъ-же) найдены 3 вписаныя другъ въ друга квадратуры изъ камней, длиною 12,8 и 4 м. Между боковыми огражденіями насыпанъ грантъ, а средний занять слоемъ черной земли. Найденные здѣсь 2 скелета съ вещами VI—VII вѣка могутъ и не относиться къ фигурамъ.

Весьма тщательный анализъ инвентаря эстляндскихъ каменныхъ могиль только что далъ Тальгренъ (Zur Archäologie Eestis I, стр. 83—122). Мы отмѣчаемъ въ данной культурѣ 4 разновидности: 1) strante (фибулы съ эмалью, глазчатыя и узкія), 2) Kanger (круглые прорѣзныя фибулы безъ эмали, фибулы съ лопастями и перекладчатыя, фибулы очень узкія, 3) Türsel — тѣ-же круглые фибулы, еще болѣе стилизованныя и постепенно обращающіяся въ подѣски, очень развитыя шейныя гривны ковенскихъ типовъ, фибулы узкія массивныя, узкія тонкія. Вообще-же въ этихъ разновидностяхъ пока еще трудно разобраться, такъ какъ одинъ и тотъ же могильникъ

обыкновенно служил длительное время. Культура Strante еще целикомъ Рагинянская. Въ культурѣ Kanger уже имѣются характерныя, кажущіяся мѣстными формы, именно, эти прорѣзныя круглые фибулы, замѣнившія прорѣзью эмаль; впрочемъ подобныя имѣются и въ Ковенскихъ древностяхъ IX в. Нѣкоторыя вещи, отличныя отъ Рагинянскихъ, усвоены эстонскою культурою позднѣе; таковы фибулы перекладчатыя, раковидныя, круглые съ шипомъ (*tutulus*), малыя пряжки со спиральными концами, крупные мѣдные бубенчики, узкіе наконечники поясовъ, запонки, щипчики, концы роговъ, точильни для иголь (попрежнему ткацкіе камни). Въ притокѣ этихъ вещей чувствуется западъ, скорѣе всего Готландъ. Это уже переходъ въ IX в. Въ общемъ культура несравненно бѣднѣе настоящей Рагинянской.

Финляндія не знала другихъ вещей, кроме эстонскихъ; это ея первая национальная металлическая культура. Даже въ обрядѣ погребенія ощущается прямая связь съ Эстляндскимъ. Вообще, одна и та же культура въ VI—VIII в. и нѣсколько позже наблюдается по ту и другую сторону Финского залива, да и населеніе было явно одно и то-же.

Изъ самаго поверхностнаго сравненія Рагинянской культуры съ вещами прусскихъ могильниковъ III—V в. становится совершенно яснымъ, что литовскія древности VI—VIII в. есть переработка прусскихъ и, слѣдовательно, вообще западныхъ этого времени, но эта переработка въ высшей степени талантливая, обнаруживающая высокій художественный вкусъ мастеровъ. Откуда же все это? Стоимъ въ полномъ недоумѣніи передъ этимъ вопросомъ. Казалось-бы естественнымъ, что это не Литва, только что вызванная изъ первобытнаго состоянія къ болѣе высокой жизни, но вѣдь этихъ вещей нигдѣ болѣе нѣть. Ея нѣть западнѣе устьевъ Вислы, въ Даніи, Швеціи, на островахъ. Не дѣлалъ-ли кто нибудь эти вещи специально для Литвы? Это возможно, но тѣмъ не менѣе вѣдь Литвы ихъ мы неходимъ, на В. онѣ идутъ отсюда. Не поможетъ ли въ решеніи этого вопроса исторія выемчатой эмали? Ближайшіе прототипы для литовской выемчатой эмали усматриваются въ Англіи, но вопросъ объ этой эмали вообще далеко не решенъ, по недостаточности матеріала. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что нѣкоторыя Рагинянскія подѣлки имѣютъ связь съ южно-русскими. Имѣется рядъ аналогій, но самое поразительное для меня — оригинальной формы желѣзная булавка съ мѣдной головкой въ видѣ ажурной лопасти пилкалиса у Ракишкѣ Ковенск. губ., совершенно сходная съ находимыми на Днѣпрѣ и Донцѣ.

13. Мемельская (*Клайпедская*) культура IX в. Слѣдуетъ непосредственно за Рагинянской и составляетъ ея прямое продолженіе.

Нѣкоторыя формы исчезаютъ, другія перерабатываются, третьи появляются вновь. Эмаль замѣняется серебромъ, и вообще эту культуру по любви къ серебру можно было-бы назвать серебряною. Изъ серебра дѣлаются не только мелкія вещи, но и весьма крупныя. Массивность серебряныхъ шейныхъ гривенъ, а также фибуль иногда поразительна. Въ вещахъ вообще замѣтно стремленіе не столько къ красотѣ, сколько къ массѣ, монументальности. Такъ какъ цѣльное серебро дорого, то вещи дѣлаются изъ мѣди, но покрываются серебрянымъ тисненнымъ листкомъ, на свинцѣ, пріемъ заимствованный Балтійской культурой еще прежде, скорѣе всего, съ юга Россіи, или изъ Византіи. Въ орнаментѣ массивныхъ серебряныхъ вещей въ большомъ ходу красивыя гранчатыя чешуйки.

Появляются головные вѣнчики изъ спиралекъ.

Шейные гривны: 1) гладкія съ тонкими булавами на концахъ вмѣсто грузныхъ, 2) витыя, изъ трехъ проволокъ, съ тремя кнопками на концѣ, 3) витыя, съ заходящими другъ на друга концами, иногда уже крупныя, съ малыми петлями, 4) гладкія круглые и гранчатые, съ крючкомъ и петлей.

Фибулы становятся очень крупными, плоскими, грубыми, добавляются хвосты и перекладинки. Имѣются прекрасные фибулы эстляндскихъ формъ, которые, можетъ быть, отсюда и вышли. Всѣ фибулы, по возможности, прикрываются серебряной пластинкой. Получаютъ развитіе и входятъ въ большое употребленіе нагрудные пряжки. Изъ нихъ большія, вышедшия изъ Рагинянскихъ, снабжены на концахъ конфедератками или гранчатою головкой. Малыя пряжки снабжены концами спиральными или булавовидными. Всѣ эти пряжки, повидимому, не вырабатывались на мѣстѣ, а откуда то перешли цѣликомъ, напр., съ Борнгольма. Разъ встрѣтилась большая тонкая серебряная пряжка съ усиками окского типа, и это неудивительно, потому что такія пряжки ближе всего идутъ именно къ литовской культурѣ.

Булавки отчасти сохраняются старыя, съ головками въ видѣ кольца и колеска, но есть и новые типы, большей величины и пышные, главнымъ образомъ съ головкою въ видѣ креста (конечно, обязательно покрытой серебромъ) и щитка, а также въ формѣ гвоздя и костиля.

Нагрудные цѣпочки, чаще не изъ 4, а изъ 3 нитей, съ ажурнымъ наконечникомъ, уже ничѣмъ не напоминающимъ фибулу; изрѣдка прорѣзаны удлиненные звенья.

Браслеты сильно месяютъ свои формы. Появляется сгибъ въ задней части, вкось обрѣзанные верхи, звѣринья головки на концахъ, усиливается массивность подѣлокъ. Вообще же типы браслетовъ разнообразны, прихотливы и невыдержаны. Вкусы здѣсь еще не установились.

Появляются перстни съ широкою плоскою срединою и 2 усиками, болѣе нарядные пояса съ бляшками и узкими подвѣсками, короткіе мечи, хотя продолжаютъ сохраняться и скрамасаксы, оковки края рога, точилки для иголъ.

Полной характеристики культуры нельзя сдѣлать изъ за отрывочности материала. Ее можно будетъ дать только по изданіи описанія огромнаго важнѣйшаго могильника этой культуры близъ Andulm Мемельск. окр. (Берлинскій музей). Въ честь этого могильника культура и можетъ быть названа Мемельскою. Специального изданія вещей Мемельской культуры еще нѣтъ; отдѣльные предметы изданы всюду, особенно же въ альбомахъ Гаусмана и Аспелина.

Для полноты характеристики Мемельской культуры надо добавить, что въ литовскихъ могильникахъ этой поры попадаются вещи привозныя, совершенно иной культуры, именно шведской, Вендельской. Это крупныя и малыя вещи, покрытые рѣзнымъ позолоченнымъ орнаментомъ въ видѣ плетенья. Такова особенно извѣстная большая фибула съ тремя змѣиными головками изъ Гробина, вызвавшая послѣ многочисленныхъ подражаній на мѣстѣ. Эти вещи чаще попадаются въ Финляндіи, которая въ IX в. первая открыла свою границу для норманновъ. Извѣстны попытки скандинавскихъ купцовъ проникнуть въ Курляндію еще въ VIII в., но не видно, чтобы они достигли большого успѣха.

Мѣсть находженія вещей этой культуры въ Литвѣ мнѣ извѣстно свыше 60.

Въ Пруссіи Мемельская культура, повидимому, хорошо развита. Кроме находокъ въ Andulm, не малое количество вещей этого времени имѣется въ Кенигсбергскомъ музѣ (напр. изъ Zeipen-Gerge), и вѣ безъ слѣдовъ сожженія. Бросаются въ глаза огромныя булавки съ подвѣсками.

Въ Сувалкск. губ. вещи найдены въ Jasudowo.

Въ Ковенскомъ музѣ вещей этой культуры весьма мало,—только булавка изъ Narkiszki Kov. у., но вообще край наиболѣе богатъ именно могильниками данного времени. Можно замѣтить, что они главнымъ образомъ падаютъ на западные уѣзды, т. е. на районъ куроновъ. Въ Тельшевскомъ у. не менѣе 10 могильниковъ, давшихъ уже очень значительное количество вещей, въ Росіенскомъ на половину меньше, въ средней и восточной части, въ районѣ кургановъ VI—VIII в., ни одного. Это обстоятельство является непонятнымъ. Если курганы въ VIII в. перестали существовать и превратились въ могильники, то послѣдніе должны оказаться на ихъ мѣстѣ. Если восточная часть района отошла подъ иное населеніе, что весьма допустимо, то по крайней мѣрѣ средняя часть края должна бы дать могильники IX в., но и здѣсь ихъ пока не открыто. Снова литовцы, строго говоря, остаются безъ памятниковъ древности. Раскопки могильниковъ IX в. обнаружили оба обряда погребенія, и весьма трудно разобраться, который изъ нихъ старше. Такъ какъ въ Ясногорскомъ могильникѣ, болѣе новомъ, но той же культуры и мѣстности, оказались погребенія несожженныхъ труповъ, то сожженіе, быть можетъ, старше; что касается болѣе поздней поры, позднѣе X в., то тамъ когда-то снова возстанавливаются сожженія. Впрочемъ объ этомъ весьма трудно судить и особенно потому, что Тельшевские могильники заключаютъ нѣсколько ярусовъ погребеній, въ которыхъ донельзя затруднительно разобраться, а къ тому-же необходимо имѣть въ виду, что среди этихъ могильниковъ могутъ оказаться погребенія прусского типа. Раскопками Нагевича устанавливается, что въ ясныхъ случаяхъ могилы имѣютъ видъ овальныхъ ямъ, съ котловиднымъ дномъ, довольно неправильной формы. Сверху иногда имѣется каменная кладка въ видѣ четыреугольника или пласти. Чаще остатки сожженія помѣщаются въ неглубокой ямѣ, иногда подъ камнями. Определеннѣе могилы съ костякомъ. Дно ямы, овальной или четыреугольной формы, прикрыто какимъ-то чернымъ слоемъ, съ примѣсью угля, и въ немъ-то лежитъ скелетъ съ вещами. Иногда дно предварительно посыпано на сантиметръ (морскимъ?) пескомъ. Нагевичъ, произведшій наибольшее количество раскопокъ данныхъ могильниковъ, еще не могъ составить яснаго представленія объ обрядѣ погребенія, т. к. самыя погребенія въ нихъ тѣсны и перебиваются другъ друга, а кости если есть, то въ весьма плохомъ состояніи. Наибольшія раскопки имѣть произведены въ Пришмонтахъ, извѣстныхъ еще со времени Гревингка, и въ Кявлейкахъ. Раскопки пробного характера произведены въ Кретингенѣ, Норгялахъ, Поцескамонтахъ, Моцкайцахъ, Горджахъ. Въ послѣднемъ могильникѣ оказались въ ямахъ сложенные каменные кладки, уходящія на порядочную глубину и имѣющія въ основаніи круги или полукруги; въ промежуткахъ между камнями угли, зола, пережженныя косточки, черепки. Для аналогіи къ песку въ погребеніяхъ, можетъ быть, не излишне припомнить, что въ германскихъ курганахъ Галльштаттского периода кости иногда лежатъ на особомъ ложѣ изъ песку (Korresp. Blatt XL. 11, 34). Иные могильники извѣстны въ Jesdaizu, Dimitrow, Ляцково, Шатейкѣ, Лаукшишки, Plonianu (Grewingk въ Verhandl. Эст. общ. VI). У одного погребенія въ Поцѣ ока-

залось огражденіе въ видѣ квадрата изъ крупныхъ камней; въ ямѣ сперва обнаруженъ слой золы, ниже подстилка изъ плитъ и вещи. Въ Скомонтахъ по срединѣ могильной ямы подъ помостами изъ крупныхъ камней оказалось круглое золище толщиною 15 с., въ которомъ лежали кости обгорѣвшаго скелета; на днѣ ямы подъ такою-же вымосткой конь съ удилами. Углы ямы были круглые; сверху могилы лежало нѣсколько камней со слѣдами угля и золы; въ ямѣ помѣщалось золище въ діаметрѣ 60 с., толщиною 10 с., съ костями и вещами. Въ третьемъ на глубинѣ 0,40 м. помѣщался слой камней до $\frac{1}{4}$ арш. толщиной, подъ нимъ золище шириной 0,20 м. Въ Корцянахъ, Поцѣ, Скомонтахъ и Шатейкахъ найдены позднія погребенія, также въ ямахъ овальной формы (Нагевичъ).

Въ Курляндіи извѣстно не менѣе 12 могильниковъ IX в. Изъ нихъ самый богатый Passiln, давшій массу разнообразныхъ вещей отъ IX в. до XIII в., и особенно обильны въ немъ находки позднѣйшаго времени (раскопки Сизова и Бранденбурга). Изъ другихъ могильниковъ давно извѣстъ Kapsehden; иные: Strasden, Skarre, Deguhnen, Doblen, Gr. Autz, Peterstahe, Hasau, Altschwagen, Warwen. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ могильниковъ были тронуты въ 1896 г. Богоявленскимъ. Любопытно, что, какъ кажется, всѣ курляндскіе могильники заключаютъ погребенія несожженыхъ труповъ. Въ Gr. Autz обнаружены какія-то каменные кладки.

Шукевичъ нашелъ у себя близъ Начи какіе-то непонятные могильники данной культуры съ сожженіемъ. Въ одномъ найдены сожженія на мѣстѣ, при чемъ для костей была вырыта ямка, въ другихъ погребальная яма съ остатками сожженія прикрывалась булыжниками. Въ группѣ сожженій найденъ и скелетъ, прикрытый овальнымъ слоемъ булыжниковъ съ 2 пирамидками изъ камней по концамъ (вышиною до 1 м.). Всего вскрыто въ 1911 г. 22 погребенія. Второй могильникъ похожъ на Тельшевскій. Какія то погребенія найдены и близъ ст. Игналино Свенц. у. съ немногими вещами. Всѣ эти погребенія еще не наполняютъ пустоты въ средней части края.

Лифляндская губ. имѣетъ хорошия могильники IX в., всѣ въ небольшомъ разстояніи отъ берега Двины. Всѣ заключаютъ погребенія несожженыхъ труповъ. Отличный могильникъ у Plawnekaln недалеко отъ Риги по ту сторону Двины даетъ раннія вещи данной культуры, вѣроятно, съ переходомъ изъ VIII в.; раскопано около 30 погребеній (Ebert, 40). Могильникъ Kaipen, отходящій далѣе другихъ отъ берега, далъ хорошія вещи IX в. съ переходомъ въ X в. Еще 2 могильника у Кокенгузена (Klaenstein и Ohdsen—у Lubahn).

Въ Витебской губ. хороший могильникъ IX в. съ переходомъ въ X в. извѣстенъ въ Дрейманахъ. Романовъ раскопалъ здѣсь 13 могиль. Онѣ были обложены камнями, или плитами, костяки лежали какъ въ Люцинѣ, головой на З. и В.; одна большая каменная могила, размѣровъ 5×4 арш., заключала 2 костяка, лежавшіе въ противоположныя стороны; въ одной могилѣ у скелета расположено было каменный очагъ съ углемъ и золою. Здѣсь найдена упомянутая выше серебряная пряжка Оксского типа. Въ Славейтахъ Люцинск. у. добыты хорошия вещи съ оттѣнкомъ VIII в. Перечисленные Лифляндскіе могильники принадлежать, надо думать, семгаламъ и селонамъ, начавшими въ IX в. переселяться въ этотъ районъ съ Ю.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что пока не видится никакой ощутимой разницы въ могильникахъ IX в. куronovъ и семгаловъ. Это то времена,

когда самъ восточный берегъ Балтійского моря называютъ то куронскимъ, то семгальскимъ, по основнымъ народностямъ, съ которыми здѣсь норманнамъ приходилось имѣть дѣло. Дѣйствовала главнымъ образомъ, надо думать, гавань при устьѣ р. Аа.

Изъ земли эстовъ извѣстно пока ничтожное количество вещей мемельской культуры. Знаемъ только немногія вещи изъ Mella на Эзелѣ, прекрасную булавку съ пышнымъ наборомъ подвесокъ изъ Luggenhusen Везенб. у. и булавки изъ Karusen (Wiek). Да извѣстенъ еще кладъ серебряныхъ вещей 1911 г. подъ Дерптомъ, описанный далѣе.

Тема о кладахъ вещей IX в. требуетъ специального вниманія. Къ двумъ кладамъ у Dobelsberg и Hofzumberg, упомянутымъ выше, прибавимъ указаніе на кладъ вещей IX в. изъ Altmocken Тукумскаго окр., заключавшій 23 копья, 12 желѣзныхъ кельтовъ, 4 серпа, 4 булавки и точилку для иголокъ (Отч. Арх. Ком. 1908, 172). Близъ Mesothen Баускаго у. въ 1897 г. выпаханы хорошая большая серебряная фибула съ гранчатой дужкой и очень массивная витая гривна съ пластинчатымъ концомъ. Кладъ изъ 5 серебряныхъ гривенъ въ 1897 г. найденъ въ Baltenau Витебск. г. на границѣ съ Лифляндіей: одна гранчатая, у одной витой гранчатые концы, обтянутые проволокой; есть витая съ петлей и крючкомъ. Но лучшіе клады серебряныхъ литовскихъ вещей IX в. найдены, кажется, за предѣлами Литвы. Это все гривны, гранчатыя, съ обмотанными концами и петлями на концахъ; такія гривны найдены: въ Тверск. губ. близъ д. Мозгова Зубцовск. у. и пог. Песочна Осташковск. у. въ Смоленской губ., близъ д. Долина Юхновск. у. (большой кладъ), въ Петербургской губ., у д. Горки Лужск. у. Въ кладѣ такихъ гривенъ, найденномъ у д. Мишкиневою Люцинск. у., были гривны съ широкими лотками на концахъ. Близъ Дерпта въ 1911 г. найденъ отличный кладъ серебряныхъ вещей: 5 гривенъ съ пластинчатыми концами, 1 витая золотая, узкая фибула, обтянутая филигравными колечками, 2 массивныхъ браслета (Балтійск. сбор. 13. и Сборн. Монтеліуса стр. 293). Перечисленные клады не показываютъ-ли, что Литва въ IX в. вела торговыя сношенія съ финнами верховьевъ Днѣпра, Волги и р. Луги? Вѣдь, собственно говоря, это лишь продолженіе культурныхъ отношеній, установленныхъ VI — VIII в.

Поставленъ даже вопросъ, не решенный еще, объ особомъ литовскомъ племени на Окѣ. Здѣсь, на финскихъ городищахъ и въ курганахъ найдены хорошія литовскія вещи VIII в.; есть позднія свѣдѣнія о племени голяди. Однако название р. Упы, по мнѣнію проф. Буги, нельзя признавать литовскимъ. Есть предположеніе, по словамъ того же лица неосновательное, о какомъ-то литовскомъ поселеніи и въ районѣ Ильменскаго озера. Но пока опредѣленного здѣсь ничего нѣтъ. Русскихъ археологовъ не можетъ не занимать вопросъ о взаимномъ культурномъ вліяніи Литвы и окскихъ финновъ, какъ разъ въ періодъ VI—IX в., легко ощущаемомъ, но пока онъ не подвергался изслѣдованію.

На югъ Россіи литовская культура IX в. совершенно не проникаетъ; отсюда ее вытѣснило хазарское и греческое вліяніе, а также вліяніе востока. Дѣвѣ, три серебряныя литовскія гривны VIII—IX в. извѣстны изъ Галиции, но иныхъ литовскихъ вещей здѣсь, кажется, нѣтъ.

Выше замѣчено, что эсты въ IX в. начали переходить на Готландскія вещи. То-же еще въ большей степени замѣчается въ Финляндіи. Возможно,

что германские и шведские торговцы обратили внимание на Финляндию именно по слою своей неудачи у куроновъ.

Мы не коснулись еще одного вопроса въ темѣ о литовской культурѣ IX в.: откуда она и гдѣ ея центръ? не знаемъ. Единственный отвѣтъ: тамъ-же, гдѣ и центръ культуры VI — VIII в.

14. *Скандинавская культура IX и X в.* Скандинавскія вещи съ большимъ трудомъ проникали въ Литву. Это, во первыхъ, потому, что она имѣла собственную, вполнѣ удовлетворительную культуру, а во вторыхъ, потому, что Литва чуждалась и не принимала норманновъ, какъ эксплоататоровъ и грабителей. Съ IX в. нѣкоторая хорошія норманская вещи, а особенно оружіе, уже появляются здѣсь, и литовскій археологъ долженъ имѣть о нихъ понятіе. IX в. въ Швеціи — время культуры Vendel (богатый могильникъ). Культура основана на вещахъ прежнихъ, меровингскихъ съ Рейна и, вѣроятно, византійскихъ; ею скандинавскіе археологи, къ сожалѣнію, еще мало заняты и еще не дали о ней монографіи. Норманская культура X в. (для Россіи это культура шведской столицы Бьерке) находится въ связи съ предыдущей. Въ Россіи вещей этой культуры имѣется едва-ли менѣе, чѣмъ въ самой Швеціи, но въ Литвѣ онѣ крайне рѣдки. Единственная норманская торговая факторія на литовскомъ берегу моря Wiskiauten въ Пруссіи, давшая сколько-нибудь значительное количество норманскихъ вещей (Sitzber. Prussia, N. 21, табл. VII IX). Въ остальномъ районѣ Литвы онѣ извѣстны въ немногихъ единичныхъ экземплярахъ. Такъ и въ Эстляндіи. Въ Финляндіи ихъ много болѣе, а южнѣе, въ Россіи, по дорогѣ въ Болгары, на Волгѣ уже масса. Гаусманъ отмѣтилъ, что норманская вещи чаще всего попадаются въ Курляндіи. Необходимо обратить вниманіе на замѣчаніе шведского археолога Салина, что Гробинская фибула не скандинавскаго происхожденія, а сѣверо-германскаго. Къ этому мнѣнію примыкаетъ и Гакманъ. Мы никакъ не можемъ примириться съ этимъ положеніемъ, но все же его надо имѣть въ виду. Довольно частыя находки въ Эстляндіи копій съ серебряной инкрустаціей готландскаго происхожденія говорятъ, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторомъ оживленіи торговыхъ сношеній края съ Готландомъ въ это время.

15. *Люцинская культура. X в.* Культура замѣчательна уже тѣмъ, что это наиболѣе богатыя и наиболѣе распространенные древности края. Ни одинъ могильникъ не даетъ такъ много мѣдныхъ вещей, какъ литовскій могильникъ X в. Въ пышности металлическихъ украшений одеждъ далѣе некуда ити. Это цѣлый кульпъ мѣди, возникшій на болѣе скромномъ кульпѣ серебра IX в. Литовская бронза — отличная имитация золота, какъ легко убѣдиться, очистивъ отъ патины и протеревъ любую вещь.

Литвинка X в. вся сіяла въ золотѣ, но и литовецъ ей не очень уступалъ. Конечно, весь нарядъ былъ продуманъ и соображенъ въ подробностяхъ; вещи шли другъ къ другу, а не были простымъ накопленіемъ, механическимъ сосредочиемъ металла. Нарядъ X в. былъ завершеніемъ всѣхъ вкусовъ, возникавшихъ и развивавшихся въ Литвѣ до этого времени. Всѣ вещи и старыхъ и новыхъ типовъ грузны, широки, обильны. Какойнибудь художникъ долженъ продумать этотъ нарядъ и дать его реставрацію.

На головѣ и у женщинъ и у мужчинъ вѣники изъ спиралей. У женщины жгуты изъ большихъ спиралей и нанизываніе тѣхъ-же спиралей на самую косу, иногда раздѣленную на нѣсколько отдѣльныхъ прядей.

Шейные гривны: 1) пластинчатые, съ трапециевидными подвѣсками и безъ нихъ, 2) витые тройные массивные, съ 3 кнопками на концахъ, 3) витые, съ умѣренными петлями и съ заходящими другъ на друга концами, 4) витые съ тупыми гранчатыми концами, 5) рубчатые, съ сѣдови-ною и крючками на концахъ. Иногда по 5 — 6 и болѣе экземпляровъ у одной особы.

Пышная и большія нагрудные цѣпочки, чаще не на булавкахъ, а на особыхъ нашейникахъ. Нагрудные или шейные цѣпочки изъ крупныхъ широкихъ колецъ. Связки короткихъ цѣочекъ въ видѣ бантовъ на фигурной бляшкѣ и булавкѣ, разнаго вида. Къ цѣочекамъ небольшія подвѣски въ видѣ бубенчиковъ, треугольниковъ, двойныхъ спиралей, гребешка, колпачковъ.

Фибулы: 1) большія пластинчатые, на 2 грани, съ широкой поперечной дужкой, орнаментированная мелкой нарѣзкой, 2) большія съ двумя широкими перекладинами и съ широкой поперечной дужкой, 3) такія же въ видѣ сплошного щитка съ прорѣзью, 4) большія пластинчатые съ двупастнымъ хвостомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ фибулъ покрыты серебряною пластинкою и указываютъ тѣмъ на свое болѣе раннее происхожденіе.

Многочисленныя нагрудные пряжки: 1) большія гранчатые, съ конфедератками на концахъ, 2) мелкія со спиралями, головками, гранчатыми шипами, 3) круглая лучистая съ сомкнутыми концами, 4) попадаются старыя съ кувшинчатыми головками.

Браслеты: 1) длинные спиральные наручники, весьма обильные и характерные, 2) пластинчатые гранчатые съ головками, 3) круглые съ суживающимися концами; 4) витые изъ проволоки, съ завязанными концами. Очень характерны; 5) массивные, въ видѣ широкаго кольца ребромъ, 6) массивные круглой формы, съ расширяющимися концами и съ ромбическимъ орнаментомъ, 7) массивнѣйшіе въ видѣ гранчатой спирали въ 3 оборота, 8) тонкіе широкіе пластинчатые, съ высокимъ боровкомъ посрединѣ. Въ общемъ браслеты вполнѣ установившихся типовъ и весьма обильны.

Перстни: 1) спиральные проволочные во много оборотовъ, широкіе, 2) пластинчатые съ усиками, 3) съ расширенной витою частью впереди, 4) пластинчатые съ двойными спиралями на концахъ,

Кожаные пояса съ бляшками и гвоздевидными подвѣсками.

Желѣзныя вещи: 1) норманскіе мечи, 2) скрамасаксы, 3) шведскіе широкіе и узкіе топоры, 4) копья, иногда съ серебряной инкрустацией на втулахъ, 5) ножи, иногда въ ножнахъ съ оковкою.

Шерстяная грубая ткань (ватмаль) съ кольчужками на подолѣ.

Самый большой изъ раскопанныхъ могильниковъ, Люцинскій, даль свыше 300 погребеній. Мужскіе скелеты лежали головой на В., женскіе въ обратномъ положеніи (Люцинскій могильникъ, 1893 г.).

Въ Люцинской культурѣ мы видимъ то же явленіе, какъ и въ предыдущихъ литовскихъ — весьма самобытную переработку собственныхъ прежнихъ, а также новыхъ, воспринятыхъ извѣстныхъ формъ. Снова скажемъ: центръ и Люцинской культуры остается неизвѣстнымъ. Снова этихъ вещей нѣть ни въ Швеціи, ни въ Даніи, ни въ Германіи, ни въ Польшѣ. Это восточно-балтийская культура, параллельная и равносильная германской.

Всѣхъ мѣстъ находенія вещей данной культуры мнѣ извѣстно до 80.

Почему-то наибольшее количество находокъ и болѣе полное проявленіе Люцинской культуры падаетъ на Витебскихъ лептосъ (Инфлянты)

Здѣсь, кромѣ Люцина, они раскопаны въ Релингахъ (118 погребеній), Вышакахъ (Курляндскій музей), Рушонахъ, Treppenhof (витрина вещей въ Вѣнскомъ музѣѣ), Lievenhof, Ieronimow (Ковенскій музей).

Въ Лифляндской губ. извѣстно не менѣе 10 могильниковъ, расположенныхъ по Двинѣ и въ верховьяхъ Аа, вѣтѣ района ливовъ. По Двинѣ: Odzen, Kokenhusen, Klauenstein, Auliden, Kirchholm, Fisteihlen (Рижск. у.) на Аа: Kewer, Ronneburg, Annenhof, Serben у Вендана. Длительныхъ раскопокъ здѣсь не было производимо; наибольшее количество вещей извѣстно изъ Kewer и Klauenstein. Эстляндія продолжаетъ проявлять бѣдность культуры и въ X в. Здѣсь единичныя вещи Люцинскихъ типовъ найдены у Kegel, Orisaari, Jacobi (Inno): Pöide (Эзель), почти на берегу Чудского оз. у Sawastfer (Лифл. губ.).

Въ странѣ куроновъ, дашей много могильниковъ IX в., хорошо развита и Люцинская культура, особенно съ переходомъ въ IX в. Въ Курляндіи извѣстно не менѣе 11 могильниковъ, въ Ковенск. краѣ 79 (Бренцштейнъ собралъ свѣдѣнья, будто бы, о 197 могильникахъ Ковенского края).

Въ Курляндіи могильники расположены гнѣздомъ въ Литовской равнинѣ (Alt-Rahden, Mesothen, Bornsmünde, Анненбургъ), на водораздѣлѣ (Gr. Autz, Laisden, Frauenburg, Kerklingen, Pedwalen), въ низовьяхъ Виндавы (Paddern, Schlek). Въ Ковенскомъ краѣ они болѣе разстѣяны, чѣмъ въ IX в.: Ясногорка, Швекшне, Понемуни въ Россіенск. у., пока ни одного въ Тельш., Wobolniki въ Поневѣжс., Пираги въ Вилькомирск. и даже въ Ново-Алекс. (Индрюны). Лучшія раскопки произведены были въ давнее время Довгирдомъ въ Ясногоркѣ, гдѣ обнаружился обрядъ погребенія, одинаковый съ Пришмонтами (тотъ-же непонятный черный слой при скелетѣ, присыпка бѣлого песку на днѣ; слой имѣть всегда овальную форму.—Ratiętn. Fiz. t. VI). Большой могильникъ раскопанъ въ Alt-Rahden (шейныя гривны съ характерными крючками). Богоявленскій въ Brink-Pedwalen обнаружилъ сожженія. Хорошее количество вещей извѣстно изъ Mesothen, Frauenburg, Швекшне, но вообще по богатству находокъ ни одинъ изъ курляндскихъ и ковенскихъ могильниковъ не можетъ сравниться съ витебскими. Конечно, въ нѣкоторыхъ курляндскихъ могильникахъ сильна примѣсь болѣе позднихъ погребеній, до XIII в. (Zeemalden, Sessau, Kl. Feldhof). Въ этомъ районѣ можно отмѣтить и свои вещи, особенно въ браслетахъ. Въ высокой степени замѣчательны находки изъ Понемуне Ковенского музея, именно, немногія вещи Люцинскихъ типовъ (остатки витой гривны съ конусами, двойная спираль, костылекъ отъ цѣпочки, спиральки), найденные при слѣдахъ сожженія. Виленская губ. почему-то и въ X в. представлена слабо. Здѣсь, кажется, къ этому времени относятся находки Шукевича въ Ланкишахъ Лидск. у. (Poszukiwania, III, 75); кое что найдено въ Новомыслѣ и на оз. Евье. Немногія Люцинскія вещи найдены въ Минской губ. (Тышкевичъ и Шавельскій, открывшій въ Минск. у. группу кургановъ съ литовскими вещами этой культуры).

Изъ Витебской губ. Люцинская культура проникла въ Псковскую, на р. Великую (Чирковъ, давшій не мало вещей, с. Погорѣлки Псков. у., д. Бѣлуша Островскаго у. и, можетъ быть, д. Карзули).

Вещи Люцинскихъ типовъ найдены даже въ могильникѣ у оз. Виделибья Осташковскаго у. (Тверской музей). Не было ли здѣсь литовскаго населенія? Это не русскій и врядъ-ли финскій могильникъ.

Нѣкоторыя литовскія вещи, особенно пряжки и вѣнчики, легко попадали въ русскіе курганы X — XI в.

Въ Финляндіи извѣстно мало Люцинскихъ вещей; тамъ господствуетъ норманская культура, съ примѣсью восточно-финской.

Въ Пруссіи настоящихъ Люцинскихъ вещей найдено очень мало; въ Кенигсберскомъ музѣи ихъ всего нѣсколько таблицъ. Судя по этому, трудно думать, чтобы здѣсь могъ быть центръ культуры.

Въ Швеціи найдены 2 могилы на оз. Меларѣ съ Люцинскими вещами; болѣе-же ничего литовскаго здѣсь не обнаружено.

16. *Литовская культура XI и XII в.* Это Люцинская культура въ упадкѣ, отраженіе прежней пышности, очень блѣдное.

Вещи мельче, вещей меньше, вещи однообразнѣе; исчезаютъ фибулы, головные вѣнчики, остаются пластинчатыя и витыя гривны (иногда на нихъ безвкусно напущены спирали).

Нагрудныя цѣпочки развиты еще болѣе (а, быть можетъ, это только кажется, по общей бѣдности украшеній), длиннѣе, но мельче; къ нимъ подвѣшивается много амулетовъ — подвѣсокъ. Булавки: 1) крестовидныя, сохранившія прежнее изящество, съ перекладинками въ нижней части, 2) фибулы, съ широкими головками, вытянутыми въ формѣ роговъ.

Пряжки малыя и самыя простыя; новыя формы: витыя съ перевитью и съ крестомъ.

Браслеты старые болѣе простыхъ типовъ, но выродившіеся. Перстни: съ косыми нарѣзками, высокіе спиральные, пластинчатые съ усиками, проволочные съ завязанными концами. Ножи въ широкой мѣдной оправѣ. Но-вое: широкіе пластинчатые браслеты (XII в.), тонкіе, выпуклые, разной ширины, пластинчатые перстни съ завязанными концами. Весьма характерны подвѣски: крестики, уточки, собачки, ложечки, зубы животныхъ, кругляя серебряная гладкія бляшки съ зубчатымъ орнаментомъ, копоушки и пр. Рядъ измѣненій культуры претерпѣваетъ отъ вліянія замѣчательныхъ западныхъ серебряныхъ издѣлій XI в. Вообще, появляется рядъ вещей международного характера. XII вѣкъ особенно узнается по широкимъ браслетамъ и перстнямъ, по крупнымъ синимъ бусамъ, по длиннымъ парнымъ пластинчатымъ подвѣскамъ; сохраняются пластинчатыя и витыя гривны, короткія цѣпочки; есть особые типы пряжекъ.

Можно указать болѣе 60 мѣстъ нахожденія вещей этой культуры.

Въ Витебской губ. можемъ указать лишь одинъ могильникъ XI в. — д. Шилипино Люцинского у., гдѣ каждая могила, будто бы, была обложена вѣнцомъ изъ камней. Рыковъ знаетъ здѣсь могильники въ Рѣжицкомъ у. у Бонифацова, Грейвули, Жаготы, Кантиники, Лайзаны, Орницы, ст. Рѣжицы, въ Люцинскомъ у. Покульницъ.

Центръ культуры обнаруживается въ Лифляндіи, гдѣ легко насчитать болѣе 12 могильниковъ, въ большинствѣ случаевъ богатыхъ. Извѣстнѣйший изъ нихъ Ашераденскій, вызывавшій первыя археологическія изслѣдованія въ краѣ. Могильники разсѣяны далеко не равномѣрно по всему краю. Они держатся ближе къ рѣкѣ: Klauenstein (у Kokenhus), Ascheraden, Fehren, Sissegal, Lennewarden, Kekskul, въ верховьяхъ Аа (Strante, Викшне), одинъ въ средней части Аа (Lubbenhof) и одинъ въ направлѣніи къ морю (Lemsal). Выше Вольмара могильники не поднимаются. Дополнительными поздними раскопками въ Ашераденѣ установлено, что кости лежатъ тамъ головою на З. и С. Въ одномъ погребеніи рядомъ со скелетомъ обна-

ружена часть круга изъ камней. Въ Aiseln у Klauenstein надъ скелетами оказались какія-то кучи камня, вышиною болѣе метра. Подобныя Гауссманъ указываетъ въ Assursee у Nitau Лифлян. губ. и въ В. Пруссии (Uebersicht, 29).

Въ странѣ куроновъ могильники XI в. обнаружены у моря (Hasau. Windau), у Тальсена и въ Митавскомъ районѣ (Dünhof).

О Ковенскомъ краѣ точныхъ свѣдѣній нѣть; знаемъ о существованіи здѣсь могильниковъ близъ Гольдингена, Плембora и Купишекъ Вилком. у., д. Lazduwiany Росс. у. Раскопкамъ они не подвергались. Среди вещей изъ нихъ есть и мѣстныя формы, напр., булавки съ птичьими клювами. Чувствуются и вещи XII в. Должны быть вещи XI в. въ такихъ сложныхъ могильникахъ, какъ Пришмонты и Пассильнъ.

Внѣ нынѣшняго литовского района древности данной культуры найдены: въ Псковѣ, видимо, значительный могильникъ подъ земской больницей, въ им. Видогощи Минск. у., гдѣ найдена группа кургановъ XI—XII в., съ вещами поздняго Люцинскаго типа, очень отличающимися отъ сосѣднихъ русскихъ, и въ Эстляндіи, гдѣ известно не менѣе 25 мѣстностей съ находками приблизительно этого времени, но ни одного могильника здѣсь еще не раскопано (лучшій Paiküll). Типичные эстонскіе могильники, кажется, заключаютъ погребенія подъ слоемъ камней; на Эзелѣ вещи XI в. попадаются и въ сожженіяхъ. Въ Эстляндіи какъ-то очень слабо чувствуется XII в. Въ видѣ неожиданности выступаетъ погребеніе съ эстонскими вещами XI в. въ Норвегіи, въ Vardahus. Въ Эстляндскихъ древностяхъ XI в. чувствуются элементы петербургскихъ кургановъ. Въ специально литовскихъ древностяхъ этого вліянія не замѣтно.

Въ Пруссіи литовскихъ вещей XI—XII в. я по музейнымъ собраниемъ не замѣтилъ.

Лучшій могильникъ XII в. известенъ мнѣ въ им. Реутово Двинскаго у. Uexkull (Kebel) также имѣется могильникъ этого времени, и сюда-же причислимъ хороший могильникъ у Вендена, открытый въ 1888 г., въ которомъ быть можетъ, были каменные огражденія.

16. *Литовскіе могильники XIII в.* Нѣкоторыя Люцинскія формы держатся и въ XIII в. Могильникъ этого времени близъ Fianden Лифл. губ. даль нагрудныя цѣпочки съ нашейниками, ромбическая подвѣски съ привѣсками, длинная пластинчатая парная подвѣски, подвѣски - гребешки, широкіе браслеты, плетенные изъ спиралекъ, широкія круглые пряжки съ растительнымъ орнаментомъ, даже пластинчатая гривны съ подвѣсками (того-ли времени?). Въ могильникѣ у Alswig той-же губ. найдены подобныя вещи и сверхъ того цѣочка изъ костыльковъ съ бубенчикомъ, браслетъ и пряжки съ звѣринными головками, пряжки съ гранчатыми головками, мелкія бусы, раковины каури, монеты XIII в. Тамъ же могильникъ съ подобными вещами известенъ изъ Meiran. Широкія пряжки найдены въ Alt-Pebalg, Annenhof; витые пряжки съ трубочками на концахъ — въ Ronnenburg и Gr. Roop.

Эсты совершенно ушли отъ этой культуры, выработавъ особую, изъ широкихъ серебряныхъ вещей; эта культура овладѣла и прилегающею частью Псковской обл. (клады изъ Пскова въ Псковскомъ музеѣ).

Кулоны, кажется, тоже измѣнили своей культурѣ, подчинившись прусской, которая, впрочемъ, кое что сохранила и старое. Главная особенность этой культуры въ Курляндіи и Ковенскомъ краѣ — масса оружія: мечи, топоры,

копья, шпоры. Иные вещи: большія мѣдные пряжки съ перехватами и конфедератками на концахъ, иногда сомкнутыя, малыя пряжки съ гребешками и со спиралями, пряжки съ широкими концами въ видѣ раструбовъ, гривны массивныя, гривны витыя, свернутыя въ нѣсколько оборотовъ, литовскіе мѣдные ключи съ треугольной ручкой, янтарныя бусы. Не знаемъ, что въ этомъ перечнѣ принадлежитъ XIII в., что XIV в. Сюда же могутъ быть относимы огромныя шейныя витыя гривны въ нѣсколько оборотовъ (до 9), извѣстныя отъ Пруссіи до Днѣпра. Можно предположительно приписать сюда же витыя пряжки съ широкими концами и рубчатыя кольца.

Болѣе всего погребеній этого времени оказалось въ Курляндіи, гдѣ они обыкновенно занимаютъ значительную часть болѣе старыхъ могильниковъ (Passiln, Hasau, Zeemaiden, Kapsehden, также Dondangen, Matkuln, Sesau, Warwen, Alt-Schwagen).

Въ Ковенскомъ краѣ ихъ извѣстно менѣе (Пришмонты, Рагиняны, Имбары, Pernarow). Повидимому, въ странѣ куровъ это все сожженія. Въ Dondangen остатки сожженій въ ямѣ обложены были мелкимъ гранитомъ.

Тѣ же вещи извѣстны въ Пруссіи, а также въ Бранденбургѣ, Помераніи. Въ Пруссіи наиболѣе богатый могильникъ XIII в. раскопанъ у Skritten въ окр. Dammwald, другой цѣнныи у Leptau. Въ нихъ найдены то же оружіе и тѣ же вещи изъ мѣди, не исключая и большихъ пряжекъ съ конфедератками. Сверху яма прикрыта каменными фигурами.

Любопытно, что литовскія вещи XIII в. найдены въ сѣверной Волыни. Спорадически они попадаются и въ Кіевщинѣ.

17. *Литовскіе могильники XIV—XVI в.* Древности Литвы XIV в. точнѣе всего опредѣляются Шавельскимъ кладомъ (д. Эндрезцишки). Въ немъ кромѣ 80 литовскихъ монетъ находились: витая шейная гривна, круглая, широкія, выпуклые, серебряныя пряжки, серебряная витая пряжка съ гребенчатыми головками, витой перстень съ заходящими другъ на друга концами, перстень съ наставкой ромбической формы. Можетъ-быть, сюда идутъ могильники близь Pokroj и Odachow, того-же района. Очень интересенъ могильникъ въ Imbary Тельш. у. съ вещами, скорѣе всего, XIII—XIV в. Могилы здѣсь имѣли огражденіе изъ камней въ видѣ несплошного овала или круга: особенность, ведущая къ Виленскимъ могильямъ XIV в. Могильникъ въ Pernarow Ковенск. у. также идетъ въ эту категорію (Ковенскій музей). Въ немъ въ качествѣ особенныхъ вещей выступаютъ большія спирали въ нѣсколько оборотовъ изъ витыхъ проволокъ съ головкой на одномъ концѣ, неяснаго назначенія. У Syrajcie Тельш. у. найдены вещи, вѣроятно, XIII в. съ примѣсью болѣе раннихъ, можетъ быть, изъ могильника (Mater. Km. antrop., VI).

Летскія древности XV в. опредѣляются находками въ Штирнянѣ Рѣжицкаго у. Это: широкія пластическая пряжки съ сомкнутыми концами и 4 выступами по концамъ, длинныя, парныя пластинчатыя подвѣски на петлѣ, витая пряжка съ суживающимися концами и круглыми головками, длинная цѣпочка, ткань съ мелкими кольчужками, узкий топоръ.

Могильники XVI в. раскопаны были Богоявленскимъ у Pussen близь Виндавы, у Nogallen и Standen у Тальсена, Katzdangen у Hasenpoth, извѣстны могильники у Potumzelnkapai (Тельши, Wiadom. num-arch. 1896, III, 157) Pasnels, Hasau, Rune. Костяки лежали головами чаще на С., иногда на З. Характерныя находки — широкія, кожаные пояса, густо набитые проволочными мѣдными гвоздиками, на манеръ змѣиной кожи, витыя пряжки

съ пѣтушиными гребнями на концахъ, крупныя черныя бусы (Bixten), а главное, круглыя, фигурныя пряжки, всегда изящныя, также плоскія пряжки съ надписями, фигурныя поясныя пряжки.

Цѣлый рядъ литовскихъ могильниковъ XVI в. открытъ въ Ковенскомъ краѣ (Ковенскій музей). Они остаются еще неизвѣстными, но весьма важны уже тѣмъ, что хорошо датируются, благодаря многочисленнымъ монетамъ. Самая характерная находка въ нихъ—широкія, круглыя, выпуклія пряжки, всегда значительныя, съ орнаментомъ зернью; кажется, онѣ носились мужчинами у шеи. Иныя пряжки,—отмѣченныя выше, небольшія, съ широкимъ раструбомъ на концахъ, а также витыя, съ гребнями на концахъ, рубчатыя, съ гранчатыми головками, большія съ конфедератками, прорѣзныя фигурныя, изъ 6 колечекъ. Витыя, шейныя гривны, въ нѣсколько оборотовъ, съ фигурнымъ, пластинчатымъ концомъ. Серьги съ загнутымъ концомъ и въ видѣ знака вопроса. Нѣть браслетовъ, но много позднихъ перстней. Пуговицы, бубенчики, ромбической формы подвѣски съ выпуклымъ орнаментомъ, крестикъ, лингнитовое ожерелье, мелкія цвѣтныя бусы, поясныя пряжки съ двойнымъ пролетомъ, разнообразныя подѣлки изъ желѣза: копья, топоры, стремена, интересная рогатина съ упоромъ сбоку. Интересны кожаные кошельки съ мѣдными фигурными бляшками для монетъ и огнива. Интересна, повидимому, этого-же времени шейная гривна изъ контролль, искусно сплетеная изъ тонкой серебряной проволки. Могильники и мѣстности находокъ этой культуры въ Ковенск. уѣз., Пакальнишки, Užnagaris, Šilelies, с. Переперово (Отч. Арх. Комм. 1897, 64); въ Россіенскомъ у Dowgirdowo, Poniemuni, Юрбургъ; въ Тельшевск. у Контрели, Potumshale; въ Шавельскомъ—Ryngowiany и Tytwidyszki, еще Fierowicei. Въ Сувалкской губ. у ст. Вержболово (Prace i mater. Antrop.-arch. I, 1, стр. 48). Подобный могильникъ извѣстенъ у Splitter Тильзитского окр. (Sitzber. Prussia, XXIII, 362). Первый могильникъ XVI—XVII в. раскопанъ былъ въ 1888 г. Вольтеромъ у Олавы Трокск. у. (150 скелетовъ). Характерны круглыя серьги съ висящими бусинками, перстни съ печатями, прядлицы, у дѣтей бубенчики.

На Огерѣ въ Лифляндіи вскрыты могильникъ XVIII в., съ вещами. Общее число извѣстныхъ позднихъ могильниковъ въ Прибалтійскомъ краѣ достигаетъ значительного размѣра.

Тѣмъ и заканчиваются извѣстные памятники древности, оставленные собственно Литвою, кромѣ, конечно, городищъ.

18. *Курганы ливовъ. X—XI в.* Въ общемъ это невысокія насыпи, доходящія только иногда до 2-хъ аршинъ. Скелеты, кажется, рѣже, чѣмъ сожженія. Погребенія чаще на поверхности материка, головою на С., изрѣдка на З., будто - бы, часто въ сидячемъ положеніи; встрѣчаются гвозди отъ гробовицъ. Иногда при скелете лежитъ собака. Внутри нѣкоторыхъ насыпей встрѣчаются пирамидки изъ камней. Вещи люцинскихъ типовъ, въ скромномъ количествѣ, изрѣдка норманнскія. Крестики, русская посуда съ волнистымъ орнаментомъ, шпора. Самая интересная находка—извѣстный наконечникъ меча съ византійско-норманскимъ орнаментомъ (Hausmann, Uebersicht, 24). Въ курганахъ XI в. не мало вещей одинаковыхъ съ находками этого времени русскихъ кургановъ (подвѣски съ крестиками, подвѣски - птички, пряжки, бусы, половинчатые бубенчики). Повидимому, курганы доходятъ до появленія нѣмцевъ. Въ Кремонѣ Зегевальдѣ, Икулѣ значительныя группы насыпей. Основной районъ распространенія—низовья Аа, съ центромъ въ Кремонѣ (Allasech, Neuhof,

Kremon, Segewold, Arraseh, Putel), немного съвернѣе Ikul и Wainsel, къ С.-В. группа и ѿ Smilten, Lubbenhof (Maskat) и Ronneburg, восточнѣе Gulbern (верховья Огера), на Эвстѣ Golgowski и Sawen-see, на Двинѣ Uexkull (Kebel), гдѣ-то въ Рижскомъ у. Maz-Petzch. Итакъ, курганы располагаются между Эвстомъ, Аа и Двиной, не подымаясь съвернѣе Вольмара. Внѣ этого района есть 2 группы: у Hummelshof, на верховьяхъ Эмбаха (очень низкие курганы), съвернѣе Валка и еще неожиданнѣе — у Pölwе въ Эстляндскомъ районѣ на Ю.-З. отъ Дерпта; послѣдніе трудно признавать ливскими, да и первые представляютъ собой, можетъ быть, что-либо иное.

Послѣдніе курганы ливовъ относятся къ XIII в. Такіе курганы раскопаны въ Рижскомъ уѣздѣ на р. Лигатѣ у Спрингшили. Насыпи высотою 2 — 3 ф. обложены по поверхности камнями средняго размѣра. Костяки головою на В.; есть прослойки золы съ углемъ, на материцѣ. Весьма удивительно то, что всѣ найденные здѣсь вещи одинаковы съ находками въ курганахъ води (Петербургск. губ.): пряжки нагрудныя и поясныя, бубенчики, браслеты, прядлицы (Изв. Арх. Комм. вып. 12, 32). Курганы того-же времени найдены еще у Planhof близъ Трикатена (Вольмарѣ). Костяки лежали головой на З., одинъ на В.; вещи мѣстныхъ типовъ: длинныя цѣпочки, пряжки, перстни, малыя спиральки.

Ясно ощущается вліяніе на курганы ливовъ со стороны кургановъ русскихъ. Совершенно не знаемъ, чѣмъ это слѣдуетъ объяснить.

Сюда-же примыкаютъ курганы X и XI в. въ сосѣднихъ Инфлянтахъ, открытые и отчасти раскопанные Рыковымъ въ 1915 г. Насыпи правильной сферической формы, невысокіе и небольшіе (ширина 7 — 8 арш., высота 1½ а.). Скелеты головою на В. и З., на поверхности материка. Встрѣчаются слѣды гробницъ и подстилка изъ бересты. Группы отъ 20 до 300 кургановъ. Вещи Люцинскихъ типовъ, въбѣдномъ подборѣ: вѣнчики, спускающіеся на спину (?) цѣпочки съ обычными подвесками, головные жгуты, бусы, раковинки, гривны, крестики. Оригиналенъ головной уборъ въ видѣ платка съ бисеромъ и кожанымъ козыремъ. Курганы расположены главнымъ образомъ въ Рѣжицкомъ у. (Батари, Кривени, Кришаны, Рыкополь, Стаджи, Шпуни, Юхновка, Варкляны, Оринцы), но есть и въ Люцинскомъ (Домополь, Славейты, Ивдени). (Рыковъ, Древности Летгаліи, в. 1, 1917 г.). Въ Люцинскомъ уѣздѣ извѣстны и раскопаны 2 большія группы кургановъ въ им. Шкильбаны (Древности XVI, 71); скелеты лежали головой на В. и З.; нѣкоторыя насыпи были обложены вѣнцомъ камней; въ Циблѣ было до 500 насыпей (10 табл. изъ вещей въ Ковенскомъ музѣ). Еще любопытнѣе, что въ Рѣжицкомъ у. оказались курганы XV в., въ Штирняхахъ, взятые нами выше для характеристики культуры этого времени (вышина кургановъ 11½—3 а., костяки головою на З. и В.; необходимо было — бы провѣрить, не были ли скелеты впущенны позднѣе). Аналогія въ позднихъ Лифляндскихъ курганахъ ливовъ, но тамъ они всего XIII в., а здѣсь на З. вѣка позднѣе. Очень любопытно это упорное сохраненіе ливами своего обряда погребенія (если это навѣрное ливы). Ближе къ берегу Двины всегда жили латыши.

19. *Виленские курганы VIII—IX в.* Весьма замѣчательныя древности, однѣ изъ интереснѣйшихъ въ Литвѣ. Занимателны сами вещи, важенъ вопросъ, кому культура принадлежитъ.

Курганы невысокіе, расплывчатые, чаще сферической формы, въ основании обложены двумя (или болѣе) рядами камней, обыкновенно кругомъ ка-

навка. Остатки сожжения, часто на поверхности материала, иногда выше, есть погребения впущенные; изредка сожжения на месте, иногда кости коня. Въ видѣ исключенія, кажется, скелеты, головою на В... Изредка курганы бывают четырехугольные, удлиненные, даже валы до 10 саж. длиною. Вещи почти исключительно железнны, великолѣпной западной техники; по работѣ это почти ювелирная подѣлка. Тончайшей работы пряжки, фибулы, узкія и дужкой, умбоны и рукояти отъ щитовъ, дротики, копья (стрѣль нѣтъ), шпоры, удила, отличные ножи, шилья, характерные узкие топоры съ выпуклымъ обухомъ, огнива, цилиндрические колокольцы, крупные, круглые бубенчики; мѣдные вещи: витые и пластинчатые перстни съ усиками, бляшки. Характерная красивая глиняная прядлица. Изъ мѣдныхъ вещей наиболѣе любопытныя и характерныя—широкія обоймицы, въ видѣ переплета книги, съ орнаментомъ изъ линеекъ и глазокъ. Мѣдные вещи чаще представляютъ собою уже заимствованія изъ Люцинской культуры, такъ что нѣкоторые курганы переходятъ уже въ X в. (Цигельня, Лынтупы, Сидоришки).

Курганы идутъ широкою сплошной полосой отъ Средняго Нѣмана до Двины, въ Виленской губ. и Ковенскомъ краѣ, и уже не мало подвергались раскопкамъ (Покровскій, Шукевичъ, Рыковъ и др.). Извѣстно болѣе 70 группъ этихъ кургановъ, болѣе всего въ Виленской губ. Кроме перечисляемыхъ ниже отмѣтимъ слѣдующія группы. Виленская губ.: Цигельня, Швейцары (у одного куча камней, одинъ весь изъ камней), Пильвины, Засвиры, Желяды, Сидоришки (гривна Люцинского типа), Черная Лужа, Занарочь, Рымшанцы, Гузни (кости чаще въ ямкѣ), Жукойня (есть сожженіе на месте), Будраны, Игналино, Городиловъ, Швинта, Керново, Ленковщизна, Доукши, Василевщизна, Евье, Орлишки, Лебенщишки, Грабяллы, Боровая, Помусе, Куроны, Подборже, Дексня, Доржи, Метаны, Сухвольня, Друцманы, Понизье, Монтаты, Анциула, Скубыты, Вильканцы (найдены кости въ огражденіи изъ камней), Езно, Обежаны, Шведы, Любовша, Кукутишки (нѣкоторые обложены камнями, небольшіе), Полянки, Городилово. Въ Ковенскомъ краѣ: Довборы, Богинъ, Бреславъ, Ушполь. Пираги, Гальмина, Солоки, Лепша, район Ковны (Пикелка). Въ Лидскомъ у. (Богатая, Версочка, Мицканцы) курганы имѣли въ основаніи широкое кольцо камней, или же состояли цѣликомъ изъ камня. Ново-Александровскіе курганы (Бельмонтъ, Раускій боръ и др.) нерѣдко имѣли видъ четырехугольниковъ и длинныхъ валовъ; подъ насыпью была подстилка изъ белаго песку, мелкихъ камней и даже изъ булыжника; иногда былъ насыпанъ изъ песку кругъ. Сожженныя кости помѣщались на разныхъ горизонтахъ, вплоть до верху. Въ продолговатыхъ курганахъ край обозначался обугленными плахами и полосами изъ угля. Въ Опсѣ попадались погребенія несожженныхъ труповъ и сожженія на месте. Изредка встрѣчались валы въ формѣ круга. Въ Дисненскомъ у. чаще попадались не сожженные костяки. Въ курганахъ д. Пирагъ Вилькомирскаго у. оказались лишь вещи Люцинскихъ типовъ, но въ маломъ количествѣ. Въ курганахъ, раскопанныхъ въ 1914 г. Рыковымъ близъ ст. Сморгони Ошмянск. у., вещи пежали на разной высотѣ, чаще вверху, въ нѣсколькоихъ кучкахъ; найдены топоры съ 4 язычками у обуха, сосуды баночной формы. Изъ 4 кургановъ близъ Маркенентъ того-же уѣзда въ одномъ надъ остатками сожженія были сложены пирамидки изъ камней, въ другихъ, невысокихъ, оказались лишь зольныя пятна на нулѣ; поверхность одного была сплошь покрыта

камнями. Въ одномъ изъ Браславльскихъ кургановъ на материкѣ лежалъ слой черной земли и угля и тамъ же найдены скелеты, лежавшіе головой на Ю., СВ. и ЮЗ. Въ Лапушишкахъ Ново-Алекс. у. раскопаны были курганы неясного устройства. Это были низкія насыпи съ одною или нѣсколькими черными прослойками неправильной формы, иногда углубляющими въ землю, иногда выходящими за основаніе кургана. Слои были угольные съ пепломъ; лежали они иногда на бѣломъ пескѣ, принесеннымъ со стороны (тутъ сходство съ Ковенскими могильниками IX—X в.); изрѣдка въ нихъ попадались вещи. Въ одномъ невысокомъ курганѣ (0,25 м.) слой уходилъ въ землю; на 14 сант. найденъ мѣдный конусообразный бубенчикъ съ широкимъ ушкомъ (идеть къ подобнымъ желѣзнымъ), топорикъ. (*Lietuvic tauta I*, стр. 313). Наибольшее количество кургановъ данного типа раскопалъ Покровскій; ранѣе ихъ копали Вильчинскій, Вольтеръ, Шукевичъ.

Въ томъ же районѣ найдены курганы данного типа со скелетами. Въ насыпяхъ у Женицъ на слоѣ пепла лежали костяки, головою на СЗ. Въ Радошковичахъ раскопаны курганы съ погребеніями на материкѣ и въ ямахъ, головою на З., съ немногими вещами Минскихъ типовъ XI в.; внешнее кольцо съ рамбическими расширеніями. Изъ 11 кургановъ XI в. въ им. Загорье Дисн. у. только въ одномъ оказалось сожженіе; на одномъ изъ череповъ имѣлись слѣды огня, у другого въ ногахъ лежали 2 головни. Какіе-то курганы съ костяками извѣстны изъ д. Зябкова того же уѣзда. Близъ с. Засвиря Свенц. у. раскопанъ курганъ четыреугольной формы, заключавшій скелетъ головою на З. и вещи; въ основаніи лежалъ толстый слой бѣлого песку. Въ тѣхъ же группахъ кургановъ оказались и насыпи болѣе старыя, съ сожженіями, того же устройства. У Зaborья въ основаніи кургановъ залегали тонкие слои бѣлого песку, а на нихъ помѣщались угольные прослѣдки и сожженія кости; такія же прослѣдки проходили и въ насыпи (Покровскій).

Для пониманія описываемыхъ памятниковъ старины, видимо, имѣютъ значеніе болѣе старые курганы съ сожженіемъ, раскопанные пока лишь въ Wysokie Сейненского у. Сувалкской губ. на Нѣманѣ. Насыпи очень невелики и небрежны, заключаютъ въ себѣ много камней, лежащихъ беспорядочно. На поверхности материка и ниже обнаружены зольные пласти и слои, весьма разнообразные, иногда уходящіе въ землю (какъ въ Лапушишкахъ?). Время найденныхъ вещей (узкія фигуры, желѣзныя пряжки, наконечникъ рога, умбокъ) не беремся указать, но во всякомъ случаѣ они ранѣе VIII в., вѣроятно, VII в. Изъ этой любопытнѣйшей раскопки пока нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ (*Swiatowit XI*, 1).

Изъ приводимыхъ данныхъ слѣдуетъ, что описываемые курганы имѣютъ въ подробностяхъ очень разнообразное устройство и требуютъ дальнѣйшаго изученія; неизвѣстно, что въ нихъ старше, что моложе. Но всѣ детали слѣдуетъ знать, потому что еще совершенно неясно, кому эти курганы принадлежатъ. Естественнѣе всего думать, что они сооружены славянами, пришедшими съ запада, напр., съ Вислы, и сѣвшими здѣсь за спину Литвы. Они могли здѣсь остаться, или-же уйти далѣе къ Новгороду. Если это такъ, то на Вислѣ или далѣе должны оказаться курганы, аналогичные даннымъ. Курганы могли принадлежать и Литвѣ, именно аукстайчамъ, для которыхъ археологія все не можетъ найти древностей. Но въ такомъ случаѣ является совсѣмъ непонятнымъ, почему у

этой Литвы оказалась культура совершенно не литовская. Въ Восточной Пруссии есть эта желѣзная культура, но нѣтъ этихъ кургановъ. Она имѣется также въ Познани и Даніи, но ея нѣтъ въ Швеціи. Въ остальномъ Прибалтийскомъ краѣ такихъ вещей нѣтъ: это культура явно пришлая. Очень трудная, но занимательная задача, требующая и большой смѣлости и вмѣстѣ большой осторожности въ изслѣдованіи. (Зап. Рус. Арх. общ. VIII в. I; Труды Вил. арх. съѣзда II, 138; Труды Рижск. арх. съѣзда I, 71; Swiatowit, II).

Въ Ловкахъ Свенц. у. Покровский раскопалъ курганъ оригинального устройства, не имѣющій пока аналогій. Насыпь имѣла въ вышину 2 арш., была въ основаніи укрѣплена вѣнцомъ камней. Въ цилиндрической ямѣ, имѣвшей $1\frac{1}{2}$ арш. глубины, лежалъ скелетъ головой на З., а рядомъ оставъ коня; вся яма была забросана камнями, образовавшими большую кучу и сверху ямы.

20. *Гродненские курганы* X в. также одна изъ загадокъ литовской археологии. Невысокія насыпи (1—4 арш.) сферической формы, группами отъ 4—30. Характерны тѣмъ, что кости, черепки, камни, угольки разбросаны на всѣхъ горизонтахъ въ полномъ беспорядкѣ, и почти совершенно нѣтъ вещей. Это словно груды мусорной земли. Разъ на нулѣ обнаружена большая куча камня, въ другомъ курганѣ найденъ тоже скелетъ (какого времени?), при немъ куча угля, а на ней горшочекъ съ костями. Еще обнаруженъ каменный очагъ съ остатками кострища до 2 арш. въ діаметрѣ, и еще сожженныя косточки въ ямкѣ. Курганы, способные довести археолога до полнаго отчаянія.

Они распространены въ Гродненской, Сѣдлецкой и Сувалкской губерніяхъ. Авенаріусъ зналъ 19 группъ въ районѣ Дрогичина и Чарны Великой (Верхуци, Надбужная, Вулька, Гроднекъ, Клызовка, Лисовка, Манка, Малышки, Минчево, Острожаны, Путковцы, Руница, Сады, Цецели, Чарна). По его замѣчанію, сожженныя кости помѣщаются въ верхней части насыпей, въ одномъ или даже двухъ сосудахъ. Горшки украшены славянскимъ орнаментомъ, волнообразнымъ и линейнымъ. Въ Сувалкскихъ курганахъ этого же типа (Ясудово, Swiatowit, IX, 1) найдены Люцинскія вещи (Авенаріуса Дрогичинъ. Надб. 1890 стр. 18). Въ 1911 г. Бѣльскіе курганы тщательно раскалывались Дубинскій. Въ курганахъ Цецели имъ обнаружены каменные кладки на разныхъ горизонтахъ, въ 2, 3 ряда. У д. Клюковой очагъ изъ сильно перекаленныхъ камней, впущенныхъ въ землю, въ діаметрѣ 2 арш., забитый камнями, среди которыхъ попадаются сожженныя косточки, въ сторонѣ отъ центра черепки толстостѣнной корчаги; въ Бацаикахъ 2 плоскіе кургана сложены были изъ плитъ и камней въ 3 ряда, съ очагомъ шириной $1\frac{1}{2}$ арш. и обильными черепками у него; у д. Лехи плоскія, расплывшіяся насыпи съ ровиками, прихотливыя прослойки, какъ-бы отъ кострицы; въ одномъ курганѣ сожженіе на мѣстѣ; косточки сложены въ ямкѣ. Въ Бацаикахъ Дальніхъ особый курганъ овальной формы, укрѣпленный камнями, размѣровъ $15 \times 6\frac{1}{2} \times 1\frac{3}{4}$ а.; въ восточномъ полѣ 2 выпускные костяка съ вещами XI в. Вспускныя погребенія XI в. найдены и въ курганѣ у с. Рогачей Брестского.

Совершенно не знаемъ, кому могли принадлежать эти курганы. Надо знать точно районъ ихъ распространенія и произвести поболѣе раскопокъ, хотя это и не можетъ быть особо пріятной задачей для археолога, въ виду безпорядочности сооруженія насыпей.

Въ Слонимскомъ у. Глогеръ раскопалъ курганы XI—XII в., служащіе, быть можетъ, продолженіемъ предыдущихъ, съ вещами минскихъ типовъ. Нѣкоторыя изъ насыпей, кажется, обложены были въ основаніи кругомъ камней, другія имѣли камни на вершинѣ. У нѣкоторыхъ на вершинѣ замѣтны впадины, быть можетъ, отъ скелетовъ въ сидячемъ положеніи; такие скелеты найдены и здѣсь и въ Кобриновскихъ курганахъ. Эти курганы раскапывались еще близь Волковойска, а брестскіе скорѣе Бѣльского типа, (Pamiętn. Fiz. II, 491). Необходимо учитывать, что въ группахъ съ данными курганами имѣется и описываемыя далѣе каменные могилы.

21. *Гродненскія каменные могилы XI в.* Огражденія изъ большихъ камней, поставленныхъ стоймія, въ формѣ четыреугольника или овала, въ длину 3—4 арш., въ ширину $1\frac{1}{2}$ —3 арш., довольно внушительныя. Въ головахъ и въ ногахъ камни особенно большиe; на одномъ встрѣченъ высѣченный крестъ (можетъ быть, болѣе поздній). Получается ящикъ будто-бы 1— $1\frac{1}{2}$ а. глубиною; ямы часто нѣтъ, или-же она не глубока. Дно иногда обмазано глиной, или выложено мелкими булыжниками. Скелеты, лежащіе головой на З, засыпаны землей и заложены камнями до краевъ ящика. Самыя характерныя находки — массивныя, височныя кольца съ заходящими другъ на друга концами. Въ одномъ случаѣ такихъ колецъ было 5, на ниткѣ. Иныя вещи: трехшпинные серебряныя серьги, большія филигранныя бусы, кресты, лунницы, пряжки умѣренного размѣра съ завитками на расширенныхъ концахъ, пластинчатые браслеты съ суживающимися, свернутыми въ трубочку концами, перстни гладкіе или витые, проволочные, желѣзные топоры, желѣзная оковка ведеръ, гвозди и пр. Всѣ вещи западнаго происхожденія, близкія къ русскимъ, всѣ имѣются на Дрогичинскомъ городищѣ, всѣ они найдутся и въ Польшѣ.

Еще болѣе чѣмъ въ Гродненской, такихъ могиль имѣется въ Сѣдлецкой и Ломжинской губ. Авенаріусъ въ Бѣльскомъ у. зналъ 25 такихъ могильниковъ, въ Сѣдлецкой 3. Представленная выше характеристика дается на основаніи матеріяла, добытаго раскопками этого археолога. Авенаріусъ опредѣлилъ границы каменныхъ могиль такъ: Цѣхановецъ — Брянскъ — м. Наревъ — Мельникъ. Янчукъ въ 1891 г. раскапывалъ могилы подъ Чекановыемъ и Невядомомъ Сѣдл. губ., близъ г. Соколова (9 погребеній). Обрядъ погребенія тотъ-же; особыя вещи: есть тонкія височныя кольца, съ завитками и безъ нихъ, бусы бѣлые, синія, фиолетовая, скандинавскій желѣзный стержень на кольцѣ, наконечникъ рукоятки съ птичей головкой (Пам. кн. Сѣдл. губ. на 1892 г.). Кроме Чеканова каменные могилы найдены въ Лужкахъ и Гродзискахъ (Pamiętn. Fiz., III ir IV). Въ коллекціи Шнейдера изъ раскопокъ въ Гроднен. губ. имѣется: крестъ съ лиліевидными концами, круглая лунница, круглая подвѣска (имитация серебряныхъ подушечекъ), витая гривна и пряжечка съ концами въ видѣ кувшинчиковъ (то и другое литовскаго типа), круглые браслеты и пр. Въ Эрмитажѣ сохраняется недурная коллекція вещей этой культуры изъ им. Цецерскаго маршала Бѣлостокскаго; изъ особенныхъ предметовъ отмѣтимъ глиняное эмальированное яичко Кіевскаго типа. Какой-то могильникъ изъ 30 могиль съ каменными огражденіями зналъ Будзинскій въ д. Юстиновѣ въ 21 в. отъ Цѣханова Бѣльск. у. (Сувалск. Вѣд. 1872, 35). Дубинскій раскопалъ нѣсколько каменныхъ могиль въ Бацикахъ Дальніхъ Бѣльс. у. Огражденія были меньшихъ размѣровъ и состояли изъ 8 и менѣе камней; застиль лежалъ куполомъ и сложенъ былъ изъ мелкихъ камней. Довольно большія

раскопки въ 1892 г. произвелъ въ Ломжинской губ. Флери. По его описанію огражденія были четыреугольной, круглой и овальной формы, разной величины. Камни погружены въ землю и выпускаютъ наружу лишь свои верхушки; они поставлены плоскою стороною внутрь. Скелеты лежали головою на С. и Ю., въ гробовища или дубовыхъ колодахъ, прикрытыхъ крышкою, прибитою гвоздями; на колодѣ непосредственно лежалъ слой булыжниковъ. На одномъ изъ своихъ рисунковъ Флери изображаетъ огражденіе изъ плитъ и плитами же замащиваетъ самую могилу. Въ могилу бывали бросаемы остатки тризны, въ видѣ черепковъ, углей, расколотыхъ обожженныхъ камней. Въ одномъ огражденіи найдены порядочные кучки костей, смыщанныхъ съ углемъ. Височныхъ костей было по 6 на скелетѣ. На Бобрѣ Флери знаетъ каменные могилы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Rostki małe, Rus, Pienki, Kokoszki, Jancewko, Kokwowo, а районъ распространенія опредѣляетъ такими границами: межъ Бугомъ и Наревомъ, въ районахъ Бѣльска и Дрогичина, въ губ. Седлецкой, Гродненской и Ломжинской. По инымъ указаніямъ: Бугъ въ нижнемъ теченіи отъ Мельника, Висла ниже Буга не далѣе Плоцкой губ.; послѣдній пунктъ Добржинъ. Районъ Варшавы можетъ входить сюда-же (Грембково). Близъ Ежева въ Ломж. губ. могилы имѣли еще какія-то каменные кладки надъ костяками въ видѣ креста и другихъ фигуръ, а въ Костомлотахъ близъ Терасполя Сѣдлецкой губ. уже не было никакихъ камней. Могильники всегда заключаютъ по нѣскольку сотъ погребеній. Въ Пруссіи каменные могилы съ такими же вещами извѣстны до Вислы (Флери ссылается на раскопки Ярошевича, Морцицкаго, Можинскаго), идутъ они и по Польшѣ (о плоцкихъ Swiatowit II, 19). Въ Познани и Галиціи ихъ нѣтъ. Конечно, плоскія каменные могилы имѣютъ свои особенности; изъ вещей выдѣляются массивные щеголеватыя височные кольца съ вогнутымъ орнаментомъ изъ проволоки. Польскіе археологи свои каменные могилы, кажется, охотнѣе называютъ курганами. Отъ того-же времени въ Польшѣ извѣстны и грунтовые могилы, иногда имѣющія легкія огражденія изъ небольшого количества камней.

Основываясь на районѣ распространенія данныхъ могилъ, большинство изслѣдователей признавало ихъ ятвяжскими, но вѣдь какъ-разъ эти данные ведутъ къ иному соображенію. Это какія-то христіанскія славянскія погребенія. Ятвяги не были въ XI вѣкѣ христіанами и сожигали умершихъ. Для изученія каменныхъ могилъ нужно не только знать ихъ распространеніе, но еще иметь точное представленіе объ ихъ устройствѣ и внѣшнемъ видѣ, чего у насть, какъ можно видѣть изъ предыдущаго изложенія, еще нѣтъ.

22. Виленскія каменные могилы XIV—XV в. Многочисленные и интересные памятники древности. По общему описанію ихъ главного изслѣдователя, Шукевича, могилы имѣютъ видъ невысокихъ кургановъ, неаккуратно сложенныхъ изъ камней. Отмѣчены 3 вида могиль: 1) круглые кладки или площадки изъ 3—4 рядовъ камней, до $1\frac{1}{2}$ саж. ширины, 2) овальные и четыреугольные огражденія въ одинъ рядъ камней, до 1 саж. длины и до 5 ф. ширины; въ головахъ и ногахъ крупные камни, 3) огражденіе изъ рѣдко разставленныхъ камней, съ нѣсколькими камнями посрединѣ. Чувствуется, что всѣ эти виды могиль разнаго времени, и что позднѣе всѣхъ послѣдній. Но это еще не подтверждено анализомъ находокъ. Нѣкоторыя насыпи сложены изъ плитъ; въ нѣкоторыхъ обнаружены каменные склепы, съ устройствомъ которыхъ мы однако незнакомы. Вы-

сокіе камни иногда, кажется, снабжаются знакомъ креста. Подъ камнями почти всегда можно найти угли, пепель, черепки, кости животныхъ, особенно въ старыхъ могилахъ, еще не имѣющихъ монетъ. Разъ найденъ осколокъ дна стеклянной бутыли. Костяки лежать въ ямахъ, глубиною въ 1½ арш. головою на З. и изрѣдка на В. Въ ямѣ скелеты присыпаны слоемъ угля до 1 вершка толщиною, который вообще попадается въ землѣ, наполняющей могилу. Иногда скелеты обкладывались досками, и въ такихъ случаяхъ верхнія доски оказывались обугленными; въ одной Заблоцкой могилѣ угли лежали прямо на черепѣ. Разъ подъ пластомъ камней въ діаметрѣ 12 ф. на небольшой глубинѣ обнаружено было кострище въ 1 с. въ діаметрѣ, на которомъ оказались камни и черепки; костякъ лежалъ ниже. Ясны слѣды какой-то тризы, совершающейся вблизи могилы; костякъ присыпался углями съ костра (горящими); одна могильная яма была обставлена плитами. Въ общемъ картина погребенія неясна, особенно въ части тризы.

Характерныя вещи каменныхъ Виленскихъ могилъ: вѣнчики изъ тонкихъ фигурныхъ тисненныхъ позолоченныхъ бляшекъ, иногда въ каймѣ изъ мелкихъ бусъ и, можетъ-быть, жемчужинокъ; орнаментъ ихъ весьма разнообразенъ: въ видѣ косого креста, косого квадрата, розетки, аканѣа, неопределеннаго животнаго и пр. Это самая щегольская часть женскаго наряда, можетъ-быть, край фаты. Бляшки эти распространены всюду въ предѣлахъ литовскаго вліянія—отъ Новгорода до Киева. Височныя кольца тонкія съ заходящими другъ на друга концами, есть съ завитками, есть съ оборотомъ назадъ, совсѣмъ какъ въ Минскихъ курганахъ XI в. Большая ушные подвески со многими напущенными шариками, круглой и овальной формы. Серьги 3 типовъ: 1) кievскаго типа съ 3 гладкими бусами, 2) проволочная въ формѣ знака вопроса, съ бусами, или плетеніемъ на стержнѣ, 3) въ формѣ кольца, съ 2—4 спускающимися съ него бусами на проволокахъ. Бусы плохія, чаще мастичныя. Маленькие крестики съ горошинками на концахъ. Пластинчатые налокотники, браслеты и перстни, очень разнообразныхъ формъ, чаще пластинчатые; почти не встрѣчается 2-хъ одинаковыхъ. Характернѣе другихъ: перстни, плетеные на 3 грани, витые съ пластинчатыми концами, пластинчатые съ суженными концами, свернутыми въ трубку. Пряжки чаще мѣдныя, тонкія, съ вогнутыми боками, есть уже съ двойнымъ пролетомъ. Наиболѣе нарядный поясъ имѣлъ узкія бляшки въ видѣ витыхъ столбиковъ, 3 тонкихъ ажурныхъ пластинокъ и 3 крупныхъ серебряныхъ бляшекъ съ черневыми розетками; очень характерны мѣдные литовскіе ключи, ножи въ ножнахъ, прошитыхъ мѣдною проволкой. Кусочки парчи, пряслицы, горшечки съ волнистымъ орнаментомъ, монеты Кейстута, Витовта, Александра Ягеллона (+ 1506 г.), мейсенскій грошъ XV в., пражскія монеты XIII—XIV в. Шукевичъ каменные могилы въ 1884—1894 г. копалъ въ слѣдующихъ мѣстахъ Лидскаго и Трокскаго у.: Венжевщина, Опановцы, Пузеле близъ Начи, Карначиха близъ Дворчанъ, Чернишки близъ м. Собакинцевъ, Баранишки, Сырни, Дуничъ-Могилица близъ Заблоце, Шилойце, Некрашуны. Всего въ 8 могильникахъ онъ раскопалъ 120 могилъ (Зап. Рус. Арх. Общ. XI в. I, 303). Иныя мѣстности: Церемецъ, Пузеле. Позднѣе въ Ланкишахъ раскопано было въ могильнике до 150 погребеній (Przegl. archeol. г. II. z. I.). Вольтеръ 1888 г. въ тѣхъ же мѣстностяхъ раскопалъ свыше 100 погребеній въ 5 могильникахъ и отдельныя могилы въ Хотенчицахъ, Полянкѣ, Веркахъ Виленск. у. и въ

Уланахъ Свенц. у. (Swiatowit t. I и IV). Каменные могилы встрѣчены и въ Сувалкск. губ., въ сторону Гродна. Весьма интересный и непонятный мнѣ могильникъ Рыковъ раскопалъ близъ им. Меркененты Ошмян. у. Здѣсь на поверхности земли лишь „были замѣтны камни“, безъ слѣдовъ болѣе правильныхъ огражденій. На глубинѣ 3—4 вершковъ и около камней обнаружено множество черепковъ отъ посуды различной формы и орнамента, вмѣстѣ съ которыми лежали сожженныя кости, зола, уголь и различные желѣзные и мѣдные предметы. Вѣроятно, тутъ-же найдены были и скелеты. Вещей собрано довольно много, общихъ типовъ, а можетъ-быть, есть и особенные.

Болѣе позднія каменные могилы Будзинскій нашелъ въ Сувалкск. г. и Покровскій близъ Хотенчицъ Виленск. у. По виѣшнѣму виду это были четыреугольники изъ тѣсно поставленныхъ камней. Иногда рядъ такихъ могилъ окруженъ быть каменнымъ валомъ и рвомъ. Самыя позднія могилы Шукевичъ въ Лидск. у. раскапывались у Sałapiacibzki. Найденные тамъ вещи совершенно сходны съ предметами Ковенскихъ могильниковъ XV—XVI в. (Mater. antr.-arch. t. X и XI).

23. *Литовскіе курганы XIII—XIV в.* Ничего не понимая въ этихъ памятникахъ старины, я тѣмъ не менѣе обязантъ ввести ихъ въ свой перечень. Самый любопытный и эффектный изъ нихъ раскопанъ въ Ландваровѣ. Онъ былъ „замѣчательной величины“ и сложенъ изъ полыхъ изразцовъ (формы рюмки съ сжатыми боками) и камней, а вѣроятно и изъ земли. Ясно, что изразцы, будучи сложены другъ на другѣ, образуютъ сводъ, но неясно, где такой сводъ находится, внутри кургана, образуя камеру, или на его поверхности. Изъ вещей (въ камерѣ?) были найдены: красивый мѣдный котелокъ съ дужкой, на цѣпи, массивное стремя, шпоры, удила. Въ котелкѣ лежали сожженныя человѣческія кости. Шпора венгерская XIV в. (По Чилле и Форреру). Полагаемъ, что это погребеніе какого-нибудь очень видного литовского вождя по языческому обряду, наканунѣ принятія христіанства.

У м. Крохи Россіенскаго у. и у Ситкале Ковенск. у. найдены большие курганы до $1\frac{1}{2}$ саж. вышины, въ которыхъ обнаружены выложенные камнемъ могилы съ человѣческими и конскими костями. Сюда-же отнесемъ земляные и полуземляные курганы правильной кругой полуширокой формы, небог.: шіе, почти по размѣрамъ скелета (3×2 м.), раскопанные близъ д. Высокое, Крево и Назаровщизны Ошмян. у., близъ Кернова и Ленковщизны. Скелеты на нулѣ, головою на ~~на~~ З. съ горшкомъ въ ногахъ, говорять, иногда въ сидячемъ положеніи. Найдены золоченые бусы, широкіе топоры, скрѣпы XII—XIII в. Нѣкоторые курганы обложены камнями, а иные, кажется, и цѣликомъ сложены изъ камня.

На Двинѣ у Stabben близъ Фридрихштадта раскопанъ особенный курганъ размѣровъ $9 \times 1,65$ м., т. е. порядочной величины. Въ насыпи вкраплены камни. На поверхности материка скелетъ, головою на СВВ. Вещи: бердышъ, копье, шпоры XIII в., мечъ съ наконечникомъ, пряжка овальной формы, поясъ съ бляшками, пуговки, спиральныя кольца.

Всѣ эти курганы и имѣ подобные, какіе откроются позднѣе, прійдется именовать литовскими, не различая какого-либо отдѣльного литовскаго племени. Всего удивительнѣе ихъ внезапное появленіе: они вѣдь не имѣютъ традиціи и предшественниковъ, а возникаютъ въ силу какого-то случая, или какой-то особой мысли. Ландваровскіе погребенія— большая картина, къ сожалѣнію, не восстановимая. Не найдется ли еще

гдѣ-нибудь такихъ высокихъ кургановъ? Какой-то „королевскій“ курганъ указывается около Керново (Тарасенко) въ группѣ менѣе крупныхъ.

24. Клады вещей. Изъ кладовъ вещей у археологовъ пользуются наибольшимъ вниманіемъ монетные, какъ показатели торговыхъ путей, а главное — районовъ населенія въ данное время.

Рядомъ съ римскими монетами въ краѣ начали обращаться византійскія, но въ крайне маломъ количествѣ, только въ видѣ подмѣси къ римскимъ. Онѣ пока обнаружились близъ Бреста, въ Минск. г. (Пинскъ и Новый Дворъ) и въ Везенбергскомъ у. (Klein St. Marien). Не знаемъ, были-ли среди нихъ серебряныя, а золотыхъ не было.

Арабскихъ раннихъ монетъ въ Литвѣ не обнаружено совсѣмъ. Отъ X в. имѣются 2 хорошихъ клада съ берега моря изъ Курляндіи. Еще въ XVIII в. близъ Гробина найденъ былъ горшокъ съ монетами и слитками; сохранившіяся 20 монетъ оказались 766—976 г. Въ томъ-же районѣ у Кушки въ 1896 г. найденъ былъ кладъ изъ 106 куфическихъ монетъ IX и X в., трехъ спиральныхъ серебряныхъ наручниковъ съ петлями на концахъ, изъ нихъ 2 витые и 1 гладкій; наручники едва-ли имѣли практическое значеніе. Болѣе старые диргемы найдены въ глубинѣ Литвы, у д. Обрампалка Сѣдл. губ.; въ кладѣ было 471 монета VIII и IX в. Имѣются глухія свѣдѣнія о находкѣ монетъ въ Гродненской губ. Вотъ и все, что извѣстно изъ района Нѣмана. Въ Летскомъ или, точнѣе сказать, въ Полоцкомъ найдены 2 клада: близъ Дриссы (Витебской губ. ниже Дисны) 135 диргемовъ 941 г. и столько-же гдѣ-то въ Дисненскомъ у. (если это не тотъ же кладъ). Сюда-же идутъ 2 диргема, найденные у г. Видзы Новоалекс. у. въ томъ-же районѣ. Итакъ, литовцы, можно сказать, не имѣютъ никакого отношенія къ арабскимъ монетамъ, что указываетъ на отсутствіе у нихъ торговыхъ сношеній съ Готландомъ, который въ это время былъ насыщенъ диргемами. Въ районѣ ливовъ извѣстенъ кладъ изъ 36 диргемовъ у Риги и сколько-то монетъ найдено у Кремона. Готландскія вещи у ливовъ есть, а готландскихъ монетъ почти нѣть. Не получались ли вещи изъ Готланда окружнымъ путемъ, чрезъ эстовъ? Въ районѣ эстовъ совсѣмъ иная картина: диргемы здѣсь найдены въ значительномъ количествѣ. Правда, и здѣсь кладовъ изъ однихъ арабскихъ монетъ найдено лишь три; въ Maxhof у Дерпта, около 200 монетъ, изъ которыхъ опредѣлено 93 экз. 802—947 г., на Пейпустѣ 67 монетъ 705—861 и у Rathshof 16 монетъ саманидскихъ и аббайдскихъ. За-то въ видѣ приѣssi они оказались во всѣхъ многочисленныхъ и богатыхъ кладахъ западныхъ монетъ X—XI в., найденныхъ въ районѣ Дерпта: у Wöbs, Wendau, Arrohot, Warrol, Wella, Repshof, Oberpahlen. Что касается западно-европейскихъ монетъ X—XI в., то въ Литвѣ онѣ столь-же рѣдки, какъ и куфескія: отчужденіе отъ Готланда продолжается. Въ Neumoken въ 1829 г. найденъ кладъ изъ 360 западныхъ монетъ и 1 диргема, и это пока единственная ласточка изъ Курляндіи. У ливовъ значительный кладъ западныхъ монетъ XI в. найденъ у Horstenhof Венденского у.

Не перечисляемъ находокъ болѣе позднихъ западныхъ монетъ въ Прибалтійскомъ краѣ (изъ нихъ самая замѣчательная — кладъ изъ 20,000 брактеатовъ съ остр. Эзеля даже не принадлежитъ Литвѣ), пражскихъ грошей, монетъ литовскихъ, найденныхъ въ меньшемъ обилии, чѣмъ хотѣлось бы, и равнымъ образомъ разнообразныхъ монетъ XVI—XVII в. Свѣдѣнія о такихъ находкахъ очень цѣнны, когда они имѣются въ значительномъ

или достаточномъ количествѣ, чего еще нѣтъ. При устройствѣ шанцевъ въ 1917 г. у Lydinia Шавельск. у. нѣмцами былъ найденъ кладъ изъ многихъ сотенъ серебр. монетъ датскихъ, норвежскихъ, ганзейскихъ 900—1353 г. (?), поломанныхъ серебряныхъ гравированныхъ браслетовъ и филигравныхъ украшений. Сохранилось лишь немнога монетъ (Das Land Oberost 1917 стр. 403).

Нельзя не перечислить извѣстныя находки серебряныхъ литовскихъ гривенъ, столь интересующихъ нумизматовъ. Гривны имѣютъ видъ сургучныхъ палочекъ, однѣ съ глубокими нарубками, другіе со штампами въ видѣ розетокъ, вѣсомъ приблизительно около $\frac{1}{3}$ ф. Нѣкоторыя изъ гривенъ, можетъ-быть, большинство отливались для Литвы въ Ригѣ. Онѣ въ хорошемъ количествѣ обнаружены уже въ самой Лифляндіи. Въ 1851 г. въ Ригѣ найдено 9 гривенъ, въ Wurzburg въ 1882 г. до 12 ф. слитковъ (онѣ сохранились), въ 1893 г. въ Венденѣ 4 экз. (одинъ южнорусской формы), въ 1895 г. въ Abzenau 1 цѣлый и 2 рубля съ 4 любекскими и гамбургскими брактеатами; въ Виленской губерніи: у д. Русский Рогъ Виленск. у. въ 1904 г. 26 гривенъ трехъ разновидностей, въ Червономъ дворѣ того-же уѣзда любопытный кладъ изъ 1 цѣлаго слитка и 14 половинныхъ (кажется, всѣ на 3 грани, одна съ лоточкомъ въ нижней части) и изъ монетъ XIV в. ливонскихъ, литовскихъ, чешскихъ, кіевскихъ Владимира Ольгердовича, въ 1898 г. у д. Пиваголя Трокск. у. часть слитка и 7 литовскихъ монетъ, близъ Вильны 10 слитковъ. Въ Ковенск. губ. 6 короткихъ слитковъ въ 24—28 зол. вѣсомъ изъ им. Веліоны, какое-то количество слитковъ изъ Войткушекъ Вильком. у. Въ Курляндской губ.: 2 слитка вѣсомъ 23 и 30 зол. въ Ihlen близъ Тукума, въ 1896 г. 11 слитковъ въ Angermünde и 2 слитка въ 1894 г. въ Sparne-See. Въ Минск. губ. 16 литовскихъ слитковъ типа челночковыхъ найдено у д. Слободки Минск. у., кроме того 1 изъ цинка, 4 новгородскіе грубаго литья. Литовскія гривны найдены и въ русскихъ кладахъ, вмѣстѣ съ русскими слитками, напр., въ тверскомъ. Въ Кенигсбергскомъ музѣ есть литовскіе слитки изъ мѣстныхъ находокъ. Болѣе ранніе небольшіе серебряные слитки западнаго происхожденія найдены у Lennewarden въ Лифляндіи (арабскія и европейскія монеты по 1070 г. и 8 слитковъ очень разнаго вѣса отъ 200 до 20 gr.). Въ Гродненской губ. у Бужиска Бѣльск. у. (5 слит. вѣсомъ 19—43 з., 3 сложно витыхъ шейныхъ гривенъ и 6 болѣе простыхъ витыхъ-же гривенъ), въ Эстляндіи въ кладѣ Mehntak и иныхъ.

Въ литовскихъ памятникахъ старины нужно числить и дрогичинскія пломбы, подобныя которымъ можно ожидать въ разныхъ мѣстностяхъ литовского края.

Изъ кладовъ вещей наиболѣе любопытны: кладъ бронзовыхъ вещей Калиновки Бѣльск. у. и Курляндскіе VIII—IX в., отмѣченные выше. Всѣ эти клады принадлежали, конечно, торговцамъ и указываютъ на тревожное настроение купцовъ, не рѣшающихся держать товаръ открыто. Отъ болѣе поздняго времени клады сохранились въ весьма маломъ количествѣ, что указываетъ на сравнительно спокойное состояніе страны, не подвергавшейся такимъ стихийнымъ бѣдствіямъ, какъ, напр., нападеніе татаръ на Россію. Бѣдность кладами вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть объяснена и скромнымъ бытомъ населенія. Отъ болѣе раннаго времени извѣстна серебряная чаша византійской работы, найденная въ 1895 г. у д. Воронья на Пейпустѣ, блюдце нѣмецкой работы X в., найденное у Феллина, акваманиль XII в. изъ замка Laiss

въ Лифляндіи, довольно хороший кладъ вещей XI в. изъ Ipsche у Ленневардена въ Лифляндіи (серебряные шейные гривны, пряжки, браслеты, бусы, серебряные слитки, обломки). Въ собственно-литовскомъ краѣ неизвестно сколько-нибудь любопытныхъ кладовъ болѣе ранняго и поздняго времени. Клады серебряныхъ вещей попадаются въ Эстляндіи, странѣ поздняго серебра, но и то не въ очень значительномъ количествѣ.

Конечно, представляютъ большой интересъ найденные въ Литвѣ разнообразныя мѣдные статуэтки, въ которыхъ сперва видѣли изображенія литовскихъ божествъ (Мильды, Каваса), но безжалостная критика пока разрушаетъ всѣ такія предположенія, признавъ эти статуэтки предметами западно-европейского происхожденія.

Изъ находокъ отдѣльныхъ вещей отмѣтимъ желѣзный шлемъ Ко-венского музея (отъ Тарасенка), найденный у д. Руси Жостливской вол., у Кернова Трокского у. Кажется, онъ идетъ отъ сожженія.

25. *Пилькальнисы*. Всюду по Литовской землѣ ледникъ отложилъ короткіе песчаные валы и отдѣльныя сферическая возвышенія, составляющіе одну изъ основныхъ особенностей ландшафта страны, которыми не могъ не интересоваться человѣкъ. На нихъ обнаружены ясныя стоянки времени поздняго неолита, а затѣмъ неизбѣжно должны были послѣдовать поселенія, хотя-бы и слабыя, переходного времени. Позднѣе въ VI—VIII в., въ періодъ, къ которому приходится относить начало серьезной культуры литовцевъ, материальной и духовной, эти возвышенія покрываются городищами обрядового значенія, какъ это доказывается раскопками Кшивицкаго на пилькальнисѣ у Ракишекъ. Еще позднѣе, въ періодъ осложнившейся политической жизни, беспокойной, боевой, удобные мысы обратились въ укрѣпленія для защиты населенія и его имущества, а еще позже, когда пришлось строить уже болѣе значительныя укрѣпленія при постоянной угрозѣ внезапнаго нападенія со стороны сестрѣй, городища обратились въ сигнальныя горы. Въ то-же время весьма вѣроятно, что привычныя обрядовыя городища никогда не утрачивали своего первоначального назначенія. Вотъ краткая исторія этихъ интересныхъ памятниковъ литовской старинѣ.

Едва-ли какая-либо иная страна въ Европѣ можетъ гордиться такимъ количествомъ городищъ, какъ Литва. Это огромный фондъ для будущихъ литовскихъ археологовъ, почти безграничный матерьяль для восстановленія прошлой жизни населенія. Биленштейнъ ко времени Рижскаго Археологическаго съѣзда собралъ свѣдѣнья о 350 городищахъ въ районѣ отъ Нѣмана до Наровы (въ сѣверной Лифляндіи 25, въ южной 91, въ Курляндіи 90, изъ нихъ подъ Газенпотомъ 30, въ Семигалии 41, въ Ко-венскомъ краѣ 6, въ Восточной Пруссіи 27). Но Раджукинасъ для одной Сувалск. губ. прибавляетъ 36 городищъ, въ Ко-венск. краѣ Покровскій насчиталъ вмѣсто 6 городищъ 259. При дальнѣйшей регистраціи общее число городищъ, конечно, превысить 1.000; это число ихъ и можно пока принимать, какъ наиболѣе вѣроятное. Если-же мы решимся считать городища литовскаго типа за предѣлами Литвы, то общее число ихъ со временемъ придется еще повысить.

Биленштейнъ указываетъ два основныхъ типа городищъ: 1) устроенные на верху отдѣльныхъ возвышеній, съ однимъ валомъ (Dobelsberg, Amboiten, Wilkajen), 2) сооруженія на берегу рѣки, на мысахъ, или на дюновидныхъ возвышеніяхъ съ нѣсколькими валами (Oger, Ugain, Matkuln, Terwe-

ten, Kageln, Katzdangen, Zabeln, Treiden, Segewolde (Труды Рижск. арх. съезда II, 20—34). Внимательнейший изслѣдователь пилькальнисовъ послѣдняго времени Кшивицкій дѣлить ихъ по внѣшнему виду на 7 разрядовъ: 1) городище съ валомъ вокругъ всей площади (Пилькальнисы — обозы) длиною до 60 саж. съ крутыми склонами; вблизи всегда вода, 2) сѣдовидной формы, съ валами только на концахъ, 3) позднѣйшіе укрепленные города, 4) мысы, укрепленные валомъ, 5) убѣжища на болотахъ, 6) города съ посадами, храмомъ, кладбищемъ, 7) сторожевые горы безъ валовъ. Пилькальнисы различного назначенія, вѣроятно, и располагаются въ различныхъ мѣстностяхъ. Кшивицкій сдѣлалъ попытку установить сѣть сторожевыхъ пунктовъ. По его наблюденіямъ, болѣе всего городищъ расположено по границѣ съ тевтонами, а затѣмъ вдоль рѣкъ Нѣмана, Юры, Дубиссы, Минья, Вавиржаны, Невяжи, Венты. Быть можетъ, это и были мѣста болѣе значительного населенія въ Литвѣ; здѣсь есть городища, расположенные всего въ 5—6 км. другъ отъ друга. По р. Окмянѣ, притоку Юры, расположено на небольшомъ протяженіи 13 городищъ. Въ Курляндіи къ Зап. отъ Виндавы, не доходя до моря, и на полуостровѣ извѣстны 43 пилькальниса и 31 pilenos, т. е. остатковъ болѣе значительныхъ поселеній (Brastins, Latv. pilsk. 1923 г.; Тарасенко въ Mūsų Žinynas 1923. XIII).

Высказано мнѣніе, что городищъ нѣть въ низменныхъ мѣстностяхъ края (весь морской берегъ, Семгалія между Doblen и Tauernkaln, а отсюда до Nerfft и пр.) На болотахъ пилькальнисы могутъ быть насыпными, круглыми. Специальная жертвенная горы (Aukos-kalnas) указываются близъ Лаукнема Тельш. у., близъ Matkulin, у Тельсена, Pussen у Виндавы, въ предметѣ Ковны Алексотахъ. Великаны жмури — гора Шатря и Медвягола; при большихъ городищахъ располагаются малыя, какъ-бы сторожевые. Сердце жмури — районъ Медвяголы въ холмахъ, „Жмуурская Швейцарія“, полная овраговъ и трясинъ, дикая, но привлекательная, отрѣзанная отъ современныхъ путей сообщенія. Противъ этого края крестоносцы дѣлали постоянныя набѣги, здѣсь болѣе всего сохранились традиціи язычества; теперь эта мѣстность — большой историческій архивъ (Кшивицкій). Въ другомъ мѣстѣ, подъ впечатлѣніемъ массы сосредоточенныхъ въ одномъ районѣ городищъ, иногда величественныхъ размѣровъ, Кшивицкій восклицаетъ: „вотъ гдѣ начинаешь осознательно понимать, что здѣсь шла большая и сложная историческая жизнь, что литва большой народъ“.

Городища разнаго назначенія и разнаго времени имѣютъ разные размѣры и устройство. Рѣдки и очень интересны пилькальнисы въ видѣ двухъ правильныхъ конусовъ, стоящихъ одинъ на другомъ. Средина такого возвышенія представляеть собою очень массивный валъ и глубокій ровъ, дѣлающіе верхнюю площадку трудно доступною (таково въ Пруссіи городище у Tirklo-See; Sitzber. Prussia, XII табл. 1). Въ древнихъ обрядовыхъ городкахъ могло не быть валовъ, но они могли и быть, особенно по склонамъ, въ видѣ одного или двухъ валовъ со рвами, охватывающихъ склоны на нѣкоторомъ разстояніи отъ верху; такие рвы извѣстны изъ Ракишкѣ и другихъ мѣстностей. Валъ съ одной стороны или валъ кругомъ всей площадки такъ-же возможны въ это время, какъ въ обрядовыхъ городищахъ средней Россіи. Землю для валовъ брали въ тылу городища, съ боковъ его, а также изнутри; въ послѣднемъ случаѣ часть насыпи вала имѣла культурную землю. Валъ могъ быть выкопанъ не въ одинъ пріемъ, а подновляться, можетъ быть, неоднократно. Ровъ нуженъ былъ

прежде всего для увеличения размѣровъ вала, который въ первую эпоху городищъ, впрочемъ, едва-ли имѣлъ военное значеніе. Это лишь простая охрана городища отъ случайностей, какъ святилища и какъ гостинного двора. Устройство валовъ неясно. Кажется, иногда они складывались изъ глины и обжигались, какъ въ западныхъ городищахъ; это и не удивительно, т. к. литовскія городища могутъ итти съ запада. Для удобства подъема вверхъ по скатамъ городища могли существовать дорожки, но о нихъ мы еще не имѣемъ свѣдѣній. Для военныхъ цѣлей скатамъ городищъ могла быть придаваема болѣе значительная крутизна, причемъ землю брали, спускаясь на низъ, отчасти поднимаясь на верхъ, гдѣ она планировала площадку или увеличивала размѣры валовъ. Плантація, выравнивание площадки могло быть исполняено и само по себѣ и притомъ неоднократно, въ связи съ пожарищами или съ расширениемъ площадки. Основное содержаніе культурного пласта: мусоръ, зола (въ жертвенныхъ городищахъ въ большомъ количествѣ), колотые и цѣлые камни отъ очаговъ, кости дикихъ и домашнихъ животныхъ, черепки посуды и разнородныя вещи, располагавшіяся однѣ надъ другими въ хронологическомъ порядкѣ. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ культурные слои уже теряютъ свое первоначальное мѣсто отъ разнаго рода сооруженій и ямъ, а главное — отъ оползанія по скатамъ внизъ къ подошвѣ. Если площадь городища не обведена свое-временно валомъ, то культурный слой не удержится на верху, а непремѣнно скатится внизъ. На площадкѣ должно быть нѣкоторое свободное мѣсто для обрядовъ, и тутъ-же будутъ принадлежности культа: очаги или алтари, какія-нибудь сооруженія изъ дерева или камня, священные дубы. Разнородныя каменные кладки уже обнаружены на городищахъ, но въ нихъ пока еще совершенно невозможно разобраться. Въ Ракишкахъ и въ иныхъ мѣстностяхъ Кшивицкимъ обнаружены фигурныя кладки изъ небольшихъ камней весьма прихотливыхъ формъ; однѣ изъ нихъ круглые въ видѣ очаговъ, другія имѣютъ видъ капризной формы вымостовъ межъ какихъ то сооруженій, тѣсно поставленныхъ другъ къ другу. Однѣ изъ нихъ старше, другія болѣе новыя и отчасти лежать на предыдущихъ. Въ наибольшемъ количествѣ каменные фигуры расположены ближе къ краямъ площадки. Можетъ быть, не лишено интереса довольно близкое сходство этихъ фигуръ съ каменными кладками въ богатомъ могильникѣ Schernen въ Пруссіи; здѣсь были найдены остатки скелетовъ съ вещами VI—VIII в. (Sitzb. Prussia XVII табл. 6—13). На самомъ краѣ городища иногда имѣются кучки камней въ видѣ запаса для бросанія внизъ на непрѣятеля. Изрѣдка это каменные круги. Вообще, объясненіе каменныхъ фигуръ напилькальникахъ представляеть чрезвычайное затрудненіе. Слѣды жилищъ не угадываются, кроме одного случая въ Межулянахъ, о чёмъ ниже. Въ нѣкоторыхъ пилькальникахъ найдены остатки глиnobитныхъ стѣнъ или половъ, толщиной до 6 вершк., изъ грунтовой не мѣшанной глины, наброшенной на тонкія колья (образцы въ Ковенскомъ музѣѣ изъ мѣстнаго городища). Жилищныхъ или зерновыхъ ямъ неизвѣстно. Если жилища были, то должны отъ нихъ сохраниться хотя бы очаги. Обычные размѣры обрядовыхъ городищъ 30—50 метр., что даетъ очень небольшія площадки, неудобныя для селенія и для защиты. Наибольшее городище, Медвіяголѣ, имѣеть въ длину 102 м., что для городка тоже очень малые размѣры. Конечно, это былъ лишь городъ, а населеніе размѣщалось въ предмѣстьяхъ, ясные слѣды которыхъ при большихъ городищахъ открыты. Какъ можетъ быть продолжительно существованіе городищъ, обѣ этомъ даютъ понятіе свѣ-

дѣнія о раскопкахъ Кшивицкаго, нашедшаго на пилькальниѣ въ Ведерахъ культурный слой въ 4 метра, а въ Гондынгѣ свыше 2 м.

Устройство и время старыхъ литовскихъ городищъ имѣютъ полную аналогію въ средне-русскихъ городищахъ Дьякова типа. Сходство идетъ такъ далеко, что въ западныхъ Дьяковыхъ городищахъ и вещи попадаютъ исключительно литовскія VI—VIII в. Близость столь значительна, что придется принять особыя мѣры, чтобы разграничить районы распространенія тѣхъ и другихъ городищъ. Тутъ снова выступаетъ вопросъ о литовскихъ древностяхъ въ районѣ Оки.

Археологи, избалованные богатыми материальными могильниками и курганами, неохотно приступаютъ къ раскопкамъ городищъ. Первымъ началъ ихъ изслѣдованіе въ Литвѣ Покровскій, произведшій въ 1893 г. небольшую раскопку городища у Богуцишкѣ Свенцянскаго у. Валовъ на этомъ городищѣ нѣтъ. Немногія найденные вещи оказались отчасти старыми (глиняная пряслица VIII—IX в.), отчасти новыми, въ томъ числѣ, м. б., и черепки съ орнаментомъ щитками (Труды Вил. съѣзда, II, 190). За нимъ въ 1897 г. выступилъ Бухгольцъ, раскопавшій городище въ приходѣ Нитау въ Лифляндіи. Кажется, замѣчены слѣды обработки склоновъ, кажется, бытъ валъ. Обнаруженъ слой золы, куча камней, прямоугольникъ изъ разной величины камней, размѣромъ въ 1,8x1,40 м.; надъ нимъ культурный слой до 1,35 м. толщины. Интереснѣе городище Saarum у Вендана. Здѣсь найдена глиняная обмазка деревянныхъ зданій, много угля и золы, кости животныхъ (куницы, бобра, дикой свиньи, медвѣдя, лося, бѣлки), а главное—коровы и лошади, но время послѣднихъ неясно. Найдены еще шлаки (отъ мѣстныхъ болотныхъ рудъ), многочисленные грубые черепки и немало вещей, старыхъ и сравнительно новыхъ; изъ послѣднихъ отмѣтимъ эмалированный крестъ, не раньше XI в., и раковины каури.

Позднѣе произвелъ очень хорошия раскопки городища близь Межулянъ Свенц. у. Каширскій. Высота городища болѣе 9 саж. Валъ не первоначальный; онъ насыпанъ отчасти съ тыла, отчасти съ площадки, причемъ захвачено было значительное количество культурной земли. Внизу вала лежалъ слой угля до 1 арш. толщиною, справа до половины высоты (вся высота $5\frac{1}{2}$ арш.) набросана темная земля съ остатками досокъ и бревенъ, крупнымъ и мелкимъ углемъ; слѣва пластъ обожженныхъ и разбитыхъ камней; по верху черный культурный слой до $\frac{3}{4}$ арш.; всюду въ валу кости животныхъ (напр. коня и кабана), 2 топора. Не сложень-ли валъ изъ остатковъ пожарища? Въ него впущено какое-то сооруженіе въ видѣ кладовой или чулана, сгорѣвшее и потому до нѣкоторой степени сохранившееся. Клѣть срублена въ 7 вѣнцовъ, нижній изъ толстыхъ бревенъ, средніе по $\frac{1}{4}$ арш. толщины размѣровъ $5 \times 2 \times 1\frac{1}{2}$ арш.; полъ плотный изъ сѣрой земли до 6 верш. толщины, на $\frac{1}{2}$ арш. ниже современного уровня площадки. Внутри на высотѣ 3-го вѣнца справа полка, на землѣ спереди 3 большихъ сосуда и 2 бруска, а у стѣнки горшочекъ, бусы, удила, стремена, ложка, спиральки, бубенчики, 7 пряслицъ, 4 стрѣлы, ножи, скоба, мѣдное кольцо, нѣсколько выше топоръ, стрѣла, гирька, ножи, гвоздикъ. Внѣ сруба справа, у его угла, какое-то интересное сооруженіе въ видѣ алтаря: на подстилкѣ изъ глины мѣстами потрескавшейся отъ огня, усѣченный конусъ камней вышиною 2 арш., шириной $\frac{3}{4}$ арш., сложенный аккуратно и, видимо, на глинѣ; камни пережжены и потрескались. На площадкѣ культурный слой $1\frac{1}{4}$ —1 арш. толщиною. Какія-то двѣ пере-

съкающіяся канавки, глубиною $\frac{1}{4}$ арш., шириной 1 и $1\frac{1}{2}$ арш., можетъ быть, слѣды раскопки. Что-то вродѣ очага: площадка до 2 арш. шириной изъ твердой, темной земли, смѣшанной съ угольками и золой. Тутъ въ небольшомъ количествѣ, плотнымъ слоемъ, пережженные, чаще разбитые камни; кости свиньи, коровы, коня, коготь медвѣдя. Находка: бубенчики, 2 пряслица, спиральки, шпильки, шейная гривна, браслеты, стекляное колечко, стремя, топоръ, въ чуланѣ крупа и сгорѣвшій печеный хлѣбъ. Определены вещи принадлежать X в., Люцинской культурѣ. Время вала приблизительно опредѣляется найденнымъ въ немъ погребенiemъ дѣвочки съ вещами XI—XII в. Можемъ дать описание найденныхъ на этомъ городищѣ черепковъ: 1) наибольшее количество принадлежитъ грубымъ черепкамъ съ примѣсью крупной дресвы; лѣпленные, форма банки съ прямымъ краемъ, орнамента или нѣтъ или онъ грубый, штриховыи (вкось и скрещеніе); это черепки типа каменнаго вѣка поздней поры, а какое они могутъ имѣть отношеніе къ городищу, для меня остается неяснымъ; 2) горшечки болѣе поздняго времени, приготовленные на станкѣ, съ очень глубоко вогнутымъ краемъ, черные, рѣже сѣрые и красные, большие, изрѣдка съ волнистымъ орнаментомъ, можетъ быть, XIII—XIV в. Черепковъ, современныхъ основному городищу X в., можетъ быть, совсѣмъ нѣтъ, или не собрано.

Самыя значительныя раскопки пилькалиновъ произведены были Кшивицкимъ. Городище у Петрашунъ близъ Ракишекъ, раскопанное въ 1909 г., имѣть въ длину всего 25 м., валовъ нѣтъ, культурный слой 0,20 — 1,00 м., зола, обожженная глина. Въ глубокихъ частяхъ, на разныхъ горизонтахъ, мѣстами другъ надъ другомъ, пласти и фигуры изъ небольшихъ камней, иногда кругами; въ кругахъ черепки, коготы мелкие камни. Находки: 3 желѣзныя острія, часть толстой мѣдной проволки, рукоятка, мѣдная булавка, 3 желѣзныхъ серповидныхъ ножа, много неопределенныхъ костяныхъ подѣлокъ, а главное, немалое количество каменныхъ топоровъ, цѣлыхъ и въ обломкахъ, и нѣсколько кремневыхъ подѣлокъ. Въ другомъ, тогда-же раскопанномъ городищѣ у Дукшты, были найдены близъ Новоалександровска также вещи каменнаго вѣка (молотокъ, 3 клина, ударное костяное орудіе) и нѣсколько не характерныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ вещей. 1911 г. Кшивицкій копалъ городище въ Дербутахъ Ковенск. у., тоже небольшое, укрѣпленное, однако, валомъ и рвомъ. Находки можно относить, кажется, къ тремъ періодамъ. Отъ древняго остались очаги въ видѣ пластовъ изъ небольшихъ камней, тщательно уложенныхъ и смазанныхъ глиною, а также остатки жилищъ или шатровъ. Къ болѣе позднему времени относятся камни, сложенные прерывающимся поясомъ по краю городища, шириной до 1 м., а къ позднѣйшему — валъ, занявший часть этого пояса. Отъ этого времени найдены вещи XIII—XIV в. пряжки, мѣдные ключи, шпоры (*Pamiętn. Fisygogr. XXI, 15*). Наконецъ, въ 1917 г. произведены наиболѣе тщательныя и интересныя раскопки въ городищѣ близъ Ракишекъ, недалеко отъ берега Даины, въ районѣ Illuxt (гора Остика, магната). Городище по скатамъ укрѣплено 2 валами и 3 рвами, сооруженными близъ площадки, имѣвшей въ длину 52 м. Очищена была значительная часть площадки, на которой ближе къ краю найдено большое количество каменныхъ фигуръ весьма замысловатыхъ формъ и неопределенного назначенія; нѣкоторыя налагали одна на другую. Культурный пластъ имѣть въ толщину отъ 30 с. до 1 м. (сред-

няя часть выше боковыхъ сторонъ). Находки всѣ безъ исключенія принадлежать Рагинянской культурѣ VI—VIII в. Это: довольно многочисленныя булавки, мѣдныя и желѣзныя, съ головками въ видѣ кольца, булавы и колеса, мѣдная небольшая пластинчатая фибула, спиральки, глиняныя прядильцы, серповидные ножи, разнообразныя подѣлки изъ кости въ видѣ булавокъ, шильевъ и ударныхъ орудій. Самая замѣчательная находка—желѣзная булавка съ головкой въ видѣ прорѣзной грушевидной лопасти, киевскаго и харьковскаго типа. Кшивицкій тронулъ и не мало иныхъ городищъ.

Конечно, никакихъ жилищъ и ходовъ внутри самыхъ возвышеній, на которыхъ расположены городища, не было и не могло быть, но на скалахъ городищъ могли держать землянки. Имѣется рисунокъ великого пилькальника въ Sawensee (Лифляндія), въ видѣ отдельной горы съ 4 валами въ верхней части (Ebert, 558). Латышскія городища изучаль Баллодъ; онъ даетъ хороший перечень позднихъ городовъ Лифляндіи (Зап. Моск. Арх. Инст. т. XIII). Литература о литовскихъ пилькальникахъ довольно обильна; къ приведеннымъ выше прибавимъ еще слѣдующія изданія: Кшивицкій въ Изв. Археол. Комм. вып. 29; Krzywicki, Żmudz starożytna, Warsz. 1906; Рыковъ, Древности Леттгалии в. 1; Radzinkynas, Pilekalniai 1909; Тарасенко въ „Mūsų senovė“ IV и „Mūsų Žinynas“ № 13.

26. *Дороги.* Литовцы, повидимому, занимались очень мало разработкой грунтовыхъ дорогъ, кроме развѣ необходимостишихъ магистральныхъ. Это, во первыхъ, потому, что они должны были прятать свои селенія въ лѣсахъ и среди болотъ, а во вторыхъ, потому, что инстинктивно пріучились беречь тишину лѣса, чтобы не пугать дичь и звѣря. Литовскій лѣсъ—это своего рода заповѣдникъ, своего рода паркъ. Движеніе всюду совершалось верхомъ, по тропамъ. Отсюда исконная любовь литовца къ коню; при началѣ литовской культуры, въ VI в., конь уже есть. По болотамъ въ необходимыхъ мѣстахъ сооружались гати изъ колотыхъ плахъ. Гати, сохранившіяся и открытые въ Пруссіи, сложены изъ 6 рядовъ плахъ длиною болѣе 1 саж., скрѣпленныхъ съ боковъ бревнами и многочисленными кольями и въ необходимыхъ мѣстахъ положенныхъ на сваи (Sowentz, Die Moorbrücken, 1897). Сохранились части такихъ гатей до 300—600 саж. протяженіемъ. Теперь они поросли мохомъ и травою и едва различимы. Какія изъ этихъ частей литовскія, какія нѣмецкія, сказать трудно. Въ послѣднюю войну нѣмцы очень удачно использовали этотъ способъ передвиженія черезъ болота.

Сами литовцы, можетъ-быть, охотнѣе устраивали каменные броды, кильгринды, состоявшіе изъ нѣсколькоихъ слоевъ камней или плитъ, присыпанныхъ пескомъ и укрѣпленныхъ съ края бревнами, шириной до 9 ф. Такія части шли подъ водою, въ низкихъ мѣстахъ, всегда извилисто. Настоящая глубина этихъ гатей $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{2}$ арш. Они именуются въ населеніи шведскими дорогами, врядъ-ли потому, что ихъ строили шведы, а въ общемъ отчетѣ, какъ большинство памятниковъ старины. На Жмури каменные дороги извѣстны черезъ болото Рагай у Подевайцъ, Дырванъ Поневѣжъ, близъ Купишекъ; шведские броды черезъ Вислу и Вармію указываются близъ Ужвенты, „Чортова грабля“ извѣстнана на оз. Нарочъ Свенцянск. у., у м. Мядзюль, изъ крѣпко связанныхъ камней шириной для четверки (Живоп. Россія III, 54. Кшивицкій въ Изв. Арх. Комм. в. 29 стр. 120). Всѣ—екретныя военные дороги, можетъ-быть, уже далеко не ранняго времени.

Въ 1879 г. у р. Аа близъ Трейдена была поднята большая ладья. Выскажано предположение, что она можетъ имѣть отношеніе къ походу на Лифляндію 1261 г.

27. *Камни*. Въ разныхъ мѣстахъ края имѣются отдѣльные примѣчательные по величинѣ и формѣ камни, окруженные преданіями и легендами, между которыми, быть можетъ, имѣются камни, связанные съ культомъ, и въ такомъ случаѣ около нихъ могутъ оказаться слѣды приношеній или жертвъ. Довольно обычны камни съ изображеніемъ стопы, креста, подковы, распространенные и въ Польшѣ, что, можетъ-быть, указываетъ на ихъ сравнительно позднее происхожденіе. Камни съ изображеніемъ подковъ извѣстны въ Leskini Виленск. губ., съ фигурою креста въ Палоганцахъ Ошм. у. и 3 въ Zblanach Лидск. у. Камни съ подобными изображеніями имѣются въ Радчинск. у. Сѣдлец. губ. (д. Турово, Браницо, Zakowola и др.). Вместо креста и подковы иногда 2 подковы (Swiatowit, II, 116). У д. Grybosz Лидск. у. найденъ камень съ вырѣзаннымъ неопределеннымъ рисункомъ изъ полости и полукруга. Камень со стопками извѣстенъ изъ Mitkišiu Виленск. г. и высокодворской вол. Камень съ изображеніемъ солнца, подковы и креста у м. Свобишкел той-же губ. Нѣсколько камней съ непонятными знаками извѣстны въ Сумелишск. вол. въ Чунскомъ лѣсу. Весьма интересенъ камень у д. Paparciai на Виліи въ Трокск. у. Это грубой пирамидальной формы камень съ выбитыми на самомъ верху чашечками, а у подножія сбоку на камнѣ непонятного назначенія желобокъ длиною 86 сант., шириной 12 и глуб. 8 с.; съ боковъ стоки (Тарасенко въ журн. Kultura 1923, I).

Тему о чашечныхъ камняхъ необходимо выдѣлить, въ виду ихъ особыго значенія въ археологіи. На р. Версокѣ Лидск. у. гранитный камень съ 2 мисками, круглой и слегка овальной; есть у д. Юрчишки, а также близъ Nowa Pogosc Виленск. губ.; есть они и на Эзелѣ. Камень съ изображеніемъ коня, окруженного крестами, можно видѣть, кажется, у Arrasch. Камни безъ изображеній: Мокусъ съ семьей въ Вепровск. вол. на Свентѣ (статья Вольтера въ Arch. f. Religionswiss.), Пантукъ въ той-же мѣстности, къ С. отъ Вилькомира, Valulis (свадьба), у д. Leukagalien, тамъ-же еще другой, Крестовый, противъ Кернова (Тарасенко). Тышкевичъ указываетъ большие плоскіе камни для сидѣнія (Rzut oka 31).

Какие-же наши итоги? Мы съ относительнымъ успѣхомъ могли слѣдить за самимъ началомъ литовской культуры (мѣстный поздній періодъ каменного вѣка), за долгою отчужденностью Литвы отъ обще-европейской культуры, за первымъ проявленіемъ этой культуры черезъ готовъ, за мѣстной переработкою и расцвѣтомъ ея въ VI—VIII в., а затѣмъ въ IX и X в., съ раздѣленіемъ на 2 вѣти, за курганами летовъ и селоновъ VI—VIII в. и за переселеніемъ этихъ племенъ въ IX в. черезъ Двину, за древностями пруссовъ въ III—XIII в., за могильниками куроновъ IX и X в., за древностями летголы XI—XVI в., за могильниками литвы XIV—XVIII в., за интереснѣшими Виленскими курганами XIII—XIV в., за курганами ливовъ X и XI в. и болѣе поздними, за славянскими (?) курганами VIII—X в. и ихъ-же могильниками XI и XIV в., за началомъ, устройствомъ и содержаніемъ городищъ VI—XIII в. Менѣ всего извѣстны и опредѣляются древности собственной Литвы, т. е. жмури и аукстайти, наиболѣе интересны для литовской археологіи, но, повидимому, хороший успѣхъ и здѣсь при

условій систематичности работы обезпечень. Изъ многихъ другихъ очередныхъ задачъ отмѣтимъ нѣкоторыя: 1) опредѣлить центры рагинянской, мемельской и люцинской культуры, 2) опредѣлить древности ятвяговъ, 3) установить народность виленскихъ кургановъ VIII—X в., гродненскихъ кургановъ X в. и гродненскихъ каменныхъ могилъ, 4) собрать болѣе материала для литовскихъ кургановъ XIII—XIV в., 5) опредѣлить отношеніе литовскихъ древностей VI—VIII в. къ окскимъ и днѣпровскимъ, 6) опредѣлить отношеніе минского района къ литовскимъ древностямъ, 7) предпринять болѣе значительныя изслѣдованія пилькальниковъ, особенно древнѣйшихъ, 8) связать археологический материалъ съ лингвистическими изысканіями о литовскихъ племенахъ, отнюдь имъ не подчиняясь, 9) составить археологическую карту. Безъ послѣдней никакія изслѣдованія невозможны.

Изложенные выше выводы показываютъ, что литовская археология находится далеко не въ зачаточномъ состояніи. Разными учрежденіями и лицами собранъ уже довольно значительный материалъ и отчасти подвергнутъ изученію. Всѣ народности края дали прилежныхъ изслѣдователей мѣстныхъ древностей. Поляки дали превосходного, лучшаго въ краѣ открывателя древностей Шукевича, а также рядъ другихъ дѣятелей: гр. Тышкевичей, Вильчинского, Осовскаго, Глогера, Флери, Будзинскаго, Кшивицкаго, Бренцштейна. Среди нѣмецкихъ изслѣдователей особенно выдвинулись Тишлеръ и Гаусманъ, а далѣе: Крузе, Гривингкъ, Крюгеръ, Больцъ, Бой, Кемке, Бецценбергеръ, Эбертъ. Изъ русскихъ изслѣдователей наибольшія услуги здѣсь оказали Покровскій и Романовъ, а затѣмъ: Богоявленскій, Авенаріусъ, Массалитиновъ, Сизовъ, Бренденбургъ, Абрамовъ, Каширскій, Дубинскій, Янчукъ, Харузинъ, Туковскій, гр. Уваровъ, Спицынъ. Отдельно стоить Киркоръ. Литовцы выставили почтенного дѣятеля въ лицѣ Довгирда, а также Вольтера, Нагевича, и сюда-же причислимъ проф. Бугу. Изъ учрежденій наибольшее количество лицъ къ работамъ по литовской археологии привлекли Археологическая Комиссія въ Петербургѣ, Московское Археологическое общество, организовавшее 2 съѣзда, въ Вильнѣ и Ригѣ, Кенигсбергское о-во Prussia, мѣстная археологическая о-ва, привлекавшія къ древностямъ общественное вниманіе и собравшія значительныя коллекціи (особенно университетское Эстонское). Но наиболѣе удивленія и признательности требуютъ частныя лица, тратившія на археологическую изысканія и сборы свой личный трудъ и средства. Среди нихъ въ первой линіи выступаютъ Шукевичъ, Довгирдъ, Крюгеръ, а за ними гр. Тышкевичи, Больцъ, Глогеръ, Флери, Вильчинскій, Гривингкъ, Бой, Нагевичъ.

Настоящая работа представляетъ собою не столько полный обзоръ литовскихъ древностей, сколько ихъ очеркъ, такъ какъ автору еще не удалось ознакомиться съ новыми приобрѣтеніями Прибалтийскихъ музеевъ, особенно-же Митавскаго, Рижскаго и Дерптскаго; не удалось также использовать полностью и литературу, достигшую весьма значительного объема. Библіографія 1913 г. перечисляетъ 1320 статей и сочиненій только для Прибалтийскихъ губерній. А сколько материала таится въ новыхъ литовскихъ изданіяхъ! Главное-же сколько его имѣется въ музеяхъ! Небольшой Ковенскій музей даль мнѣ цѣлый рядъ совершенно новыхъ, неожиданныхъ наблюденій. Надѣюсь, однако, что и въ этомъ своемъ видѣ моя работа исполнить свое прямое назначеніе—служить первымъ руководственнымъ пособіемъ для всякаго,

кто будетъ имѣть охоту или нужду заняться богатѣйшими, интереснѣйши-
ми литовскими древностями. *Sequentes valeant!*

В. В. Нагевичу, вдохновителю ссвременной литовской археологии, по-
свящаю я этотъ свой трудъ.

Kohn und Mehlis, Materialen zur Vorgeschichte Menschen im östlichen
Europe. Jena 1879 г. 2 т.

Korrespondenz—Blatt der deutschen Anthrop. Gesellschaft.

Kruse. Necroliwonica, 1842.

Hausmann R. Katalog der Austellung zum X. archeol. Kongress in Ri-
ga, 1896 г. Его же Uebersicht über die archäolog. Forschung in dem Ostsee-
provinzen im letztem Jahrzent, 1908.

Ebert M. Die baltischen Provinzen, 1913. Prägist. Zeitschr. V в. З.

Покровский, Археологические карты Виленской, Ковенской и Грод-
ненской губ.

Sitzka J. Archäologische Karte von Liv—Est— und Kurland 1896.

Харузинъ Н. Обзоръ доисторической археологии Прибалтийского края.
Временникъ Эстл. губ., I, 1894.

Szukiewicz W. Poszukiwania archeologiczne w powiecie Lidzkim, I—III.
Mater. Komm. antrop. t. X, XI, XIII.

Библіографія по археології Остзейскихъ провинцій по 1913 г. въ
Балтійскомъ сборнику, Рига, 1914.